

Надежда Александровна Соболева
Очерки истории российской
символики. От тамги до символов
государственного суверенитета

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=454585*

*Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета:
Языки славянских культур; Знак; Москва;
ISBN 5-9551-0150-0*

Аннотация

Книга посвящена российской государственной символике. В ней исследуются официальные знаки власти на разных этапах развития отечественной государственности. Анализируя малоиспользуемые в научных исторических трудах монеты, печати, геральдические эмблемы, автор прослеживает неотраженный в письменных источниках сложный путь становления символов российского суверенитета: герба, флага, гимна. В форме очерков воссоздается история властных атрибутов, их трансформация в общегосударственные эмблемы на протяжении столетий. Впервые излагается подробная история российского государственного флага в контексте развития знамен и флагов Европы и в соответствии с общественной событийностью в России. Приводятся новые архивные данные о становлении государственных гимнов Отечества.

Содержание

От автора	4
I. Начало Российской государственной символики	8
Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея»[1]	8
К вопросу о символике власти в контексте развития русской государственности[159]	40
II. Эволюция государственного герба России	50
Становление восковой печати в Северо-Восточной Руси[208]	50
Происхождение печати 1497 года: новые подходы к исследованию[268]	58
Печать 1497 года – историко-художественный памятник Московской Руси[383]	80
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Надежда Александровна Соболева

Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета

Посвящается моему мужу Владимиру Карповичу Частных

От автора

В течение трех десятилетий темой моих научных изысканий является российская символика. Она вписывается в контекст исследований по ряду вспомогательных исторических дисциплин: нумизматики, сфрагистики, геральдики, изучением предмета которых я занимаюсь со времени окончания учебы на историческом факультете МГУ.

Монетам, печатам, гербам посвящены отдельные книги. Однако ряд вопросов, имеющих существенное значение для обоснования моей авторской позиции, изложен на страницах научных журналов и сборников статей. Некоторые из них ввиду небольшой тиражности малодоступны читателю. Поэтому я с благодарностью приняла представившуюся возможность издать публиковавшиеся ранее статьи отдельной книгой. Подобный принцип публикации в виде самостоятельного труда статей, написанных по одной большой теме, широко распространен в западноевропейской историографии, а в последнее время он все чаще применяется и в отечественных научных изданиях.

В данной книге речь идет о государственной символике России. Российская государственная символика находится в ряду тех вопросов, которые еще недавно казались мало значащими для научного осмысления и не вызвали особого интереса в обществе. Однако в последние полтора десятилетия на фоне возросшего интереса к символам, эмблемам и прежде всего к гербам, который можно объяснить возрождением многих исторических традиций, институтов и понятий, знаки, олицетворяющие российскую государственность, становятся приоритетнейшими. Для исследователей это обуславливает необходимость объяснения гражданам нашего Отечества смысла исторической и политической целесообразности тех или иных знаков государственного суверенитета, дважды в течение одного столетия подвергшихся изменению в соответствии со сменой политических реалий.

Герб, флаг и гимн новой России, несмотря на то что в декабре 2000 г. они утверждены законодательным путем, все еще неоднозначно оцениваются обществом, являясь предметом дискуссий, а иногда и более серьезных противостояний.

Одной из причин подобного неадекватного отношения к символам суверенитета своей страны является недостаточное знакомство граждан с их историей. До недавнего времени в историографии существовали лишь самые общие сведения о государственной символике нашего Отечества, начиная с зарождения российской государственности. Этот феномен объясняется прерывистым характером русской истории, не дающим возможности нарисовать реальную картину эволюции и использования носителями власти атрибутов этой власти, проанализировать их символику, определить степень традиционности, исконности, заимствований. И письменные источники, отчасти по этой причине, скупо освещают историю отечественной властной атрибутики. Недостаток достоверных данных, с одной стороны, обусловил отсутствие каких-либо серьезных сведений о возникновении государственных эмблем в трудах крупных российских историков (С. М. Соловьева, В. О. Ключевского), с

другой – способствовал рождению различных мифов, субъективных трактовок непроверенных источниковедческих фактов. К последним относится, например, осторожное высказывание В. Н. Татищева двухсотпятидесятилетней давности о заимствовании великим князем Московским Иваном III Васильевичем государственного герба у Византии в результате его женитьбы на Софье Палеолог. В XIX в. существовала также версия, что племянница последнего византийского императора привезла в Россию и другой символ – Драконоборца. Прошло 200–250 лет со времени появления подобных версий; исследователями последующих поколений, казалось бы, опровергнуты многие суждения, высказанные на заре становления исторической науки, причем к мнениям российских историков присоединились и зарубежные исследователи, однако «традиции» оказались хоть и неисторичными, но живучими.

Непрофессиональные суждения высказываются в литературе также о советских государственных эмблемах, насчет происхождения которых в настоящее время существует много экзотических версий.

Явная недостаточность письменных данных о символах российской государственности способствует поиску дополнительных источников для их воссоздания. К счастью, в XX столетии большие успехи сделало источниковедение. Такие замечательные ученые, как Н. П. Лихачев, Н. П. Кондаков, Я. И. Смирнов, А. В. Орешников и другие, вводя разноплановые источники (вещественные, изобразительные) в свои исследования, способствовали развитию специальных исторических дисциплин: геральдики, сфрагистики, нумизматики, которые, в свою очередь, обогатили наши представления о символах и атрибутах власти, их значимости в контексте эволюции российской государственности.

Деятельность ученых начала XX в. в исследовании источников продолжили советские археологи, нумизматы, специалисты в области вспомогательных исторических дисциплин.

Источниковедческий опыт предшественников и коллег оказался для меня своеобразной путеводной звездой в работе над малоизученными историческими памятниками, какими еще 30 лет тому назад были гербы. Исследование территориальных, прежде всего городских, гербов Российской империи с последующей защитой докторской диссертации по геральдике – первой в России по этой дисциплине, явилось, как теперь говорят, прорывом в мир государственных символов, ибо с полным правом городские гербы Российской империи можно назвать государственными знаками. Во-первых, в России они возникли в XVIII–XIX вв. под эгидой верховной власти и подобно прочей государственной символике оформлялись законодательно. Их описание вносилось в Полное собрание законов Российской империи. Во-вторых, бесспорна близость художественного оформления многих городских гербов и других символов государственной власти. В обоих случаях заметна идеологизированность символики. В-третьих, в городской символике среди явных атрибутов самодержавия присутствуют и индивидуальные черты города, местности, их «особности», составляющие непередаваемую индивидуальность, красоту этих сторон жизни России, что, бесспорно, пробуждает патриотические чувства, как и главные символы страны, символы ее государственного суверенитета.

Институт городского герба, существовавший в Российской империи, был воссоздан на основе источниковедческих методик, которые не только включали построение художественного гербового ряда, но и предусматривали соотношение его с печатями, монетами, знаменами, предметами мелкой пластики и т. д. разных эпох. Последние составили целый комплекс вещественных источников, который вкупе с обнаруженными архивными документами, законодательными актами, литературными и лингвистическими памятниками позволил скорректировать уже известные факты, но в основном – по-новому подойти к изучению российских городских гербов, сравнив их с подобными же памятниками Западной Европы.

Думается, что, используя уже опробованную методику исследования, можно подойти и к трактовке проблем российской символики разных хронологических периодов – от эпохи

Древнерусского государства до современности. «В первом приближении», ибо вопрос многоаспектен и неисчерпаем, подобный подход продемонстрирован в публикуемой книге.

Сравнительный анализ комплекса вещественных и письменных источников, параллелизм истолкования памятников материальной культуры Руси и соседних стран позволяет выделить основные вехи процесса складывания официальной символики в соответствии с государственными теориями власти. Государственная символика, таким образом, включается в контекст изучения властных идей и функционирования власти. Это научно и серьезно. Однако все, что касается гербов, символов, покрыто еще флером романтики, таинственности, волнующей неизвестности... Поэтому геральдический феномен являлся таким привлекательным для целого ряда людей, которых в силу глубокой эрудиции всегда интересовали мои «геральдические творения», хотя собственные их занятия были далеки от романтики. К таким людям я отношу проф. В. И. Бовыкина, чл. – корр. АН В. Т. Пашуто, акад. И. Д. Ковальченко, П. В. Волобуева, В. В. Седова. Они всегда с неподдельным вниманием открывали подаренные мною книги, посвященные гербам и печатям.

Не могу не выразить искреннюю признательность членам Федерального экспертного совета Министерства образования РФ, где в секции обществоведческого образования под председательством проф. С. И. Козленко обсуждалась на предмет присуждения ей грифа МО РФ моя книга «Российская государственная символика. История и современность», выпущенная издательством «Владос» дважды – в 2002 и 2003 гг. – в серии «Библиотека для учителя». В рецензировании книги приняли участие люди, на практике использующие содержащийся в ней материал: М. Ю. Брандт – зам. главного редактора журнала «Преподавание истории и обществознания в школе», А. Э. Безносков – учитель обществоведения Пироговской школы, О. Н. Мельникова – учитель школы № 788 г. Москвы. Буквально музыкой звучали для меня слова протокола в адрес обсуждаемого школьного пособия: «... представленные материалы особенно актуальны в условиях усиления внимания к истории государственной символики России, изучение которой является составной частью работы по патриотическому, гражданскому воспитанию учащихся». Это действительно вдохновляющая на исследовательскую работу оценка авторского труда.

Я высоко ценю высказанные в мой адрес как исследователя российской символики, и геральдики в частности, слова моих коллег из Австрии, Финляндии, Польши, Чехии, Словакии, а также – персонально Э. Римши из Литвы, Т. Пумпурины из Латвии, М. Елинской из Белоруссии.

До конца моих дней я сохраню память о людях, которые не только поддерживали меня морально на протяжении моего длительного научного пути, но и верили в меня, когда на этом пути возникали преграды. Это незабвенные Г. К. Вагнер, С. А. Янина, Б. Г. Литвак, В. М. Потин.

Было бы неблагодарным с моей стороны не упомянуть в данной, в какой-то мере итоговой, книге те места, где проводилась моя эвристическая работа: архивы, библиотеки, музеи, а также академические журналы, которые печатали мои начальные труды по названной проблематике и, к счастью, печатают до сих пор. Я благодарю архивы и сотрудников РГИА, РГАДА и лично И. А. Балакаеву, ГАРФ и лично С. В. Сомонову, Отдел рукописей РГБ и лично И. В. Левочкина, Отдел письменных источников ГИМа, Музей Гознака, моих дорогих коллег из отделов нумизматики Гос. Эрмитажа, Гос. Исторического музея, Музея современной истории. Самой искренней признательности с моей стороны заслуживают сотрудники читальных залов: 1-го зала РГБ, 2-го зала ГПИБ, кабинета истории ФБ ИНИОН, а также библиотек ИРИ РАН, ИА РАН.

Я благодарю журнал «Вопросы истории» и лично И. В. Созина, редакцию «Отечественной истории» за многолетнее предоставление страниц этих журналов новейшим моим

работам. Благодарю д. и. н. А. Я. Дегтярева, который помог в непростых для меня обстоятельствах издать брошюру «История герба Москвы».

Наконец, сердечно благодарю научные фонды, и прежде всего РГНФ, за финансовую помощь в издании данной книги, благодарю издательство «Языки славянских культур», взявшееся за ее публикацию, и сотрудников этого издательства за бесспорный профессионализм и доброжелательность.

Все эти люди, целые коллективы, среди которых, конечно же, и коллектив ИРИ РАН, где я работаю половину своей жизни, не только помогали мне в моем труде, но и понимали меня, а, как известно, когда тебя понимают – это счастье.

I. Начало Российской государственной символики

Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея»¹

Два столетия древнейшие русские монеты находятся «в разработке» у ученых. Создан сводный каталог первых русских монет, проведена детальная классификация златников и сребреников, определены хронологические рамки их выпуска. Многие вопросы, касающиеся первого русского чекана, можно считать закрытыми. В обобщающем труде, появившемся к тысячелетнему юбилею начала русской монетной чеканки, подведены итоги изучения древнерусских золотых и серебряных монет X – начала XI в. и определена их многоаспектная значимость в истории отечественной государственности².

Тем не менее остаются белые пятна на, казалось бы, абсолютно затканном полотне истории начальной русской чеканки. Прежде всего речь идет о «загадочном знаке», помещенном сначала на лицевой стороне (согласно И. Г. Спасскому и М. П. Сотниковой), а затем занявшем прочное место на оборотной стороне серебряных древнерусских монет.

С легкой руки Н. М. Карамзина, описывавшего сребреники Ярослава Владимировича и отметившего на оборотной стороне «в середине надписи знак подобный трезубцу»³, знак под этим названием вошел в историю. В настоящее время эмблема, именуемая трезубцем, приобрела поистине мировое политическое звучание, ибо используется в качестве герба суверенного государства – Республики Украина. Естественно, что новый статус трезубца вызвал и новую волну интереса к нему прежде всего как к политическому знаку, символизировавшему самостоятельность Украинского государства еще в далеком 1917 г. Тогда председатель Центральной рады, крупнейший украинский историк М. С. Грушевский предложил использовать трезубец Киевской Руси как герб Украинской народной республики. Этот «герб Владимира Великого» в начале 1918 г. и был утвержден Радой. И хотя через год его сменил герб Советской Украины с серпом и молотом, по мнению многих украинцев, только трезубец символизировал государственность их земель. Не случайно Тризубом назывался политический журнал украинской эмиграции, издававшийся в 20-е гг. XX в. в Париже, на страницах которого была изложена одна из последних версий исторической значимости фигуры, изображенной на древнерусских монетах, печатях и прочих предметах, бытовавших не только в глубокой древности, но и на протяжении многих столетий на Украине и в России⁴. Политизация «тризуба» в современности так же, как и в первые десятилетия XX в., вызывает к жизни все более оригинальные исследовательские построения, в которых наряду с фантастическими расшифровками трезубца – «знака Рюриковичей» предлагается и вербальное его изменение: вместо «тризуба» – «якорь-крест»⁵. К сожалению, даже в новейших работах эта эмблема по старинке называется гербом и осмысливается в контексте геральдики Киев-

---

¹ Оpubл.: Хранитель. Исследователь. Учитель: К 85-летию В. М. Потина: Сб. научных статей. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005. С. 33–68.

² Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI в. Л., 1983.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., Кн. Т. Примеч. 56.

⁴ Що означає собою знак «Тризуба» і звідки він походить (Лист з Берліна) // Тризуб. Тижневик. Paris. № С. 15–16.

⁵ Шаповалов Г. И. Знак Рюриковичей не Тризуб, а якорь-крест // Пам'ятки України. Київ, Т. 1; Он же. О символе «якорь-крест» и значении знака Рюриковичей // Византийский Временник. Т. С. 204–210.

ской Руси X-XI вв., что выглядит явной архаикой на фоне научных достижений в области семиотики, геральдики, многочисленных трудов о знаках отечественных и зарубежных⁶.

**Рис. 1. Изображение «загадочного знака»
на монетах Владимира Святославича:**

1 – златник; 2 – серебреник I типа; 3 – серебреник II типа

---

⁶ См., например, определение понятий «геральдика» и «герб» в статье крупнейшего французского специалиста по геральдике Мишеля Пастуро: *Heraldique // Dictionnaire du Moyen Ages*. Paris, P. 664–667: «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением гербов. Гербы – это цветные эмблемы, принадлежащие индивидууму, династии или некоему коллективу и созданные по определенным правилам, правилам геральдики. Именно эти правила (впрочем, не столь многочисленные и не столь сложные, как обычно считают, основу которых составляет правильное использование цвета) отличают европейскую геральдическую систему от всех остальных эмблематических систем, предшествующих и последующих, военных и гражданских».

Пожалуй, ни один из исследователей первых русских монет (а именно им принадлежат начальные определения и характеристики «загадочного знака») не оставил этот знак без внимания. Причем классификация монет, датировка всегда были наиболее важными для изучавших их; вопрос же о расшифровке знака играл второстепенную роль. В отдельных работах время от времени обобщались разные мнения о сущности непонятного знака. Одним из первых предпринял подобную попытку автор капитального труда о древнейших русских монетах И. И. Толстой, который посвятил целую главу «разным объяснениям загадочной фигуры на монетах великих князей Киевских»⁷. Он перечислил десяток авторов, подробно изложив аргументы каждого в отношении предлагаемого ими толкования (трезубец, светильник, хоругвь, церковный портал, якорь, птица-ворон, голубь как Святой Дух, верхняя часть византийского скипетра, вид оружия)⁸.

В приложении к главе И. И. Толстой публикует изменившееся мнение А. А. Куника по поводу происхождения «загадочной фигуры»: «Я теперь более, чем в 1861 году, склонен думать, что фигура может быть норманнского происхождения»⁹. Однако гораздо важнее замечание Куника о сущности самого знака: он определяет его как «родовое знамя Владимира», выросшее из знака собственности.

С последним выводом Куника согласился и Толстой, добавив, что первоначальная форма знаков собственности изменяется при переходе от одного лица к другому. Очень существенным представляется дальнейшее развитие этой мысли И. И. Толстым: «Изменения эти состоят или в урезке какой-нибудь части основной фигуры, или же в прибавке каких-нибудь украшений; особенно часто замечается прибавка крестов к какой-нибудь части фигуры, причем кресты бывают самой разнообразной формы. То же явление мы замечаем и в нашей загадочной фигуре»¹⁰.

Последнее положение Толстого было подхвачено и интерпретировано авторами, писавшими о первых русских монетах и «загадочных знаках» на них. Прежде всего речь может идти об А. В. Орешникове.

Еще в 1915 г. В. К. Трутовский в статье, написанной к 60-летию Орешникова, наряду с самой высокой оценкой трудов последнего в области античной, русской нумизматики, прикладного искусства отмечал особые заслуги Орешникова в исследовании «загадочного знака» златников и сребреников, доказывающем применение его на монетах как родового княжеского знака, идентичного в тот период знаку собственности, но отличающегося от последнего тем, что с небольшими изменениями он передается по наследству, развиваясь от простейшей формы к более сложной¹¹.

Через несколько десятилетий, в столетний юбилей А. В. Орешникова, знаменитый археолог А. В. Арциховский также поставил в заслугу А. В. Орешникову – «самому крупному из русских нумизматов» – значимость его классификации родовых княжеских знаков, «привязку» их к определенному князю, составление таблицы их вариантов от Владимира Святого до Всеволода III и привлечение для классификации археологического материала. Последнее, как подчеркивал А. В. Арциховский, вывело труды Орешникова за рамки нумизматики; они превратились в необходимые пособия для всех отечественных историков и археологов¹².

---

⁷ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.

⁸ Там же. С. 165–182.

⁹ Там же. С. 182.

¹⁰ Там же. С. 186.

¹¹ Трутовский В. К. Ученые труды А. В. Орешникова. М., С. 8–9.

¹² Арциховский А. В. Памяти А. В. Орешникова // Нумизматический сборник. Вып. Ч. 1 С. 7–12.

А. В. Орешников писал о заинтересовавших его знаках древнейших русских монет практически на протяжении всей своей научной деятельности. В 1894 г.¹³ он обобщил существующие в литературе мнения о существе «загадочного знака», включив в обзореваемую литературу малоизвестную статью П. Н. Милюкова из Ежегодника французского нумизматического общества «Норманнский знак на монетах Великого княжества Киевского», который увидел в знаке норманнский головной убор. Упоминает Орешников и высказывание Д. Я. Самоквасова, характеризовавшего монетный знак как знак власти и обнаружившего аналогии в навершиях скипетров из скифских царских курганов.

Явное неприятие у Орешникова, пожалуй, вызывает лишь новый взгляд на трезубец И. И. Толстого, предложившего искать аналогии на Востоке: «Вероятнее всего, разрешение загадки придется искать в области восточного орнамента, и некоторые изображения цветка, встречаемые в растительных украшениях восточных рукописей, очень может быть, имеют ближайшее отношение к первому русскому гербу, заимствованному в таком случае с Востока»¹⁴.

Напротив, близким ему по подходу оказалось предположение вятского статистика П. М. Сорокина. Последний свои наблюдения над знаками обычного права у сохранившихся родовой быт современных ему вотяков, при котором изначальную отцовскую простую форму родового знака (метки) сыновья путем прибавления дополнительного элемента превращали в более сложный знак, перенес на знаки первых русских монет. Этнографические наблюдения Сорокина Орешников дополнил сведениями об аналогичных родовых знаках других народов – зырян, лопарей, вогулов и т. д.

Этнографическую схему эволюции «родовых знаков Рюриковичей», о которой Орешников упоминает в своих последующих трудах, фундировали снабженные аналогичными фигурами материальные предметы, из археологических раскопок, прежде всего перстни, подвески, а также печати-буллы¹⁵. В результате А. В. Орешников на основе разработанной им схемы эволюции знаков первых русских монет представил хронологию их выпуска, отличную от ранее предложенной И. И. Толстым. Она не получила поддержки ряда нумизматов, в частности Н. П. Бауэра, который полагал, что датировка Орешниковым древнейших русских монет по знакам не столь эффективна, как соотнесение их с другими монетами кладовых комплексов, в состав которых входили ранние русские монеты, анализ перечеканок и проч.¹⁶

Неоднозначность оценки нумизматами предложенной Орешниковым хронологии древнейших русских монет не повлияла на утвердившееся в научном мире, во многом благодаря его трудам, восприятие «загадочного знака» как родовой эмблемы Рюриковичей. В книге Н. П. Лихачева, которую А. В. Орешников смог увидеть изданной (2-й выпуск, 1930 г.), автор подчеркнул: «Мы видим, что теория родового знака совершенно упрочилась, разнообразны только толкования его происхождения»¹⁷.

С подобным подходом к вопросу о «загадочном знаке» был согласен и барон М. А. Таубе, опубликовавший в конце 20-30-х гг. несколько работ на тему о трезубце в зарубеж-

¹³ Орешников А. В. (А. О.) Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки. № С. 301–311.

¹⁴ Русские древности в памятниках искусства. Вып. I V. С. 172.

¹⁵ Орешников А. В. Древнейшие русские монеты // Русские монеты до 1547 года. М., 1896 (Репр. М., 1996). С. 1–5; Он же. Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. М., Т. III. Вып. С. 9–11; Он же. Задачи русской нумизматики древнейшего периода. Симферополь, 1917; Он же. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., Серия VII. № 2; Он же. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936.

¹⁶ Бауэр Н. П. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. // Известия ГАИМК. Л., Т. V. С. 313–318.

¹⁷ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды музея палеографии. Л., Вып. С. 56.

ных изданиях¹⁸. Бывший профессор Санкт-Петербургского университета, а в эмиграции – сотрудник Института международного права в Гааге, М. Таубе небезосновательно считал, что разгадка «сфинкса», как называл знак И. И. Толстой, может иметь значение не только для нумизматики и археологии, но и способствовать решению общеисторических проблем, относящихся к раннему периоду существования Древнерусского государства.

Таубе выделил две проблемы, которые в начале исследования «загадочного знака» не были столь очевидными, но к концу 30-х гг. окончательно прояснились, а именно, его значение (*in genere*) и его изображение (*in specie*).

В отношении первой особых разногласий не существовало: «загадочный знак» воспринимался как родовой знак дома Рюриковичей. К этому мнению Таубе присоединился: «По вопросу о том, каково было его значение, т. е. к какой категории знаков он относится, мы можем определенно сказать, что он действительно представлял собою родовой знак осевшего в России варяжского княжеского дома, семьи “старого Игоря”»¹⁹, возникший в простейшей форме еще в языческие времена.

Отгадки «предметного» прообраза знака не казались автору столь определенными. Он насчитал не менее 40 ученых, которые давали весьма различные толкования «предмета», и в результате выделил 6 тематических разделов, в каждый из которых включал перечень предлагаемых определений (с указанием авторства).

Приведем их в сокращенном виде.

А. Знак как символ государственной власти (трезубец, верхушка византийского скипетра, скифский скипетр, корона).

Б. Знак как церковно-христианская эмблема (трикирий, лабарум, хоругвь, голубь Святого Духа, акакия).

В. Знак как светско-воинская эмблема (якорь, наконечник «франциски», лук со стрелой, норманнский шлем, секира).

Г. Знак как геральдически-нумизматическое изображение (норманнский ворон, генуэзско-литовский «портал»).

Д. Знак как монограмма (руническая, византийская, «украинская»).

Е. Знак как геометрический орнамент (византийского происхождения, восточного типа, славянский, варяжский)²⁰.

Сам Таубе считал, что знак *in specie* не представляет собой никакого предмета реального мира, не соглашался он и с толкованием знака как монограммы. Единственно приемлемым вариантом, по его мнению, являлось определение его как условной геометрической фигуры, орнамента. «Но, – рассуждал Таубе, – если знак Владимирова дома представлял собою не более как известный узор, орнамент, то совершенно ясно, что вопрос о его происхождении сводится к отысканию той художественной среды, в которой был в ходу или мог возникнуть подобный орнамент»²¹. Автор обнаружил художественную среду в Скандинавии и нисколько не сомневался, найдя «знаку Рюриковичей» аналогии на «рунических камнях средневековой Швеции», в его шведском происхождении. Исследуя изобразительную форму «загадочного знака», Таубе обнаружил в нем присутствие лилейного «узла», имевшего магическое значение «заговора», привораживания счастья и заклинания зла. С другой стороны, автор признавал, что «знак Рюриковичей» все-таки отличается от скандинавских рун, сохраняя в принципе форму трезубца – «одной из древнейших, широко распространен-

¹⁸ Таубе М. А. Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого // Сборник, посвященный проф. П. Н. Милюкову. Прага, С. 117–132; Он же. Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для древней Руси // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси (988-1938). Белград, С. 89–112.

¹⁹ Таубе М. А. Родовой знак семьи Владимира Святого. С. 104.

²⁰ Там же. С. 91–92.

²¹ Там же. С. 106.

ных в Европе и Азии эмблем власти», а также «заветного символа... известного в обширном регионе действий древних скандинавских викингов».

В результате М. А. Таубе предложил трактовать «загадочную фигуру», широко распространенную в древнерусском быту, как стилизованное изображение морского трезубца – древнейшую эмблему власти, оформленную «в привычных для пришедших в Россию варягов формах рунического орнамента», отражающего магические представления скандинавов²². По мнению Таубе, изначальная характеристика знака не осталась неизменной. Из символа власти и собственности князя он быстро превратился в символ общественно-государственного значения, олицетворяющий единство княжеского рода, единство земли Русской, единство культурное (подразумевается выход этого знака за пределы Русского государства)²³.

Таубе закрепил уже существовавшее в историографии мнение о скандинавских корнях «загадочного знака». Наряду с подобной интерпретацией не отвергалась и идея полного заимствования всех компонентов начального русского чекана (а следовательно, и «загадочного знака») из Византии. А. В. Орешников, хотя и не акцентировал внимание на «предметности» знака, неоднократно высказывался в пользу его местного, т. е. автохтонного происхождения²⁴. Ему следовали и некоторые советские историки, например О. М. Рапов²⁵.

Создается впечатление, что работы А. В. Орешникова о знаках Рюриковичей явились толчком к изучению их в более широком контексте. Во всяком случае, через четыре года после публикации книги Орешникова «Денежные знаки домонгольской Руси» появилась большая статья будущего академика Б. А. Рыбакова, посвященная княжеским знакам собственности²⁶. Она стала настольной книгой для многих поколений археологов и историков, занимающихся изучением ранней истории Русского государства. Рыбаков привлек огромный (прежде всего археологический) материал, несущий знаки собственности русских князей, на основании которого предложил их новую классификацию. Он очертил территориальные и хронологические рамки бытования знаков, проанализировав сферу их использования.

Академик Рыбаков лишь в общих чертах высказался на интересующую нас тему, заметив, что «происхождение начертаний этих знаков до сих пор не выяснено, несмотря на большое количество предложенных решений»²⁷. Вместе с тем автор отметил близость как по форме, так и по существу знаков Приднепровья и боспорских царских знаков, охарактеризовав этот феномен как «два параллельные по смыслу явления, разделенные семью столетиями». «Генетической связи, за отсутствием промежуточных элементов, наметить нельзя, – пишет далее ученый, – а семантическая налицо. И там и здесь эти знаки являются принадлежностью правящего рода, династии, и там и здесь они видоизменяются, сохраняя общую схему, и там и здесь они существуют с фоновым письмом на правах сохранившегося пережитка более ранних форм письменности...»²⁸.

Важным для нашего дальнейшего построения являются два предположения Б. А. Рыбакова. Первое касается находки на верхней Оке и в Приднепровье двух подвесок VI–VII вв. со знаками, близкими к позднейшим знакам Рюриковичей. Ученый назвал эти знаки тамгами, предположив, что они являлись знаками славянских (антских) вождей, однако осторожно

²² Там же. С. 109–110.

²³ Там же. С. 111–112.

²⁴ См., например, его замечания на сообщение В. К. Трутовского в Московском археологическом обществе «Новый взгляд на происхождение загадочного знака на монетах Св. Владимира» // Древности. Труды императорского Московского археологического общества. М., Т. XVII. С. 121; Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 49.

²⁵ Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология (СА). № С. 62–69.

²⁶ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // Там же. VI. С. 227–257.

²⁷ Там же. С. 233.

²⁸ Там же. С. 233–234.

заметил, что выводить систему знаков X-XII вв. из этих тамг хотя и соблазнительно, но «пока неосновательно».

Второе замечание Рыбакова относится к боспорским царским знакам, также тамгообразным. Верхние части некоторых из этих знаков напоминают человека с поднятыми вверх руками или головы рогатых животных. «Может быть, — пишет ученый, — при дальнейшей разработке этой гипотезы и удастся указать прототип для этих знаков, схематизированное изображение какой-нибудь ритуальной сцены с непременно участием коней, сцены, напоминающей известные дакосарматские элементы в русском народном творчестве»²⁹.

Исследование знаков Рюриковичей было продолжено рядом археологов, прежде всего В. Л. Яниным³⁰, однако практически все они (А. В. Куза, А. А. Молчанов, Т. И. Макарова и другие) или вносили поправки в первоначальную классификацию знаков, прослеживая изменение их структуры (изучение «отпатышней»), или досконально анализировали сферу их применения в Древней Руси, т. е. разрабатывали предложенное Б. А. Рыбаковым направление.

Не касаясь вопросов классификации знаков Рюриковичей, их трансформации, степени использования, границ распространения и применения (все эти вопросы подняты и в той или иной степени исследованы в работах археологов), вернусь к изначальному предмету данной статьи — к «загадочным знакам» на первых русских монетах. Как уже отмечалось, многочисленные «толкователи» эмблемы искали ее прообраз в Византии, у варягов, в русской истории. Однако были и такие, кто обнаруживал изначальное восточное влияние на ее становление. Среди них, в частности, был Н. П. Кондаков, издавший вместе с И. И. Толстым «Русские древности в памятниках искусства» (см. выше). Известный нумизмат А. А. Ильин также предполагал, что на чекане первых русских монет «заметно влияние Востока». По его мнению, человек, занятый в изготовлении монет, должен был иметь перед глазами сасанидские монеты, на оборотной стороне которых — «государственная эмблема в виде алтаря с горящим огнем с двумя стражами». Использование «загадочного знака» на монетах древнерусских князей — явление того же порядка, и это указывает на влияние сасанидских монет³¹.

Выдающийся специалист в области вспомогательных исторических дисциплин Н. П. Лихачев, сталкиваясь в течение многолетних сфрагистических изысканий с разными вариантами «загадочного знака» на печатях, пломбах и другом подобном материале, не мог пройти мимо этого «сфинкса». Н. П. Лихачев включил свои размышления о знаках Рюриковичей в контекст большой работы «Печати с изображением тамги или родового знака», опубликованной во 2-м выпуске «Материалов для истории русской и византийской сфрагистики», который, к сожалению, мало используется исследователями. Тщательно проанализировав попытки трактовки знака нумизматами и не поддержав ни одной из версий, он ограничился риторическим вопросом в самом конце работы: «Может быть задан еще вопрос, на который мы не решимся ответить ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Вопрос этот — не происходит ли так называемое «знамя Рюриковичей» (а вместе с ним и однотипные знаки на печатях) с Востока; он уместен, потому что по начертаниям своим знак Рюриковичей однотипен с некоторыми, например, тамгами Золотой Орды, а в основе своей, представляющей как бы вилы о двух зубьях, совершенно схож с поздней золотоордынской тамгой XV в.»³².

²⁹ Там же. С. 234.

³⁰ Янин В. Л. Древнейшая русская печать X в. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИ-ИМК). Вып. С. 39–46; Он же. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Там же. Вып. С. 3–В данной работе В. Л. Янин обосновывает тезис о личностной характеристике княжеской тамги, существовавшей изначально, лишь позднее приобретшей родовой или территориальный характер (рязанская тамга XIV–XV вв.); Он же. К вопросу о дате Лопастницкого креста // Там же. Вып. С. 31–34; Он же. Актовые печати Древней Руси. X–XV вв. М., Т. С. 36–41, 132–146 и др.

³¹ Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода. Л., С. 6.

³² Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 266.

Для того чтобы поставить этот вопрос, ученый предпринял сравнительный анализ огромного количества печатей, пломб, монет, на которых изображены знаки, идентичные по конфигурации знакам Рюриковичей. Масса аналогий в разнообразном по времени и территории материале заставила его не только заключать, что «все это показывает, как в разное время и в разных местах могут образовываться знаки одинакового рисунка»³³, но и предупреждать: «Обзор и исследование знаков собственности и так называемых символов, особенно же в данном случае тамг тюркских племен, представляет большую важность, но самое прикосновение к родовым знакам способно увлечь к скифам и индо-скифским царям и еще дальше, а рядом с этим в вопросе о происхождении, о заимствованиях и влияниях необходима крайняя осторожность, иначе в клеймах финской деревни, нам современной, можно найти знаки, видимые на наших древних пломбах и печатях»³⁴.

Сам Н. П. Лихачев, как бы очерчивая время и территорию бытования заинтересовавших его знаков-тамг, отмечавших «родоприсхождение, собственность, производство», которые в Древней Руси были в употреблении, попадая и на памятники «общественного значения», «обращает свой взор» к высказанной в тогдашней литературе проблеме русского каганата. Однако, не будучи уверенным, что эта проблема разрешит его собственную проблему в отношении русского знака-тамги, он осторожно замечает: «Соседство “Русов” с народностями тюркского происхождения (выше – хазар, авар. – *Н. С.*), с кочевниками, среди которых были в таком распространении родовые тамги, несомненно – и помимо вопроса о каганате»³⁵.

Н. П. Лихачеву не пришлось ознакомиться ни с основополагающими трудами по истории Хазарского государства М. И. Артамонова, А. П. Новосельцева, ни с археологическими исследованиями Хазарии, отраженными в работах М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, их коллег и учеников, ни с разнообразными статьями и монографиями, в которых собраны многочисленные начертания знаков, аналогичных знакам Рюриковичей, бытовавшим на обширной территории – от Монголии до Дуная, с поистине новаторскими работами В. Е. Флеровой, посвященными знакам Хазарии, с работами болгарских ученых последних десятилетий XX в., где проводится поиск аналогий знаков-тамг праболгар, предлагается их дешифровка и т. д. Однако интуиция ученого приводила его к очень важным наблюдениям и выводам, которыми можно руководствоваться и сейчас при осмыслении знаков Рюриковичей. Так, Лихачев полагал, что «изменения знаков не поддаются объяснению одним каким-нибудь законом, например постепенного осложнения. В разных местах при различных, может быть, обстоятельствах действуют и своеобразные обычаи». Он приводит в качестве примера заключения А. А. Сидорова, проводившего этнологические исследования в некоторых районах Архангельской области, который отметил разницу в происхождении, правилах наследования и изображения тамги как знака собственности мужчин и тамги, применяемой женщинами на предметах гончарного производства. В то время как мужские тамги переходят по мужской линии от отца к сыну, постепенно видоизменяясь по определенным правилам, женские тамги переходят по женской линии (от матери к дочери) без всяких изменений³⁶. Лихачев не ставил знак равенства между условным знаком – тамгой (знаком собственности) и тотемом, какую бы тамгообразную форму по конфигурации он собой ни представлял. В то же время он не мог не отметить встретившийся ему в работе, посвященной бурятским знакам собственности, факт присутствия в начертании одного из типов тамги местных ханов следов знака, «заимство-

---

³³ Там же. С. 108.

³⁴ Там же. С. 57.

³⁵ Там же. С. 266.

³⁶ Там же. С. 262–263.

ванного из ламайского культа»³⁷. Очень существенным для исследователей всевозможных знаков, в том числе и тамгообразных, представляется замечание Н. П. Лихачева о том, что «знаки родовые, а в особенности знаки собственности, совсем не то, что “символы”, которые благодаря священному культовому, почему-либо им приданному значению, мигрируют, сохраняя свою форму»³⁸.

Исключительно конструктивные идеи Н. П. Лихачева, уже развитые современными исследователями в различных вспомогательных исторических дисциплинах, прежде всего в сфрагистике, несомненно, будут способствовать и доскональному исследованию «загадочного знака» первых русских монет. Его осмысление обусловливается новыми тенденциями, характеризующими развитие отечественного исторического знания на современном этапе. Применительно к нашему сюжету это трансформация сложившихся представлений о возникновении Древнерусского государства, настойчивые поиски автохтонной Руси, активно утверждающаяся в историографии концепция существовавшего в IX в. Русского каганата, получающая все более яркую окраску проблема Хазарии и ее взаимоотношений со славянами, своеобразное воссоздание евразийской идеи и т. д. В историографии на основании новых данных и переосмысления уже известных фактов высказываются гипотезы, альтернативные традиционным, в частности – о возникновении Киева (касающиеся хронологии, названия, его изначальной «хазарскости» – хазаро-иудейского основания Киева)³⁹, по поводу существования раннегосударственного образования русов – Русского каганата, его местонахождения. С разной степенью аргументированности обосновываются территории расположения Русского каганата – от северо-восточной части Восточной Европы до Днепровско-Донского региона⁴⁰.

В последнем случае административным центром каганата мог быть только Киев. Постановка столь глобальных проблем вкупе со значительными археологическими открытиями последних лет предоставляет возможность, не вдаваясь в принципиальную оценку новых идей, переосмыслить более скромные по масштабу, однако исключительно научно значимые вопросы, в частности вопрос о раннем символе древней русской государственности, включив «трезубец» и объекты, «помеченные» им, в цивилизационный контекст, имеющий отношение к характеристике истоков «начальной» Руси.

В настоящее время в научном мире прочно утвердилось мнение, что знак на древнерусских монетах – тамга (слово тюркского происхождения). В то же время, оценивая значимость монет как памятника русской государственности, современные исследователи подчеркивают, что не только сам их выпуск является политической декларацией, но и изображения отвечают потребностям идеологического характера, причем признается «выдающаяся идейная роль княжеского знака»⁴¹. Отбросив домыслы о «гербе державы», который будто бы воплотился в этом знаке, согласимся с тем, что знак действительно выражал определенную идею (что не помешало ему стать и родовым знаком Рюриковичей с последующими изменениями, «отпятнышами» и пр.).

Так как чеканка монеты являлась прерогативой верховной власти, выбор монетных изображений также составлял ее привилегию. Символическое мышление в полном смысле

³⁷ Там же. С. 264.

³⁸ Там же. С. 266.

³⁹ Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. / Научн. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина М.; Иерусалим, 1997; Флеров В. С. Коллоквиум «Хазары» и «Краткая еврейская энциклопедия о хазарах» // Российская археология (РА). № 3; См. рецензию: Толочко П. П. Миф о хазарско-иудейском основании Киева // Там же. № С. 38–42.

⁴⁰ Об этом: Седов В. В. Русский каганат IX века // Отечественная история. № С. 3–15; Он же. У истоков восточнославянской государственности. М., С. 54 и след.; Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. М., С. 127–142.

⁴¹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 7.

этого слова (подобное «гербовой» эпохе, начало которой в Западной Европе обычно относят к концу XII в.) вряд ли сыграло свою роль при выборе сюжетов. Хотя первые русские монеты относятся к произведениям средневекового искусства, которое «вплоть до XIII в. обогащалось заимствованиями, комбинируя элементы различного происхождения»⁴², о конкретном заимствовании можно говорить лишь применительно к композиции златников и сребреников первого типа Владимира Святославича⁴³. В целом заимствование носит относительный характер, ибо фигура лицевой стороны имеет черты портретного сходства с русским правителем, тогда как образ императора на византийских монетах – условный, за некоторыми исключениями, т. е. не индивидуализирован, в отличие, например, от римских портретных изображений на монетах.

Верное, на наш взгляд, объяснение этого феномена содержится в статье М. Н. Бутырского, который замечает, что «христианское понимание земного мироустройства осмыслило сокрытие личности индивидуального носителя власти как вероятность ее принадлежности истинному царю – Богу, Христу»⁴⁴. В то же время «важность и почти сакральность (значимость) царского изображения на монетах – несомненны». Главным выразителем этой значимости является диадема или корона. Корона украшает и голову правителя на первых русских монетах, свидетельствуя об идентичности власти русского и византийского правителей, хотя в действительности (Владимир не был коронован) подобная форма изображения является не более чем претензией на идентичность.

Однако главное отличие русского правителя на златниках и сребрениках – в индивидуализации образа, которая усиливается присутствием «загадочного знака». Без него, по-видимому, не мыслился этот образ, причем вряд ли здесь главную роль играет замысел резчика.

Современные исследователи первых русских монет, оценивая их соотношение с единовременными византийскими, пишут: «Наиболее обычные в русских кладах золота конца X и первой половины XI в. золотые Василия II и Константина VIII передали в неизменном виде создававшемуся типу монеты канонический образ старшего из богов новой веры, чьему покровительству вверял себя крестившийся князь»⁴⁵. Однако почти сразу этот образ уступил свое место иному изображению, равному ему по значимости в глазах «хозяина» чекана – Владимира Святославича (первоначально знак сопровождал фигуру в короне на лицевой стороне монеты). Вряд ли речь идет о художественном приеме или о стремлении при помощи изменения типа монеты противопоставить себя византийцам. Главную роль сыграл, скорее, мировоззренческий выбор, ассоциация этого знака с глубоко укоренившимися в сознании иными представлениями о мироздании и о своем месте в нем, отличающимися от еще мало знакомых христианских идей.

Сам по себе факт использования в монетном чекане знаков, связанных с более ранними верованиями или изобразительными сюжетами предшествующего периода, не является чем-то особенным. В ранних чеканах германских народов (например, у вандалов) монетные типы, обычно подражающие Риму (погрудное изображение правителя в венке, Виктория, держащая корону, и т. д.), на оборотной стороне могут нести изображение головы лошади. На ранних англосаксонских монетах помещен дракон или змея, что объясняется влиянием местных древних верований, в которых германский бог, чудовищный Вотан (Водан – Один), носитель магической силы, играл важную роль⁴⁶.

---

⁴² Даркевич В. П. Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка // СА. № С. 71.

⁴³ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 6, 60–61.

⁴⁴ Бутырский М. Н. Образы императорской власти на византийских монетах // Нумизматический альманах. М., № С. 20–21.

⁴⁵ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 6.

⁴⁶ Engel A., Serrure R. *Traité de Numismatique du Moyen Age*. Paris, T. P. XL, 164, 183.

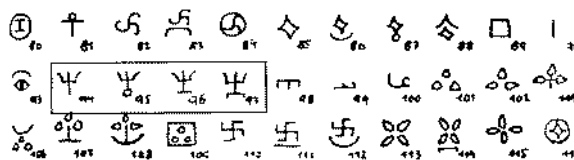

Рис. 2. Изображения дракона на ранних англосаксонских монетах

Знак, помещенный вместо Иисуса Христа на важнейший властный атрибут, как уже отмечалось в литературе, вряд ли можно увязать исключительно с княжеским хозяйством (знак собственности). Предполагают, что в качестве знака Рюриковичей были приняты языческие и культовые символы, магическая природа которых несомненна⁴⁷. Подобные заключения базируются на результатах изучения идеологии древних обществ, которые позволили реконструировать трехчастность социальных явлений, осознаваемую людьми в эпоху складывания государств⁴⁸. В частности, индоевропейские народы различали феномены, относящиеся к господству и управлению, физической силе, к плодородию и богатству. Соответственно, деятельность правителя могла выражаться в осуществлении трех функций: магико-юридической, военной, экономической. Первая функция могла разделяться на собственно магическую и юридическую.

Возможно, раскрытие смыслового содержания знака, неразрывно связанного с таким властным действием, как выпуск монеты, расширит наши представления о ментальности древнерусского социума на ранних этапах его существования.

Значительную помощь в толковании монетного «трезубца» могли бы оказать аналогии, ведь идентичные по форме знаки распространены на огромном пространстве. В отдельных регионах составляются своеобразные каталоги различных знаков, в том числе тамг, графическая интерпретация которых сходна, – в Монголии, Южной Сибири, Поволжье, на Северном Кавказе, в Днепровско-Донском регионе и в современной Болгарии. Однако, обозревая территории с похожими знаками, признаешь правоту Н. П. Лихачева, подчеркивавшего, что в разное время и в разных местах могут образовываться знаки одинакового рисунка. И все же на фоне одинаковости начертаний, в том числе двузубцев и трезубцев, ученые в разных регионах выделяют разновидности тамги, которым присущ определенный символический смысл.

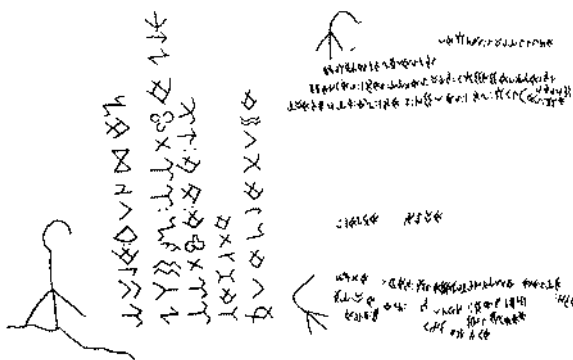
⁴⁷ Ставиский В. И. У истоков древнерусской государственной символики // Философская и социологическая мысль. № С. 99.

⁴⁸ См. об этом: Березкин Ю. Е. Двуглавый ягуар и жезлы начальников // Вестник Древней истории. № С. 163–164.

Рис. 3. Знаки собственности Монголии (по В. Rintchen)

Исследование знаков собственности Монголии⁴⁹ позволило его автору выделить две группы подобных знаков: «простые» знаки-начертания и тамги, имеющие магический смысл. Автор выделяет особую тамгу, которая обозначает трон, место правителя, алтарь и имеет специфическое название. В письменных текстах (с включением названия данной тамги) отмечается, что речь идет о «ханах на троне, правителях, которые занимают престол». Исследователь подчеркивает, что имеются основания относить тамгу с подобным названием к привилегиям господствующих семей⁵⁰. Графически словесному выражению, включающему обозначение данной тамги, соответствует трезубец в разных вариантах (см. рис. 3, № 94–97).

Погребальные енисейские стелы (Тува, VIII – начало IX в.), текст которых содержит эпитафии, несут изображения «геральдических знаков», как их называет автор⁵¹. Это тамги в виде трезубца. По мнению исследовавшего памятники И. Л. Кызласова, сооружение подобных стел определялось принадлежностью представителя того или иного народа (речь идет о многоэтничном Древнехакасском государстве) «к аристократическому кругу державы, его нахождением на государственной службе соответствующего уровня»⁵².

Рис. 4. Трезубцы-тамги на эпитафийных памятниках из Тувы (по И. Л. Кызласову)

Знаки в виде двузубца и трезубца выделены при исследовании керамики Биляра – крупнейшего поселения в Волжской Булгарии⁵³. Исследовательница считает, что однозначной семантической трактовки этих знаков быть не может, но подчеркивает их большую социальную обусловленность по сравнению, например, с гончарными клеймами. Наличие подобных знаков на сосудах автор объясняет существованием особого «коммерческого языка, возможно, восходящего к тамгам», распространенного «в интернациональных торгово-производственных кругах в рамках Средневековья, по крайней мере в регионах наиболее сильного взаимодействия»⁵⁴.

⁴⁹ Rintchen B. Les signes de propriété chez les Mongols // Arhiv orientální. Praha, T. XXII. № 2-P. 467–473.

⁵⁰ Там же. С. 468.

⁵¹ Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., С. 228–230.

⁵² Там же. С. 231.

⁵³ Кочкина А. Ф. Знаки и рисунки на керамике Биляра // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, С. 97–107.

⁵⁴ Там же. С. 101.

Огромная работа по выявлению тамгообразных знаков на золотоордынской керамике была предпринята М. Д. Полубояриновой⁵⁵. Среди них две группы интересующих нас знаков – двузубцы и трезубцы. Включив их в контекст золотоордынских керамических знаков другой формы, автор приходит к выводу, что знаки «ставились где-то на промежуточном этапе между мастером и владельцем», т. е. в процессе использования готовых изделий, и являлись, скорее всего, знаками собственности купцов⁵⁶.

В то же время исследовательница не могла не отметить факт использования аналогичных по форме знаков на золотоордынских монетах XIII–XIV вв., подчеркивая, что у татаро-монголов, как и у некоторых других народов Евразии, двузубец и трезубец являлись тамгами царствующего рода: «... принадлежность двузубца и трезубца правящему роду подтверждается для Золотой Орды данными этнографии по тюркским народам, входившим некогда в состав этого государства»⁵⁷.

Рис. 5. Знаки-тамги с золотоордынской керамике (по М. Д. Полубояриновой)

Как аналог (по значимости) трезубцам джучидских монет, принадлежащим правителям этого рода, Полубояринова упоминает ногайский трезубец, который назывался ханской тамгой. Почти идентичной по рисунку является султанская тамга у казахов Малого Жуза и у башкир. Киргизы северо-западной Монголии султанской, или дворянской, тамгой называли трезубец, и вовсе аналогичный тем, которые известны по монетам болгарских царей Шишманов (рис. 5, № 9, 13).

Комплекс тамгообразных знаков, среди которых выделяются группы двузубцев и трезубцев, введен в научный оборот в результате раскопок Хумаринского городища в Карачаево-Черкесии⁵⁸. Знаки нанесены на крепостные стены и относятся, по мнению исследователей, к болгаро-хазарскому периоду существования городища (VIII–IX вв.). По начертанию они типичны для тюркоязычных народов, населявших в этот период земли Северного Кавказа и степи Восточной Европы. Однако наиболее близкие аналогии двузубцам и трезубцам прослеживаются в Хазарии, Волжской и Дунайской Болгарии.

Х. Х. Биджиев, автор работы о Хумаринском городище, тщательно проанализировав отечественную литературу, посвященную исследованию тамгообразных знаков, пришел к выводу, что единого мнения об их значении до сих пор нет. Он выдвигает свою обобщенную версию, предполагая, что смысл знака-тамги изменялся в зависимости от назначения предмета, на который он наносился. Знаки на керамике могли быть метками ремесленников или владельцев мастерской, на каменных блоках крепостных стен – знаками учета приве-

⁵⁵ Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., С. 165–212.

⁵⁶ Там же. С. 205.

⁵⁷ Там же. С. 174.

⁵⁸ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

зенного материала или выполненной работы, а знаки, нанесенные на различные предметы внутри городища, можно рассматривать как родовые или личные тамги населения, исключительно пестрого в языковом и этническом отношении. На стену Хумаринского городища после завершения строительства могли нанести тамги господствующих родов. Наконец, автор выделяет религиозно-магическую функцию знаков, которую выполняли те из них, что были обнаружены в могильниках или погребальных камерах, на камнях святилища⁵⁹.

Чрезвычайно важными для нашей проблематики являются исследования тамгообразных знаков в Хазарском каганате, ближайшем соседе приднепровских славян. На подобные знаки обратил внимание еще М. И. Артамонов, раскапывая в 30-е гг. XX в. поселения на Нижнем Дону. Он сравнил знаки, обнаруженные на саркельских кирпичах, со знаками, начертанными на камнях и кирпичах крепости Плиски – средневековой столицы дунайских болгар⁶⁰. В начале XX в. знаки на строительном материале из Абобы-Плиски опубликовал К. В. Шкорпил⁶¹, чьи археологические находки долгое время служили исследователям материалом для сравнения знаков Хазарского каганата⁶².

Формально-типологическое исследование знаков, которое осуществлялось и осуществляется в настоящее время большинством ученых, позволяет не только отметить неоднородность знаков при всей кажущейся идентичности их начертания, но и связать эту неоднородность с разными этносами, разными территориями, разной хронологией. Подобный подход на начальной стадии изучения, когда, как правило, составляется корпус знаков, успешно применялся на протяжении полувека отечественными и зарубежными учеными, практикуется он и до сих пор⁶³. Однако в последние годы предпринимаются поиски новых методик анализа, в основе которых лежит исследование комплекса знаков, обусловленного однотипностью их носителя (по назначению, по материалу, по хронологии и т. д.), что выявляет закономерности использования группы знаков той или иной формы или даже одного знака и позволяет более конкретно ставить вопрос о семантике последних⁶⁴.

⁵⁹ Там же. С. 92.

⁶⁰ Артамонов М. И. История хазар. СПб., С. 308.

⁶¹ Шкорпил К. В. Знаки на строительном материале // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, Т. X.

⁶² Обзор работ, посвященных графити Хазарии, предпринят В. Е. Флеровой (Граффити Хазарии. М., С. 11–22). См. также историографический очерк в книге: Дончева-Петкова Л. Знаци върху археологически паметници от средновековна България VII–X век. София, С. 7–18.

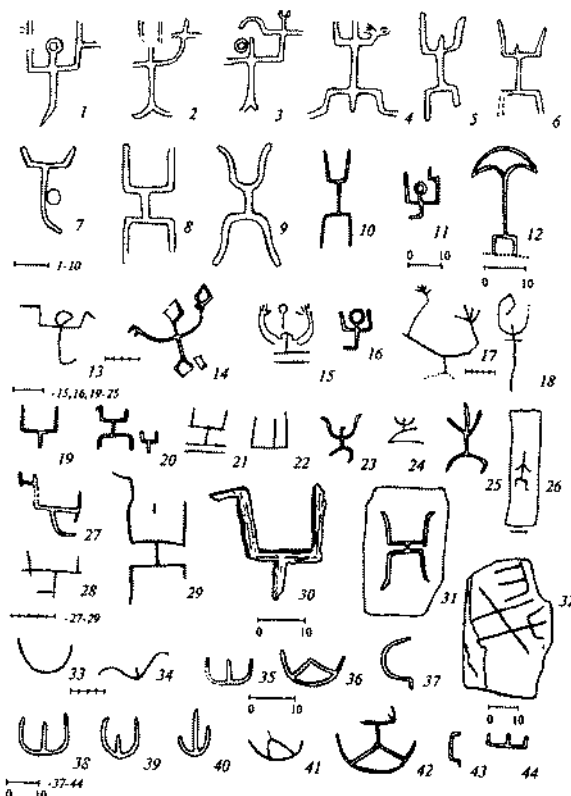
⁶³ Щербак А. М. Знаки на керамике Саркела // Эпиграфика Востока. М.; Л., Т. XII. С. 52–58; Дончева-Петкова Л. Указ. соч.; Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М., С. 107–117.

⁶⁴ Аладжов Ж. Проучвания върху старобългарските знаци (В търсене на закономерности) // Разкопки и проучвания. София, Кн. В результате исследования комплекса знаков из могильников протоболгар и славян в языческий и христианский периоды в разных регионах Болгарии выявлена их разность, взаимовлияния, генетическое родство – по периодам; замечено сохранение в христианском периоде устойчивых типов языческих знаков и т. д. В качестве примера для подражания автор называет работу Т. И. Макаровой и С. А. Плетневой «Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски (в кн.: В памет на проф. Ст. Ваклинов. София, 1984), в которой исследуется в разных аспектах комплекс знаков, связанных с определенным точно датированным памятником.

Рис. 6. Двузубцы и трезубцы, изображенные на стенах Хумаринской крепости (по Х. Х. Биджиеву)

Феноменальную работу в этом направлении провела В. Е. Флерова. Предприняв первоначально формально-типологическое исследование хазарских граффити, среди которых большую часть составили тамгообразные знаки⁶⁵, в дальнейшем она в значительной степени видоизменила свое исследование, используя систематизированные граффити при реконструкции религиозных представлений и мировоззрения народов, населявших Хазарию⁶⁶. Основополагающим материалом для изучения явились амулеты, однако автор рассматривает также торевтику, граффити на костяных изделиях, на кирпичах, каменных блоках, керамике. Картина символического мышления выражена, по мнению автора, в образах и знаках, причем абсолютно вероятным для Флеровой представляется переход образа в знак, по природе конвенциональный, но не теряющий от этого символического значения.

Применительно к заявленной в данной статье теме нам интересны прежде всего знаки в виде двузубца и трезубца, «являющиеся характерным признаком знаковой системы Хазарии»⁶⁷.

Рис. 7. Двузубцы и трезубцы с предметов салтово-маяцкой культуры (по В. Е. Флеровой)

Подчеркивая, что двузубцы и трезубцы имеют самое широкое распространение на различных предметах салтово-маяцкой культуры (в Хазарии) – на строительных остатках, кера-

⁶⁵ Флерова В. Е. Граффити Хазарии.

⁶⁶ Она же. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001.

⁶⁷ Там же. С. 43.

мике, костяных изделиях, пряжках, подвесках и т. д., Флерова не исключает, что они могли служить «в качестве тамги, особенно племенной или “должностной”, связанной с определенным статусом владельца, часто сопряженной и с его родовой принадлежностью...»⁶⁸. Однако, не оставляя в стороне семантическую природу этих знаков, автор задается вопросом: не обусловлена ли их популярность семантической нагрузкой, например, не олицетворяют ли они верховное божество, с которым могли соотноситься?

Для подобной постановки вопроса есть основания, ибо аналогом могут служить работы болгарских ученых над знаками Первого Болгарского царства. В фундаментальном труде о древних болгарях В. Бешевлиева в раздел магических знаков занесен знак «ипсилон», распространенный в областях расселения дунайских болгар и обнаруженный практически во всех крупных центрах: в Плиске, Мадаре, Преславе и т. д. Знак наносился на стены крепостей, на черепицу, изображался на металлических изделиях, керамике, амулетах, перстнях и других вещах. Он имел апотропеичное, охранительное значение, свидетельством чего, к примеру, является вырезанный знак Y на золотом перстне, найденном в Видине (Бешевлиев отмечает, что подобные перстни имели греческую надпись: «Боже, помоги»); выступал как аналог креста, сопровождая одну из древнеболгарских надписей⁶⁹. Конкретизируя свою мысль, профессор Бешевлиев подчеркнул, что у древних болгар знак YI соответствует понятию неба, равнозначному понятию «Тенгри», означающему верховное божество.

Во всех последующих работах болгарских ученых, пишущих о древних болгарских знаках, о религии праболгар, в знак «ипсилон» – с сопровождающими его боковыми вертикальными чертами или без них – вкладывается божественный смысл.

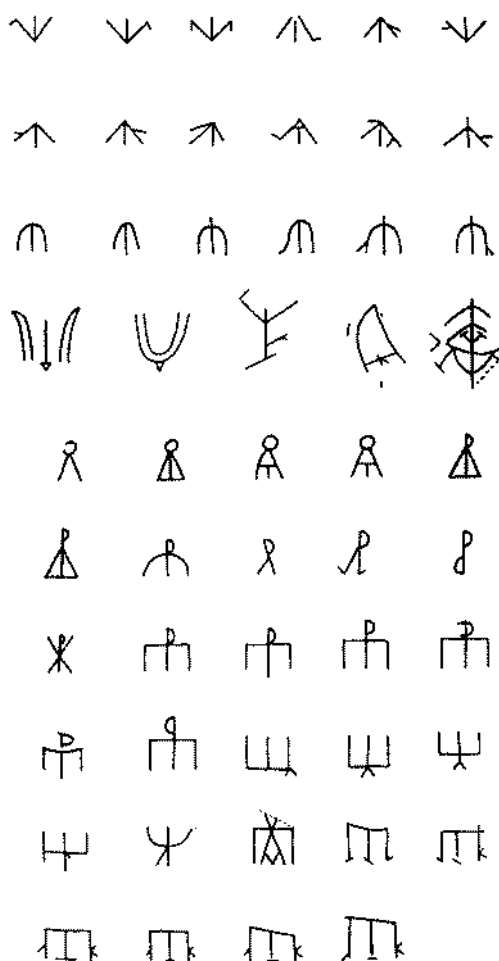
Серьезную научную значимость имеет статья П. Петровой, в которой большое внимание уделяется раскрытию семантики знака, случаям его использования в атрибутике Первого Болгарского царства (681-1018), а также предлагаются варианты начертания знака и выявляется образная основа этого начертания⁷⁰. Автор исходит из установленного факта, что в протоиндийской письменности знак «ипсилон» с вертикальными чертами по бокам воплощает изображение божественных близнецов-прародителей, держащихся за ствол священного мирового дерева. Петрова подчеркивает, что географическое соседство, культурные и экономические связи, языковая близость алтайской и протоиндийской групп повлияли на ряд изобразительных феноменов, в том числе на образное выражение магическо-религиозных понятий. Подобные понятия-образы прошли большой географический и хронологический путь и воплотились у праболгар на Дунае в аналогичных знаках, которые оказались созвучными с их верованиями. (Этнографами доказано, что и в XX в. в Болгарии существовал ритуал, связанный с культом близнецов.) Автор отмечает, что в протоиндийском письме символ божественных близнецов передавал также понятие «власть» (аналог: в славянской мифологии существуют два солнечных близнеца – Дажьбог и Сварожич, сыновья бога солнца Сварога, от которых зависит человеческое существование); вместе с «ипсилоном» он формирует понятие «вождь», «царь».

---

⁶⁸ Там же. С. 54.

⁶⁹ Бешевлиев В. Първобългарите. Бит и култура. София, С. 70-Еще ранее в специальных статьях В. Бешевлиев дал более подробную характеристику этому знаку, приведя многочисленные примеры его использования и описывая варианты трактовки (Бешевлиев В. Първобългарски амулети // Известия на Народния музей Варна. Кн. IX (XXIV). С. 55–63).

⁷⁰ Петрова П. За произхода и значението на знака «ипсилон» и неговите дофонетични варианти // Старобългаристика. Vol. № С. 39–50.

Рис. 8. Знаки на археологических памятниках Болгарии (по Л. Дончевой-Петковой)

В Болгарии, как подчеркивает Петрова, знак «ипсилон», существующий в несколь-

ких вариантах ( ), языческий, рунический знак, чрезвычайно распространен в комбинации с крестом – христианским символом. Автор приводит примеры подобного совмещения. В Преславе и еще в одной местности найдены два медальона с изображением «ипсилона» с боковыми вертикальными чертами и патриаршего креста с концами в виде «ипсилона» (рис. 9). находка свидетельствует, что «ипсилон» использовался не только в языческий период существования болгарского государства, но и после принятия христианства.

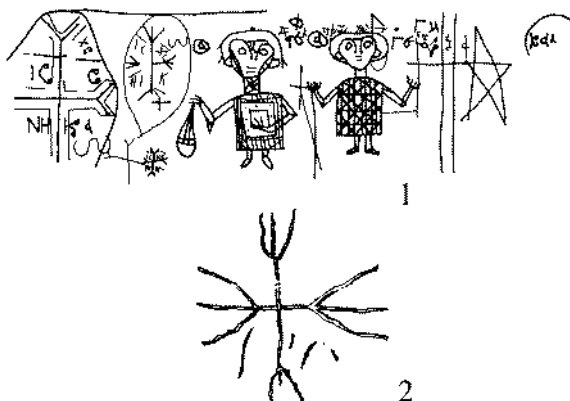
С П. Петровой согласны и другие болгарские исследователи, например Д. Овчаров. Он пишет, что различные памятники, в которых соединяются магические дохристианские знаки с христианским крестом, отражают сложные противоречивые изменения мировоззрения средневековой Болгарии на границе двух эпох: христианская религия медленно входила в сознание болгарского населения, сосуществуя с остатками языческих верований⁷¹. Про-

фессор Бешевлиев приводит пример изображения раннеболгарского языческого знака ( )

⁷¹ Овчаров Д. За прабългарските амулети // Музеи и паметници на културата. № С. 12; Он же. Още веднъж за старобългарските знаци-тамги // Овчаров Д. Прабългарската религия. Произход и същност. София, С. 117 и след.

на стене церкви Богородицы XIV в.⁷² Множество крестов с концами в виде трезубых знаков, подобных «ипсилону», вырезано в христианское время на каменных стенах, кирпичях, черепице.

Рис. 9. Изображение святых и христианской символики, Болгария, XI в.:

1 – на стене церкви; 2 – на черепице (по Д. Овчарову)

Сопоставляя подобные варианты, Петрова приходит к выводу, что «ипсилон» с двумя вертикальными чертами по бокам в период Первого Болгарского царства может толковаться:

- 1) как идеограмма божественных близнецов (прародителей);
- 2) как графическое обозначение Бога;
- 3) как графическое обозначение божественной власти, какой бы она ни была – небесной или ханской (царской)⁷³.

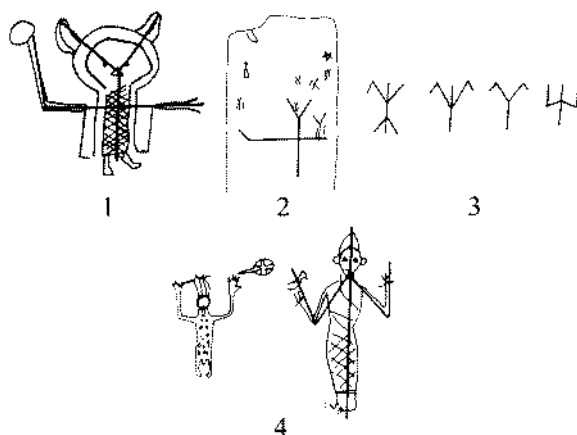
Некоторые болгарские исследователи приписывали знак «ипсилон» с двумя вертикальными боковыми чертами князю Борису, который ввел в Болгарии в 864 г. христианство по православному образцу. Считали, что в первые годы после крещения, чтобы противопоставить себя Византии, он использовал свой родовой знак. В Великом Преславе не так давно найдена оловянная печать со знаками типа «ипсилона» и вертикальными чертами по бокам, которую исследователи относят «к представителю наивысшей власти в государстве, т. е. хану или в его лице верховному жрецу»⁷⁴. Именно в Великом Преславе обнаружили «административную постройку», или «государственную канцелярию», X–XI вв., на кирпичях стен которой вырезан знак «ипсилон» с двумя вертикальными чертами (символ языческой религии). Считается, что здесь он использован как царский знак⁷⁵.

⁷² Бешевлиев В. Първобългарски амулети. С. 62.

⁷³ Петрова П. Указ. соч. С. 42.

⁷⁴ Там же. С. Ссылка на публикацию об этой печати Ж. Аладжова, с которой ознакомиться не удалось.

⁷⁵ Там же. С. 50.

Рис. 10. Изображения шаманов, Болгария:

1 – изображение шамана, Плиска; 2 – знаки-тамги на крышке саркофага из Плиски; 3 – знаки-тамги из Плиски и Мадары; 4 – изображения шаманов из Палекомии (Греция) и Мадары (Болгария)

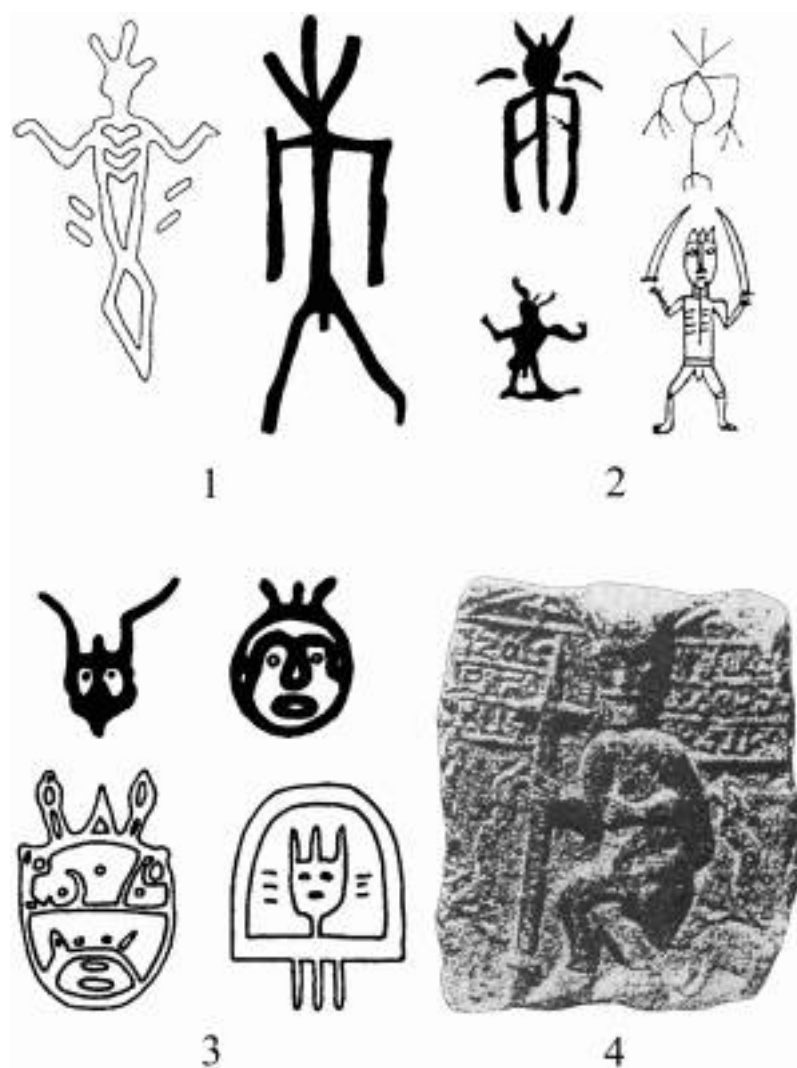
П. Петрова предложила еще один вариант реконструкции праболгарских знаков: она сопоставила изображение двузубцев и трезубцев с изображениями верховных жрецов или шаманов, подчеркнув, что разнообразные геометрические и стилизованные формы «ипсилона» воплощают важнейшие ритуальные жесты шаманов во время их действия. Шаманство⁷⁶, как считают болгарские ученые, является «одной из очень характерных сторон структуры языческих верований праболгар»⁷⁷. В Болгарии обнаружены многочисленные изображения человеческих фигур с предметами, характерными для шаманского культа: с бубном, колотушкой, в трехрогих головных уборах (коронах), часто в масках, танцующих, с поднятыми или распростертыми руками. И в образном, и в знаковом воплощениях болгарские фигуры шаманов идентичны подобным изображениям, известным на прародине тюрко-болгарских ритуалов – в Центральной Азии и Сибири⁷⁸.

---

⁷⁶ См. об этом: Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 62.

⁷⁷ Овчаров Д. К вопросу о шаманстве в средневековой Болгарии VIII–X веков // Bulgarian Historical Review. Sofia, Vol. № P. 73.

⁷⁸ Там же. P. 82; Он же. За езическата символика у прабългарите // Овчаров Д. Прабългарската религия... С. 278, 281; Он же. По въпроса за Шуменската плочка // Музеи и паметници на културата. № С. 22–25; Алексиев Й. Изображение на шаман върху средновековен съд от Царевец във Велико Търново // Проблеми на Прабългарската история и култура. София, С. 440–447.

Рис. 11. Изображения шаманов:

1 – Центральная Азия; 2 – Средняя Азия; 3 – Центральная азия (маски); 4 – рельефное изображение шамана, Шумен (Болгария) (по Д. Овчарову)

Как показали наблюдения П. Петровой, на мировоззрение болгар-язычников оказывали влияние не только раннетюркские культы, но и иные, в частности индоевропейские. Иранские божества у дунайских болгар воплощались в знаках, в специфических женских образах⁷⁹, причем ученые подчеркивают, что иранская культура могла воздействовать на праболгарские верования не только в результате соседских контактов болгар с иранокультурными аланами в причерноморских степях, но и значительно ранее – еще в Азии, где праболгары ощущали влияние таких центров иранской культуры, как Хорезм, Согдиана, Бактрия⁸⁰. Отсюда наблюдающееся в Дунайской Болгарии сочетание тюркских культов и изобразительных традиций с иранской мифологией и иконографией уже на первых этапах существования государства.

⁷⁹ Овчаров Н. Съществувала ли е богинята Умай в прабългарския пантеон? // Там же. С. 430–439.

⁸⁰ Там же. С. См. также: Овчаров Д. Ранносредновековните графитни рисунки от България и въпросът за техния произход // Плиска – Преслав: Прабългарска култура. София, Т. С. 98.

Детальное исследование популярного у праболгар знака «ипсилон» в различных его вариантах привело П. Петрову к выводу, что в нем заключена идея божественной власти и ее субъектов: Бога, шамана, земного правителя, причем вертикальные черты по бокам («близнецы») усиливают божественность власти. На печати из Преслава изображен знак, совмещающий понятие божественности и земной власти (к сожалению, не удалось ознакомиться с публикациями печати). Как можно судить и по печати, и по знакам, изображенным на кирпичах «государственной канцелярии» дворцового комплекса Великого Преслава, он может переходить из языческой эпохи в христианскую, будучи используемым в этом случае как царский знак⁸¹.

Исследователи праболгарских знаков выделяют три периода их бытования, включая XIV в.⁸². Можно предположить, что не только «ипсилон», но и другие знаки находили применение также во Втором Болгарском царстве (1187–1396), в частности знаки в виде букв греческого или латинского алфавита, возникшие «на местной почве» в период Первого Болгарского царства⁸³. Подобный знак можно видеть на медных монетах болгарских царей (Михаила Шишмана, его же вместе с сыном Иваном). Лицевая сторона их занята фигурами конного или пешего царя в соответствующем одеянии и монограммой «ЦР» (в типе просматривается византийское влияние); оборотная сторона снабжена лигатурой, которую трактуют как монограмму Шишмана⁸⁴. Однако в графическом исполнении она идентична знаку, помещенному Л. Дончевой-Петковой на таблицах XXVII–XXVIII («трезубец»)⁸⁵.

Рис. 12. Медные монеты болгарского царя Михаила Шишмана (по Н. Мушмову)

Несмотря на общность мировоззренческих концепций, характерных для языческого мира, и сходство в связи с этим изобразительной символики («мирового дерева» в вертикальной и горизонтальной плоскостях, плетенки) в дохристианской, раннехристианской Дунайской Болгарии и Хазарии, при реконструкции их религиозно-мифологических систем практически в один и тот же хронологический период можно заметить определенное различие в системах верований. Это находит отражение в графической символике. Исследование амулетов как наиболее ярких выразителей религиозных предпочтений свидетельствует: знаки «ипсилон» с двумя вертикальными чертами по бокам в аналогичных памятниках Хазарии отсутствуют. Однако отсутствуют здесь и ярко выраженные изображения шаманизма и оформление последнего в соответствующей знаковой интерпретации.

⁸¹ Петрова П. Указ. соч. С. 49–50.

⁸² Овчаров Д. Средновековни графитни рисунки от България и тяхната връзка с наскалното изкуство на Средна Азия и Сибир // България в света от древността до наши дни. София, Т. С. 244–245.

⁸³ Дончева-Петкова Л. Указ. соч. С. 27.

⁸⁴ Мушмов Н. Монетите и печетите на българските царе. София, С. 97–98.

⁸⁵ Дончева-Петкова Л. Указ. соч. С. 168, 170.

Отсылая читателя для ознакомления с системой знакового оформления верований населения Хазарского каганата к книгам В. Е. Флеровой, отмечу лишь наиболее общие положения, имеющие отношение к семантике двузубцев и трезубцев. Для искусства мелкой пластики Хазарии характерна биполярность (отражение архаических космогонических представлений о движении Солнца: днем – слева направо, ночью – справа налево), зеркальное удвоение, нашедшее воплощение в металлической пластике с парными композициями (фигуры по обе стороны оси) и в графических изображениях двузубцев и трезубцев.

В биполярности, которая выделена Флеровой как составная черта искусства Хазарии, в том числе графики, прослеживается идея противоборства двух взаимоисключающих космических принципов. Борьба богов света и огня с мраком, ритуальной скверной (битва богов и демонов) нашла отражение не только в космическом законе, восходящем к индоевропейским прототипам, но и в земных противопоставлениях: день – ночь, дождь – засуха, оазис – пустыня и т. д.⁸⁶. Подобное понимание мироздания являлось основой верований иранцев, оно же нашло отражение и в верованиях населения Хазарии, как можно заключить из построений В. Е. Флеровой. Она отмечает, что в Первом Болгарском царстве среди изображений, начертанных на крепостных стенах, на черепице и пр., присутствуют в реалистическом или схематическом исполнении антропоморфные изображения с характерно поднятыми вверх руками. Как показано выше, их связывают с праболгарским шаманским культом. Подчеркивая, что сюжет антропоморфного божества «с предстоящими» архаичен, Флерова применительно к своему исследованию раскрывает его как образ Великой богини (с сопровождающими ее «парными полукружиями или скобами»), что в схематической интерпретации выглядит как двузубец. Автор приводит также сведения о том, что эмблемой Великой богини в контексте индоевропейских традиций мог являться и знак трезубца⁸⁷.

Комплекс графических изображений вкупе с археологическим материалом «определенного назначения» – амулетами – позволил В. Е. Флеровой воссоздать картину мироздания многоэтносового населения Хазарии. Исследованная ею языческая система верований является основополагающей для всего государства. Эта система не испытывает воздействия мировых религий – христианства, иудаизма, существуя, так сказать, «в чистоте».

---

⁸⁶ Мифы народов мира. М., Т. I. С. 560–561.

⁸⁷ Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 63.

**Рис. 13. Печать с изображением храмового знака.
Сасаниды (по Л. Я. Борисову, В. Г. Луконину)**

Иранский субстрат является приоритетным в этой системе, сложившейся в двуединстве тюркского и иранского субстратов⁸⁸. Наверное, корни этого феномена кроются в самой глубокой древности, уходя в эпоху, когда южнорусские степи служили одной из областей обитания носителей индоевропейской культуры⁸⁹. Позднее этот факт обусловил преобладание иранизмов в образах мышления хазар. Хотя Флерова считает, что нельзя выделить в Хазарии особый знак, подобный «ипсилону» с вертикальными чертами по бокам, характерный для Первого Болгарского царства (см. выше), изначальная сакральная семантика двузубцев и трезубцев ею подчеркивается. Поскольку в построениях В. Е. Флеровой «тема иранизма в верованиях населения каганата предстает шире и разнообразнее, чем простое продолжение аланских традиций в раннесредневековой культуре»⁹⁰, нет ничего удивительного в том, что автор напрямую обращается к культуре Ирана, стремясь обнаружить в ней аналогии хазарским знакам и символам. Бесспорно, заслуживает особого внимания ее интерес к тамгообразным знакам Ирана, которые изображены на штукатурке, встречаются на резных камнях, монетах, керамике, произведениях торевтики.

---

⁸⁸ Там же. С. 10.

⁸⁹ Мифы народов мира. Т. I. С. 527.

⁹⁰ Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 9–10.

Отечественные исследователи сасанидского искусства полагают, что «ни смысловое значение этих знаков, ни их прототипы не выяснены окончательно»⁹¹. Большинство ученых не считают их тамгами по происхождению, однако выделяют три группы знаков, среди которых могут быть и родовые тамги, и знаки, соответствующие определенным титулам и рангам, и знаки («нешаны») храмов⁹². К храмовым знакам относится, в частности, трилистник (трезубец). Подобный трезубец можно видеть на печати одного из магов⁹³.

Оставляя в стороне разнообразие начертаний двузубцев и трезубцев, анализ которых сделан в книге В. Е. Флеровой, подчеркну значимость ее заключения о генетическом единстве этих двух хазарских знаков. В значительной степени на данный вывод повлияла «коллекция» Хумаринского городища на Кубани (форпоста Хазарского каганата), состоящая почти сплошь из двузубцев и трезубцев, смысловая однородность которых, по мнению Флеровой, несомненна⁹⁴. В двузубце, как считает автор, сконцентрирована символика священности верховной власти, с ним связаны мифы архаических индоевропейских верований – мифы о близнецах («близнечные мифы»), образ Великой богини. (Как отмечалось выше, в Хазарии не выделен знак, непосредственно связанный с личностью правителя, с властью, например с каганом.)

Система «бинарных оппозиций», нашедшая яркое воплощение в амулетах – овеществленных символах верований населения Хазарского каганата, отразилась и в организации власти этого государства – двойственности управления, которое осуществляли каган и бек⁹⁵. Беку была присуща сугубо практическая деятельность (например, предводительство войском), каган же олицетворял божественную магическую силу, что было хорошо известно всем соседним народам, воевавшим с Хазарией. При виде кагана, которого специально выводили по этому случаю, они обращались в бегство⁹⁶.

В начале IX в. хазарские правители и вельможи приняли иудаизм. В Хазарии возникла религия правящего дома, что отнюдь не означало отказа от прежних верований всего населения Хазарского каганата: «... основная масса народа оставалась языческой. Причем язычество было здесь не пережиточным явлением, как в Дунайской Болгарии, у среднеазиатских кочевников, на Руси и в других странах, которые в конце I – начале II тысячелетия восприняли христианство или мусульманство, а полноправной религией народных масс»⁹⁷. Археологические раскопки, проводящиеся в последние годы на территории бывшего Хазарского каганата, приносят все больше доказательств сохранения здесь языческих обрядов и верований и отсутствия следов влияния иудаизма на памятники материальной культуры Хазарии. Это свидетельствует не только о веротерпимости, но и о крепости религиозной системы Хазарского каганата, что явилось отражением высокого уровня общественного развития последнего, как полагают исследователи⁹⁸.

М. И. Артамонов считал крупное степное государство Хазарский каганат «почти равным по силе и могуществу Византийской империи и Арабскому халифату» – во всяком случае, в VIII–IX вв. Хазарскому каганату принадлежало ведущее место в истории южных

---

⁹¹ Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., С. 38.

⁹² Там же. С. 45.

⁹³ Там же. С. 43–44.

⁹⁴ Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 60.

⁹⁵ Там же. С. 117–118.

⁹⁶ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 410–412; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., С. 178; Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 117–118.

⁹⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 171.

⁹⁸ Там же. С. 179.

земель Восточной Европы, и именно Хазария была первым государством, с которым вступила в контакт Русь при формировании своей государственности⁹⁹.

Речь идет о государственном образовании славянских племен, носителей волынцевской культуры (и эволюционизировавших на ее основе роменской, боршевской и окской), – одном из предшественников Древнерусского государства. Это политическое образование, расположенное в Днепровско-Донском междуречье, известное уже в первой четверти IX в., в литературе фигурирует под названием Русского каганата¹⁰⁰.

Несмотря на яростное неприятие концепции о Русском каганате, ее постсоветский критик не может не признать явного взаимодействия волынцевской и салтово-маяцкой, надэтнической «государственной» культуры Хазарии, приводя данные археологических исследований: «Новые исследования волынцевских памятников Левобережья Днепра показали, что эта славянская в основе культура находилась под прямым воздействием салтово-маяцкой археологической культуры Хазарского каганата»¹⁰¹. Действительно, в археологических работах последних десятилетий особо подчеркивается факт смешения культур, которые приняли участие в становлении культуры ранней Киевской Руси; подчеркивается, что, например, в Среднем Поднепровье в последней четверти I тысячелетия существовали «различные по культурной принадлежности группы памятников»¹⁰²; особое внимание акцентируется на «тесных связях славянской и салтовской культур»¹⁰³ в VIII в. в Среднем Поднепровье и т. д.

Новые данные археологических раскопок изменили и сам принцип подхода к проблеме отношений славян и кочевников: сугубо негативная их оценка постепенно трансформируется, ученые все настоятельнее заявляют «о конструктивном начале русско-кочевнических контактов»¹⁰⁴.

В этом контексте рассматриваются теперь и взаимоотношения славян прежде всего с интересующими нас праболгарами и хазарами. Болгары до переселения их значительной части в VII в. на Дунай жили в Подонье, Приазовье, на Северном Кавказе совместно с хазарами и аланами, в регионе салтовской культуры. В новейших исследованиях подчеркивается, что для указанного региона характерна «смешанность этнокультурных традиций, включающих не только аланские и болгарские, но и славянские компоненты»¹⁰⁵. На Дунае, как известно, тюрко-болгары превратились в славяно-болгар, в IX в. стали христианами, но не отказались и от прежних верований, которые нашли воплощение, как было показано выше, в графической символике, окрашенной «иранизмами» и «тюркизмами», принесенными из Центральной Азии и донских степей. Отзвуки этой символики – начертания на стенах Великого Преслава, Плиски, Мадары и т. д. Белокаменные крепости из подобным же способом обработанных каменных блоков с нанесенными на них аналогичными, но не всегда идентичными рисунками и знаками – характерная черта Хазарии VIII–IX вв.¹⁰⁶. Одна из таких крепостей на Дону находилась всего в 25 км от славянского городища Титчихи. Целая система крепостей в 20-30-е гг. IX в. была выстроена на северо-западе Хазарии, на тер-

⁹⁹ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 64; Седов В. В. Русский каганат IX века. С. 3.

¹⁰⁰ Стройную концепцию существования в данном регионе в указанное время Русского каганата представил в своих трудах известный археолог, академик В. В. Седов: Седов В. В. Русский каганат IX в.; Он же. У истоков восточнославянской государственности и др.

¹⁰¹ Петрухин В. Я. «Русский каганат»... С. 138.

¹⁰² Петрашенко В. А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, С. 50.

¹⁰³ Щеглова О. А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи раннего железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, С. 83.

¹⁰⁴ Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., С. 7.

¹⁰⁵ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, С. О контактах славян и идущих на запад болгар см.: Толочко П. П. Указ. соч. С. 22–23.

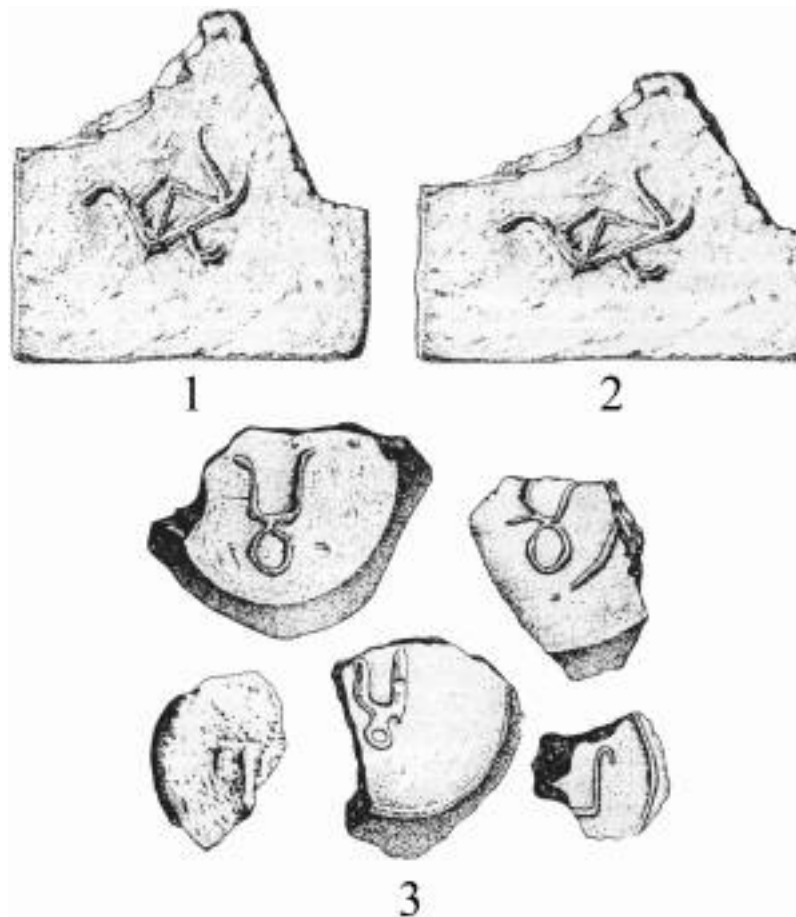
¹⁰⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 42–43.

ритории, соприкасавшейся с ареалом волынцевской культуры¹⁰⁷. Трудно себе представить, чтобы подобная территориальная близость исключала взаимовлияния, в том числе культурные, религиозные и пр., причем приоритет всегда остается за более сильным партнером.

Сошлюсь на современных украинских исследователей, которые, признавая вышесказанное, подчеркивают, что «ощутимым оказалось влияние Хазарии на формирование экономических и политических структур восточных славян. Есть основания утверждать, что раннерусская система двуумвирата на киевском столе (Аскольд и Дир, Олег и Игорь. – *Н. С.*) была позаимствована от хазар. В пользу этого свидетельствует, в частности, и то, что киевские князья носили титул хакана, или кагана»¹⁰⁸.

Стоит ли удивляться, что в древнем Киеве при раскопках находят многочисленные предметы (керамику, кирпичи, изделия прикладного искусства), на которых изображены двузубцы и трезубцы? На кирпичах древнейших зданий Киева – Десятинной церкви и дворца Владимира близ нее – обнаружены трезубцы¹⁰⁹ (как на аналогичных зданиях Дунайской Болгарии), на металлической булле, приписываемой Святославу Игоревичу, из Киева (не сохранилась) и на костяной пряжке из Саркела изображены идентичные двузубцы¹¹⁰ и т. д. Б. А. Рыбаков сообщает и о знаках (двузубцах и трезубцах) на стенных кирпичах церквей других русских городов XI–XII вв., однако нас интересует прежде всего Киев, где начали чеканиться первые русские монеты, несущие подобный знак.

¹⁰⁷ Седов В. В. Русский каганат IX в. С. 5.

¹⁰⁸ Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. С. 41; см. о «благодетельном влиянии хазар на славянский этнос»: Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. № 2-С. 5.

¹⁰⁹ Рыбаков Б. А. Знаки собственности... С. 247; Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., Т. I. Рис. 123–124; Т. II. С. 379.

¹¹⁰ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 431 – изображены оба предмета.

Рис. 14. Знаки-тамги из Киева:

1 – знак на майоликовой плитке. X–XI вв.; 2 – знак на стене Софийского собора; 3 – знаки на донцах сосудов (по М. К. Каргеру, С. А. Высоцкому)

Еще у Н. М. Карамзина можно прочесть, что «киевские жители употребляли имя Кагана вместо государя, для того что они долгое время были подвластны Хазарским Великим Каганам»¹¹¹. Современные зарубежные и отечественные историки выдвигают гипотезу об основании Киева хазарами, во всяком случае приводят аргументы в пользу того, что «Киев имел помимо славянского также хазарское назначение»¹¹². Факт проживания хазар в Киеве широко известен. Об этом свидетельствует хотя бы могильник салтовского типа, обнаруженный еще М. К. Каргером при раскопках древнего Киева¹¹³.

Признавая, как уже отмечалось выше, влияние хазар на формирование «управленческих структур» у восточных славян, отмечая взаимодействие салтово-маяцкой и волынцевской культур на левом берегу Днепра, большинство археологов исключают «сколько-нибудь значительное» хазарское влияние на Правобережье Днепра и на Киев в особенности¹¹⁴. Между тем В. В. Седов отмечал, что в регионе Киева волынцевская культура переходит и на правый берег¹¹⁵. Вероятно, также вместе с салтовской, что может объяснить присутствие здесь расцветших пышным цветом впоследствии двузубых и трезубых «знаков Рюриковичей», до сих пор производящих впечатление «саморожденных».

Этнокультурные контакты между славянами Левобережья и Правобережья Днепра (Киев) и жителями Хазарии могут являться причиной некоторых чисто внешних, в том числе графических, заимствований, однако вряд ли к таковым относится принятие славянскими правителями титула кагана. Этим титулом русский правитель обозначался в западноевропейских и восточных источниках IX–X вв.¹¹⁶. Считается, что принятие титула кагана произошло в 20–30-е гг. IX в., «когда носитель этого титула в Хазарии еще не был символическим главой государства. В противном случае русскому князю не было бы смысла именоваться каганом». И далее: «В это время хакан хазар был реальным властителем, которого и считали царем»¹¹⁷.

Справедливо подчеркивается, что правитель с таким титулом вряд ли был лишь племенным вождем, но скорее «стоял во главе объединения, которое можно рассматривать как зародыш большого раннефеодального государства»¹¹⁸. Именно о таком политическом объединении на территории волынцевской культуры писал В. В. Седов, полагавший, что «в

¹¹¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Кн. Т. I. Примеч. 284.

¹¹² Толочко П. П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева (рассматривает теорию Н. Голба и О. Прицака); Он же. Кочевые народы степей и Киевская Русь. С. 37–40; Скрынников Р. Г. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // Вопросы истории. № С. 6.

¹¹³ Каргер М. К. Указ. соч. Т. I. С. 135–137; Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. С. 225.

¹¹⁴ Березовец Д. Т. Слов'яни и племена салтівської культури // Археологія. Т. XIX. С. 47–67; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., С. 10–14; Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. С. 40 и след.

¹¹⁵ Седов В. В. Русский каганат IX века. С. 6; см. также: Петрашенко В. А. Указ. соч.

¹¹⁶ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. № С. 150–159; Он же. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. С. 8–9 и след.; Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., Вып. С. 108-Автор приводит всю существующую литературу о титуле «каган», его происхождении, дает разные варианты его чтения у разных народов.

¹¹⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., С. 138–139.

¹¹⁸ Флоря Б. Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., С. 102.

землях Восточной Европы другого мощного политического образования славян тогда не было», а если «в каганате русов все же был административный центр, то это мог быть только Киев»¹¹⁹.

Рис. 15. Знаки на костяных изделиях из Белой Вежи (Саркела)

По всей вероятности, в Киеве находился и глава славянского государственного объединения – каган. Этот титул, который носил не только хазарский правитель, но и аварский, был хорошо знаком в Западной Европе и Византии с VI в. в связи с вторжением аваров в Центральную Европу и их действиями там, в результате чего титул «каган» зафиксирован византийскими и латинскими источниками. В то же время известно, что в середине IX в. Русь представляла значительную силу, пользующуюся международным признанием¹²⁰, и принятие самого известного в регионе титула ее правителем вводило каганат русов в международное политическое поле.

Таким образом, в принятии этого титула можно видеть не столько хазарское влияние, сколько своеобразную самоидентификацию, обусловленную прежде всего внешнеполитическими обстоятельствами¹²¹.

Предполагают, что Русский каганат прекратил свое существование после захвата Киева Олегом в 882 г., объединения среднечепельских и северных территорий и образования единого Древнерусского государства¹²². Однако титул «каган» использовали русские правители и после этого события, даже в период упадка Хазарии и после крещения Руси (X–XI вв.)¹²³.

Об этом свидетельствуют уже «внутренние источники», и прежде всего, по сути, первое оригинальное произведение на русском языке «Слово о законе и благодати», создан-

¹¹⁹ Седов В. В. Русский каганат IX века. Более подробно свои взгляды на образование и существование Русского каганата он изложил в книге «У истоков восточнославянской государственности», где проанализировал все существующие версии о местоположении Русского каганата, привел много аргументов (письменные источники, нумизматические данные) в пользу дислокации раннегосударственного образования – каганата русов – в Днепровско-Донском регионе. В этой же книге В. В. Седов излагает материал и о государственном образовании, существовавшем в то же время на севере Восточно-Европейской равнины, – Конфедерации словен, кривичей и мери, которую возглавил Рюрик, не именуемый каганом. По этому поводу М. И. Артамонов замечал: «Титул главы Руси – каган, который невероятен для северных славян, но вполне понятен для славян среднечепельских...» (Артамонов М. И. Указ. соч. С. 369).

¹²⁰ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 369; Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства. С. 10; Седов В. В. Русский каганат IX века. С. 9.

¹²¹ Об этом подробнее: Коновалова И. Г. Указ. соч.

¹²² Новосельцев А. П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. № С. 101–102; Он же. Образование Древнерусского государства. С. 12–14; Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 69–70.

¹²³ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов... С. 159; Седов В. В. Русский каганат IX века. С. 9.

ное, как полагают, между 1037 и 1050 гг. тогда еще священником Берестовской церкви под Киевом, будущим митрополитом Иларионом. В «Слове» содержится «похвала кагану нашему влодимероу. От него же крщени быхомъ»¹²⁴. Вряд ли именование несколько раз Владимира «каганом нашим» можно охарактеризовать только как риторический прием или желание «подчеркнуть исключительное положение русского князя в окружающем Византию мире»¹²⁵. Ведь после создания «Слова» в 1051 г. Ярослав Мудрый, собрав епископов в Софии Киевской, возвел своего духовника Илариона на митрополичий стол, после чего тот сделал особую запись: «Быша же си в лето 6559 владычествующу блговерьному кагану Ярославу сну Владимиру»¹²⁶, где «каган Ярослав» звучит как констатация. Иларион, судя по тексту «Слова», вполне естественно совмещает христианские и языческие имена Владимира (Василий) и Ярослава (Георгий), называя их все-таки каганами.

Во вполне «прозаичной» надписи на стене Софии Киевской – «Спаси, Господи, кагана нашего» – подобным образом назван сын Ярослава Владимировича Святослав Ярославич, правивший в Киеве в 1073–1076 гг. На стене Софии Киевской имеется и рисунок трезубца, кстати, более всего похожий на современный украинский герб¹²⁷. Думается, что надпись на стене того же храма: «В (лето) 6562 месяца февраля 20-го кончина царя нашего...», которую связывают с Ярославом Мудрым¹²⁸, также имеет в виду «каганство» последнего, ибо известно, что правитель хазар, носивший титул кагана, именовался царем¹²⁹. Византийцы называли архонтами и хазарских каганов, и русских правителей, но если для первых у них существовали и другие термины, то за вторыми наименование «архонт» сохранилось надолго.

А. П. Новосельцев, признавая, что каганами русские правители именовались в IX–X вв., приходит к выводу, что во второй половине XI в. они утрачивают этот титул и «в начале XII в. русский летописец не называет киевского князя хаганом даже применительно к прошлому»¹³⁰. С данным фактом соотносятся наблюдения филологов над термином «князь», который пришел к восточным славянам (устным путем) из болгарского языка довольно поздно – в конце (середине?) XI – начале XII в. Исследователь лексики «Повести временных лет» А. С. Львов, замечая, что летописец иногда слово *князь* употребляет взамен слов *цесарь* и *каган*, подчеркивает, что он нарочито исключил слово *каган* по отношению не только к русскому правителю, но и к правителям даже тюркских народностей¹³¹. В результате исследователь приходит к выводу: «В Повести временных лет слово «князь» введено при переработке и переписывании этого исторического труда едва ли не ранее начала XII в. До этого времени... по крайней мере в Киеве, в том же значении, по-видимому, было употреблено тюркское по происхождению слово каган»¹³². Лишь один раз в этом памятнике упомянут титул «каган» по отношению к разгромленному Святославом хазарскому правителю, но и то этот титул приравнивается к титулу «князь» («хазары с князем своим каганом»). Как воспоминание о былом «каганьем времени» в «Слове о полку Игореве» (80-е гг. XII в.) титул

¹²⁴ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, С. 78.

¹²⁵ Авенариус А. Митрополит Иларион и начало трансформации византийского влияния на Руси // Раннефеодальные славянские государства и народности. Sofia, С. 117.

¹²⁶ Молдован А. М. Указ. соч. С. 4, Рис. 2; См. также: Жданов И. Н. Сочинения. СПб., С. 23, 33.

¹²⁷ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, Вып. С. 49, табл. XVII–XVIII. С. 110–111, табл. LXIX, 1; LXX, 1.

¹²⁸ Там же. С. 39–40, табл. IX, 1; X, 2.

¹²⁹ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов... С. 154; Коновалова И. Г. Указ. соч. С. Автор приводит слова Ибн Русте: «У русов есть царь (малик), именуемый хаган-рус» (с. 117).

¹³⁰ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов... С. 159.

¹³¹ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., С. 200.

¹³² Там же. С. См. также: Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., С. 269.

«каган» используется по отношению к князю Олегу Святославичу. Не случайно ему приписывается прозвище «Гориславич» как напоминание о злых делах, которые совершил этот князь, являясь зачинщиком многих междоусобиц¹³³. Возможен здесь намек и на тот факт, что Олег Святославич не только был черниговским князем, но и управлял Тмутараканским княжеством на Тамани, где жили потомки хазар. Он как бы уподоблялся хазарам, к которым в письменных памятниках этого времени проявляется явно негативное отношение. В конце концов, «цивилизованный мир» и вовсе пренебрежительно начал воспринимать термин «каган». Известно изречение, сохранившееся в рукописи XIV в.: «Каган зверообразный скифский»¹³⁴.

Почти одновременно с титулом «каган» исчезают и «знаки Рюриковичей»: одни считают, что это произошло в середине XII в.¹³⁵, другие – в начале XIII в. (в первой половине XIII в.)¹³⁶.

Вернемся к толкованию знака русских монет. Как было показано, в семантике знаков в виде двузубца и трезубца у ближайших соседей восточных славян – в государстве Хазарский каганат – просматривается отпечаток верований, в основе которых лежат индоевропейские (иранские) языческие культы, выразителями чего явились прежде всего амулеты. Древнерусские металлические амулеты и по типологии, и по содержанию отличаются от салтовских¹³⁷. Их образы связаны со спецификой славянских верований. О славянских языческих божествах рассказывается в «Повести временных лет» под 980 г.: «И нача княжити Володимѣрь въ Кіевѣ единый, и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я боги...»¹³⁸. Еще ранее в договорах Руси с греками упоминается «скотий бог» Велес (Волос)¹³⁹. Договоры, реконструирующие систему древнерусских языческих клятв, называют Перуна и Велеса – главных богов языческой Руси. Они считаются богами первого ранга, восходящими к индоевропейской теонимии¹⁴⁰. К явно славянским божествам относится Мокошь – женское божество, связанное с культом рожениц¹⁴¹. Хорс и Симаргл истолковываются как иранские божества¹⁴². Новые данные в результате изучения лексики «Слова о полку Игореве» свидетельствуют о «семантическом соотношении» имен Дажьбога и Стрибога (внуки Дажьбога – князья, которые вели Русь к гибели, внуки Стрибога – дружинники, ее охраняющие), т. е. первый упомянут в отрицательном смысле, второй – в положительном¹⁴³.

Иранская этимология имени Стрибог была предложена ранее, в настоящее время принимается версия имени Дажьбог, также восходящая к иранским корням («злой бог»)¹⁴⁴. Если

¹³³ Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., С. 376.

¹³⁴ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., Т. I. С. 1171.

¹³⁵ Рыбаков Б. А. Знаки собственности... С. 233, 257.

¹³⁶ Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. С. 35, 37; Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. С. 16.

¹³⁷ Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 91 (со ссылкой на Б. А. Рыбакова).

¹³⁸ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., С. 94.

¹³⁹ Там же. С. 86.

¹⁴⁰ Мартынов В. В. Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Славянский и балканский фольклор. М., С. 63.

¹⁴¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., С. 496–500; Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. С. 39.

¹⁴² Мартынов В. В. Указ. соч. С. 63–66; Топоров В. Н. Указ. соч. С. 26 и след.

¹⁴³ Мартынов В. В. Указ. соч. С. 71–72.

¹⁴⁴ Там же. С. 69–См. также замечания по этому поводу В. Н. Топорова: «Специфика рассмотренных здесь двух теофорных имен Дажьбогъ и Стрибогъ состоит в том, что они, будучи вполне славянскими по своему составу, вместе с тем могут пониматься как такие кальки с индоиранского, в которых оба члена в каждом из этих двух названий оказываются и генетически идентичными соответствующим индоиранским элементам» (Топоров В. Н. Указ. соч. С. 42).

учесть современное толкование шести названных богов, то система «бинарных оппозиций» в подборе божеств прослеживается довольно четко по следующим парам: крайние – Перун, громовержец, связан с военной функцией; Мокошь (Макошь), женский образ, связанный с рождением, продолжением рода; вторая пара – Хорс, солярное божество (свет, тепло) и Симаргл, связанный с мифическим Сэнмурвом и со зловещей птицей Див, «враждебной Русской земле»; наконец, Дажьбог и Стрибог, как было отмечено выше, могут быть восприняты в качестве противоположных по значению («зло» и «добро»).

Налицо, таким образом, иранский принцип воззрений, выраженный через определенную систему подбора (противопоставлений) божеств (может быть, поэтому Велесу не нашлось здесь места). В данной системе участвуют и «исконные» славянские божества, и воспринятые, как представляется, через контакты с хазарами.

Очень скоро (в 988 г.) Владимир крестился; известно, что изображения богов (в первую очередь Перуна) уничтожались, однако не так просто было вытеснить из сознания простых людей и самого Владимира прежние верования.

Современные лингвисты, изучающие проблемы праславянских языков, подчеркивают, что «к моменту возникновения письменности славяне успели дважды сменить свои сакральные представления. Сначала древнее язычество подверглось сильному влиянию дуализма иранского типа, затем последний, не одержав полной победы, был вытеснен христианством. Двойная система сакральных представлений оставила глубокие следы в праславянском языке...»¹⁴⁵. Можно наблюдать эти следы и в древнерусском искусстве¹⁴⁶, что «отражает существование в прошлом определенной религиозно-мифологической и культурной общности между иранцами и славянами...»¹⁴⁷.

Принятию Древней Русью монотеистической религии в конце 80-х гг. византийские источники уделяют не столь большое внимание, как, казалось бы, должны были. В «Повести временных лет» (за эти годы) явно просматривается усиление Руси, с которым византийцы справлялись с трудом. (Об этом свидетельствуют хотя бы слова императоров, уговаривающих сестру Анну выйти замуж за русского правителя: «И реста ей брата: “Еда како обработить богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И ныне, аще не идеши, то же имуть створити намъ”»¹⁴⁸.) Это усиление позволило русскому князю выбрать религию определенного толка, и в основе этого выбора, как и в случае с титулом кагана, лежали политические причины.

Вопросы принятия Русью христианства подробно рассмотрел А. П. Новосельцев¹⁴⁹, который, сетуя на немногочисленность и противоречивость источников, освещающих факт христианизации Руси, акцентирует внимание на трудностях, связанных с этим процессом: «Происходило это трудно и при большом сопротивлении народных масс и, очевидно, части верхов»¹⁵⁰. Видя во Владимире не «скоропелого реформатора», а «осторожного политика», автор считает, что «Владимир, став христианином, сохранил многие привычки и черты князя языческой поры. Он любил дружину и устраивал для нее знаменитые пиры... проводя нововведения в основном, в более частных вопросах оставался верен старине...»¹⁵¹.

Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и возврат при чеканке первых монет от образа Иисуса Христа к трезубцу. О сакральности этого знака говорилось выше (по

¹⁴⁵ Мартынов В. В. Указ. соч. С. 61.

¹⁴⁶ Лелеков Л. А. Иран и Восточная Европа в III-X веках // Искусство и археология Ирана. М., С. 135–141.

¹⁴⁷ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 23.

¹⁴⁸ Повесть временных лет // Там же. С. 124–126.

¹⁴⁹ Новосельцев А. П. Принятие христианства Древнерусским государством. С. 97.

¹⁵⁰ Там же. С. 116.

¹⁵¹ Там же. С. 108.

семантике он адекватен двуzubцу – знаковому выразителю хазарских (иранских) верований). Сакральность трезубца соответствовала и сакральности правителя Руси, что соотносится с функциями правителей на ранних этапах развития государственности (см. выше). Один из исследователей княжеской идеологии X–XII вв. отмечал: «Очень точно восприятие князей как духовных владык подчеркивает хазарский титул “каган”, прилагаемый к верховному сакральному царю. Этот титул употреблен Иларионом в “Слове о законе и благодати” применительно к Владимиру, Ярославу...»¹⁵². Очевидно, автор не сомневается в «каганьей» сакральности последних. Однако вряд ли стоит напрямую увязывать функции, которые приписываются хазарскому кагану, с «реалиями бытия» правителей русов, принявших этот титул¹⁵³, хотя магическую функцию, выполнявшуюся русским правителем, исключить нельзя. Исследователи пишут об Олеге, выступающем «князем-жрецом, соединившим сакральную и политическую функции»¹⁵⁴, о жреческих функциях Владимира Святославича¹⁵⁵. У протоболгар, как свидетельствуют раннеболгарские источники, хан (хан сюбиги) являлся верховным правителем государства, высшим военачальником, верховным законодателем и судьей, а также главным жрецом¹⁵⁶.

Магическое значение у праболгар на Дунае имел знак «ипси́лон», как об этом говорилось выше. Можно предположить, что для русских правителей таковым являлся двузубец/трезубец. В. Е. Флерова приводит интересную деталь, зафиксированную в Дунайской Болгарии, – совмещение трезубца (аналогичного изображенному на монете болгарского царя Михаила Шишмана) и грифона. Грифоны (орлиногрифоны) характерны для древнерусского искусства, где их изображения связаны с княжеской средой. Встречаются они и в Хазарии¹⁵⁷.

Думается, что обширный материал, использованный в настоящей статье в целях поиска аналогий и объяснений «загадочного знака» первых русских монет, позволяет охарактеризовать его как сакральный, магический символ¹⁵⁸, реликт прежних верований (подобный символ, отличающийся от знака собственности, родового знака, имел в виду Н. П. Лихачев).

Этот знак («иранский вклад в древнерусскую духовную культуру») соответствовал представлениям русского правителя о его функциях, в результате чего и наблюдается совмещение знака с таким властным атрибутом, как монета.

Впоследствии произошла его трансформация в знак княжеской собственности, «знак Рюриковичей», как он и квалифицируется в историографии.

¹⁵² Орлов Р. С. Язычество в княжеской идеологии Руси // Обряды и верования населения древней Украины. Киев, С. 108.

¹⁵³ См. об этом: Петрухин В. Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Вып. С. 73–78.

¹⁵⁴ Орлов Р. С. Указ. соч. С. 108.

¹⁵⁵ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, Т. I. С. 6; Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев, С. 34.

¹⁵⁶ Литаврин Г. Г. Византийская система власти и болгарская государственность (VII–XI вв.) // Раннефеодальные славянские государства и народности (проблемы идеологии и культуры). София, С. 23.

¹⁵⁷ Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 82.

¹⁵⁸ См. сноску 46.

К вопросу о символике власти в контексте развития русской государственности¹⁵⁹

(доклад, прочитанный на Международной научно-практической конференции «Ладога и истоки российской государственности и культуры»)

Старая Ладога известна всему научному миру исключительными результатами археологических раскопок. Однако она снискала себе славу также тем, что в местном храме Святого Георгия (XII в.) сохранился шедевр средневековой монументальной живописи – фреска «Чудо св. Георгия о змие».

При исследовании образа Георгия-воина в контексте его значимости для символики Русского государства напрашивается вывод, что именно этот святой сопутствует развитию русской государственности. Его образ, в основном в виде Драконоборца, запечатлен на монетах и печатях Средневековья во многих христианских странах, его имеют в гербах десятки европейских городов, государство Грузия поместило его в свой государственный герб. Однако на протяжении тысячелетней истории только наше Отечество почти беспрерывно использует образ Георгия-воина в государственной атрибутике: его можно видеть на первых русских монетах и печатях князей с XI в., его изображение присутствует на общегосударственной печати конца XV в., а также в государственном и городских гербах вплоть до настоящего времени.

В нашем обществе необыкновенно вырос интерес к исторической символике, к знакам, олицетворяющим российскую государственность. Собственно, и сама проблема государственности становится все больше предметом пристального внимания и внедряется в общественное сознание даже на уровне учебных пособий¹⁶⁰. Параметры понятия государственности в процессе эволюции государства менялись, изменялась и государственная символика, неразрывно связанная с государственной системой и идеологией.

Эмблемы государственного суверенитета, появившиеся в Новое и Новейшее время, не всегда в своем изобразительном варианте соответствуют, так скажем, характеру власти. Однако на ранних этапах развития государства они воплощались в реальных знаках власти руководителя, отражая его социальные функции.

Применительно к нашей теме речь может идти прежде всего о княжеских знаках власти. Последние, в отличие от регалий королей, императоров, которым посвящены многочисленные работы западноевропейских исследователей, изучавших досконально вопросы коронации, системно не изучались.

Традиционно отечественные историки, исследуя принципы власти в Древнерусском государстве, не акцентировали внимание на атрибутике этой власти. Возможно, здесь сказалось влияние правоведов, отрицавших в русском праве символику¹⁶¹. Применительно к символам власти их отсутствие, по-видимому, рассматривалось как следствие своеобразной доктрины власти, а именно: занимать княжеские столы на Руси могли только представители княжеского дома Рюриковичей¹⁶² (все они «одного деда внуки»). Способы же «усвоения»

---

¹⁵⁹ Оpubл.: Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 299–310.

¹⁶⁰ Российская государственность: идеи, люди, символы. Учебное пособие, подготовленное Кафедрой истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (в печати). Здесь государственность определяется как исторически сложившаяся система представлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, о традициях государственного управления.

¹⁶¹ См. об этом: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., С. 485-Сам он посвятил специальный очерк древним символам: Символизм в древнем русском праве // Указ. соч. Прил. I.

¹⁶² Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., Т. С. 339; Паушто В. Т. Место Древней Руси в истории Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., С. 190; Горский А. А. «Всего

княжеской власти – «старшинство» и «отчина» – исключали (по крайней мере на ранних этапах государственности) какие-либо церемонии в оформлении принятия этой власти, кроме известного по летописи «сел на столе», «занял стол отца своего» и т. д.

Как ни парадоксально, но своеобразное отсутствие внимания со стороны историков и историков права во второй половине XIX – начале XX в. к государственной символике Древней Руси может объясняться и успехами «археологии», как тогда называли вспомогательные исторические дисциплины. Блестящие работы И. И. Толстого, А. В. Орешникова по истории первых русских монет возбудили интерес не только к древнейшим русским монетам, но и к княжеским знакам на них. Работы нумизматов, специалистов по сфрагистике, а также искусствоведов, этнографов раскрывали социальную и техническую стороны появления и эволюции «знаков Рюриковичей», иначе – «трезубца». В советское время знакам власти Рюриковичей посвящали свои работы прежде всего археологи (Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, В. Л. Янин, его ученики и коллеги), но также и нумизматы (И. Г. Спасский, М. П. Сотникова), искусствоведы (В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова), историки (О. М. Рапов, М. Б. Свердлов). Значительно расширилась источниковая база вопроса, однако при всей фундаментальности работ названных авторов они являются составными частями мозаичного панно, ибо в целом проблема княжеских инсигний Руси остается в полной мере не решенной. Это, кстати, касается и ее соседей; во всяком случае, еще тридцать лет тому назад крупнейший исследователь знаков власти (*Herrschaftszeichen*) П. Э. Шрамм отмечал, что особого внимания заслуживает разработка проблемы, связанной с символикой власти у народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Европы¹⁶³.

Своеобразным откликом явился труд Ф. Кэмпфера «Портреты русских государей. От истоков до Петра Великого»¹⁶⁴, а также опубликованные в 90-е гг. работы польских и сербских ученых¹⁶⁵ о знаках княжеской власти в их странах. В этих работах изложена методика исследования, в котором соотносятся изобразительные материалы, вещественные памятники (печати, монеты, предметы вооружения и т. д.) и письменные источники, особенно передающие представления современников о князе, его имидже воина и правителя. В данных работах содержится представление о комплексе символов княжеской власти (представление о комплексе в значительной степени основывается на функциональной градации аспектов власти в индоевропейской традиции¹⁶⁶), изложены принципы смены одних знаков власти другими в контексте развития права, предполагающие разделение знаков княжеской власти по фазам и использование на ранних этапах – в дохристианский и раннехристианский периоды – языческой символики.

Включение древнерусского материала в контекст общеевропейской истории знаков власти поможет нарисовать более правдоподобную картину развития государственной символики нашего Отечества.

Из-за ограниченного объема статьи, к сожалению, придется только в постановочном плане обозначить многие аспекты проблемы. Не будут подвергнуты анализу, в частности, функциональные действия, которые сами по себе являлись прерогативой княжеской власти (чеканка монеты), создание печатей с соответствующим изображением и их применение в делопроизводстве, осуществление таможенного права и сбора налогов с использованием особых знаков («Иде Вольга Новугороду, и оустави по Мьсте повосты и дани и по Лузе

еси исполнена земля русская...» М., С. 135.

¹⁶³ Schramm P. E. Kaiser, Könige und Päpste. Stuttgart, Bd. H. S. 603.

¹⁶⁴ Kämpfer F. Das Russische Herrscherbild. Von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978.

¹⁶⁵ Piech Z. Strój, insygnia i atrybuty książąt piastowskich do końca XIV w. (cz. I–II) // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. № 1–2, 3–4; Марјановић-Душанић С. Владарске инсигније и државна симболика у Србији од XIII до XV века. Београд, 1994.

¹⁶⁶ См. об этом: Березкин Ю. Е. Двуглавый ягуар и жезлы начальников // Вестник Древней истории. № С. 163 и след. Здесь же отсылки к литературе.

оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты»¹⁶⁷. Не будут в полной мере проанализированы вербальные обозначения знаков власти, употребляемые лишь в качестве примеров. Основное внимание уделяется «предметным» символам, среди которых выделяются знаки господства («политические») и военные знаки.

Главный знак господства – трон: «стол», «престол». Формула, столь типичная для самого раннего текста «Повести временных лет», – «сел», «посадил» (на княжение) – уже предполагает некоторое овеществленное сидение («стол» – лавка, по И. И. Срезневскому), которое очень скоро проявляется в летописях как «стол» – символ верховной власти, престол: «Ярославъ же седе Кыеве на столе отъни и дедни»¹⁶⁸. «Стол» и «княжение» идентифицируются. «Сидеть на столе» мог только князь: «на столе посадити» означало «дать власть», что, в частности, формулирует «Изборник Святослава» 1073 г.¹⁶⁹

Первые русские монеты декларируют власть князя формулой «Владимир на столе». Они же демонстрируют и форму этого «стола»: скамья без высокой спинки на сребрениках князей Владимира Святославича IV типа, Святополка Владимировича; престол с высокой спинкой на сребрениках Владимира III типа¹⁷⁰. Миниатюры лицевых рукописей XIV–XV вв. (прежде всего Сильвестровский сборник XIV в., Радзивилловская летопись XV в.) дают образцы довольно разнообразных в художественном выражении «столов» – со спинкой и без нее.

К властным политическим знакам относится также головной убор. Это могла быть корона, в которой изображен на первых русских монетах сидящий на «столе» правитель. Однако для реального получения короны последний должен короноваться.

3. Пех считает, что князья употребляли «княжескую митру» вместо короны. Представление о подобном головном уборе могут дать русские буллы Изяслава Ярославича (Киев, 1054–1078)¹⁷¹, Святослава Ярославича, правившего в Чернигове, а затем в Киеве (1073–1076)¹⁷². Подобные головные уборы – инсигнии, отличающиеся от «дорогих колпаков», зафиксированы и Н. В. Жилиной¹⁷³.

Необычен и интересен головной убор, в котором Ярослав Мудрый изображен на печати, относящейся, как установил академик Янин, ко времени «окончательного вокняжения Ярослава в Киеве» в 1019 г.¹⁷⁴ Это остроконечная шапка, заканчивающаяся шишечкой. В связи с этим обращает на себя внимание замечание Н. П. Кондакова, который писал, что Андроник I Комнин «в своих продолжительных скитаниях среди варваров усвоил себе и головной убор вроде варварского остроконечного колпака». Далее Кондаков, ссылаясь на Дюканжу, сообщает, что кроме венцов в виде обруча «Византия для разных чинов пользовалась весьма часто пирамидальными, остроконечными и шаро– или тигрообразными шапками, как своего рода «венцами», или инсигниями, что будет точнее»¹⁷⁵.

Регалиями королевской, императорской власти являются скипетр, держава. Княжеские печати, как правило, их не несут. Место скипетра занимает посох, оканчивающийся крестом, который держит обычно в правой руке князь. Скорее всего, с подобным посохом в руке, а не

¹⁶⁷ Памятники литературы Древней Руси (далее – Памятники). XI – начало XII века. М., С. 74.

¹⁶⁸ Там же. С. 156.

¹⁶⁹ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., Л. 61 об.

¹⁷⁰ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., С. 161, 174, 180.

¹⁷¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., Т. I. № 4–5.

¹⁷² Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV в. М., Т. III. № 10а, 12а, 13а, б.

¹⁷³ Жилина Н. В. Шапка Мономаха. М., С. 156.

¹⁷⁴ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Указ. соч. С. См. там же: печать с изображением Ярослава Мудрого (№ 2а).

¹⁷⁵ Кондаков Н. П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., Т. I. С. 70.

с державой изображен Святополк Окаянный на принадлежавшей ему печати¹⁷⁶. Подобные длинные посохи-кресты можно видеть и на печатях Святослава Ярославича¹⁷⁷. Посохи-кресты напоминают лабарумы на монетах византийских императоров. Лабарумы рассматриваются как знаки власти типа штандарта. Однако В. Шандровская отмечает, что к XI в. они окончательно превратились в кресты (она так и называет лабарум: «длинный крест»). Не удивительно, что именно так выглядит знак власти в руках русских князей, монеты и печати которых подражали византийским.

К военным знакам власти принадлежит меч. На Руси, как и во многих европейских странах, меч всегда был также судебным символом. В начале X в. арабский писатель Ибн Русте сообщал о русских: «Мечи у них Соломоновы»¹⁷⁸, имея в виду, что князь судит с мечом в руке. О судебной функции меча имеется запись в Лаврентьевской летописи: «Князь бо не туне мечь носить в месть злодеемъ, а в похвалу добро творящимъ»¹⁷⁹. Радзивилловская летопись в сцене инвеституры изображает мечи, которые один князь передает другому¹⁸⁰, однако они крайне «обезличены». Между тем, по-видимому, княжеские мечи имели признаки индивидуальности. Так, когда умер князь Всеволод Мстиславич «... в Пскове... февраля II день, а въ неделю положень бысть во церкви святыя Троица... и поставиша надъ нимъ его мечь, иже и доныне стоять, видимъ всеми...»¹⁸¹. Вероятно, для усиления значимости меча князья использовали оружие «милостное», т. е. заветное. Например, в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» сообщается, что «его то бо мечь бяшетъ святого Бориса»¹⁸² (князя Бориса Владимировича).

Об индивидуальности еще одного предмета княжеского вооружения – шлема – свидетельствует известная находка последнего на месте Липицкой битвы близ Юрьева-Польского. Крестильное имя владельца шлема было Федор¹⁸³. Возможно, в битве князь выделялся позолоченным шлемом. Во всяком случае, «Слово о полку Игореве» сообщает о золотом шлеме Буй-Тур Всеволода – князя Всеволода Святославича¹⁸⁴, но в «Слове» вообще очень много упоминаний о золотых предметах, относящихся к быту князей.

Обладал ли русский князь особым, лично ему принадлежащим стягом? Этот вопрос остается открытым, ибо утверждения некоторых авторов, что князья имели стяги с определенным «гербом» Рюриковичей, не находят веских доказательств. Уже в «Повести временных лет» как будто говорится о стяге того или иного князя, однако исходя из смысла текста, очевидно, что речь идет о военных подразделениях, именуемых словом «стяг».

С XII в. под стягом все чаще понимается именно знамя. Но все изображения русских знамен (красных, зеленых, синих), знамен русского воинства лишены индивидуальности, хотя знаковость их очевидна: само слово «стяг» происходит от «стяганье» – объединение, сбор вокруг стяга воинов. Функция власти (невоенная) прослеживается, когда речь идет о действиях Даниила Романовича. Галицко-Волынская летопись сообщает о приходе его в Галич: «Данило же вниде во градъ свой и прииде ко пречисте святей Богородици, и прия столъ отца своего, и обличи победу, и постави на немечьскихъ вратехъ хоругвь свою»¹⁸⁵. Здесь речь идет о юго-западных русских землях, где на западный манер на городских воротах

¹⁷⁶ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Указ. соч. № 26. С. 19.

¹⁷⁷ Там же. № 10а, 9б, 12а, 13а, 13б.

¹⁷⁸ Памятники истории Киевского государства IX–XII вв.: Сб. документов / Подг. к печати Г. Е. Кочиним. Л., С. 43.

¹⁷⁹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., Т. I. С. 436.

¹⁸⁰ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., С. 34.

¹⁸¹ ПСРЛ. М., Т. X V. С. 200.

¹⁸² Памятники. XII век. М., С. 330.

¹⁸³ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., С. 34–35.

¹⁸⁴ Памятники. XII век. С. 376.

¹⁸⁵ Памятники. XIII век. М., С. 288.

и башнях вывешивались знамена, вероятно, с каким-то знаком. В других регионах Руси этот обычай не был известен: в источниках упоминания о знаменах сопутствуют описанию военных сражений. Лицевые рукописи дают о них весьма общее представление. Только одна из ранних иллюстраций (список лицевой рукописи «Хроника Константина Манассии»; написана в XII в. византийским поэтом Константином Манасси, переведена на болгарский язык в XIV в., широко использовалась на Руси) изображает войско князя Святослава Игоревича в походе на Доростол со знаменем красного цвета, которое в нижней части полотнища имеет косицу – «хобот», а также «чолку стяговую». По мнению публикатора миниатюр, это характерный признак русских знамен¹⁸⁶.

О «чръленой чолке» русских воинских знамен говорится в «Слове о полку Игореве»: «Чрълень стягъ, бела хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие – храброму Святъславличю!»¹⁸⁷. Примерно с этого времени речь может идти о разных формах военных знамен. Со знаменами двух форм – «стягами» и «хоругвями» – изображены русские воины, отправляющиеся в поход в византийские земли, на рельефах знаменитого Царского места – «Мономахова трона» 1551 г. из Успенского собора Московского Кремля¹⁸⁸.

В источниках много говорится о княжеских одеждах, в них изображаются князья на фресках и миниатюрах. Однако четко отделить княжеское одеяние от одежд других богатых и знатных людей вряд ли возможно, ибо не только князья носили золотые гривны, «багъру», «очервьлену и багряню оденью» – красную одежду и обувь¹⁸⁹ (как, например, византийский император). Даниил Галицкий на встрече с венгерским королем был обут, по сообщению летописи, в тонкие кожаные сапоги зеленого цвета.

Как символ власти можно охарактеризовать даже не «дорогую шапку» (шапку с опушкой, которую обычно называют «княжеской»), а плащ-коц (коч). Известен эпизод из «Сказания о благоверном князе Михаиле Черниговском и боярине его Федоре» (XIII в.). В наиболее ранних списках рассказывается о княжеском жесте, который сделал Михаил в ответ на уговоры приближенных покориться татарскому хану: «Тогда Михаилъ соима коць свои, и верже к ним гля, примете славоу света сего, ея же вы хотите»¹⁹⁰. Переписчикам позднее это слово было непонятно, и они заменяли его «идентичными» терминами «венец», «меч».

Знаки власти Древнерусского государства вполне укладываются в схему подобных знаков соседних с ним государственных образований с княжеским правлением, хотя, несомненно, их комплекс имеет и специфику, обусловленную отчасти недостаточной полнотой источников, отчасти неоднозначностью представлений о власти (а следовательно, и о ее символах), что, в свою очередь, можно объяснить различием исходных точек государственности в разных странах.

Специфика древнерусской государственности нашла отражение в особой символике первых монет (право чеканки монеты со времен Рима – наивысшая прерогатива верховной власти, и выбор изображений на ней – также ее привилегия¹⁹¹) и печатей. Речь идет о «знаках Рюриковичей». В настоящее время в научном мире утвердилось мнение, что знак может быть тамгой. Сам по себе данный факт не является чем-то особенным. В ранних чеканах германских народов (например, у вандалов) монетные типы, обычно подражающие Риму (погрудное изображение в венке, Виктория, держащая корону), на оборотной стороне могут нести изображение головы лошади. На ранних англосаксонских монетах можно видеть змею

¹⁸⁶ Дуйчев И. Миниатюры на Манассиевата летопис. София, С. 63-Л. 178, 178 (1).

¹⁸⁷ Памятники. XII век. С. 374.

¹⁸⁸ Соколова И. М. Мономахов трон. М., Илл. 11, 13.

¹⁸⁹ Древнерусская литература. Изображение общества. М., С. 9.

¹⁹⁰ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., С. 58.

¹⁹¹ Engel A., Serrure R. Traité de Numismatique du Moyen Age. Paris, T. P. XL.

или дракона, объясняемых следствием древних местных верований, в которых чудовищный Вотан (Водан-Один) играл важную роль¹⁹². На медных болгарских монетах Второго Болгарского царства¹⁹³ (Михаил Шишман, он же с сыном Иваном), лицевая сторона которых занята фигурами конного или пешего царя в соответствующем одеянии и монограммой «ЦР» и в типе которых просматривается византийское влияние, оборотная сторона занята лигатурой, известной в более раннее время как тамгообразный знак¹⁹⁴.

Помещение на монетах, знаке престижности власти, древних символов – напоминание о более древних представлениях о ней. Что касается первых русских монет, то возможна связь использованного в оформлении их знака и титула «каган», который предшествовал наименованию русского правителя *князем* – словом, которое «стало употребительным... не ранее начала XII в.»¹⁹⁵, будучи заимствованным из болгарского языка. Многие авторы подчеркивают, правда, что «тюркское по происхождению слово *каган* использовалось, «по крайней мере, в Киеве». М. И. Артамонов писал, что «титул главы Руси – каган, который *невероятен* для северных славян, но вполне понятен для славян среднеднепровских...»¹⁹⁶. В «Слове о законе и благодати» митрополита (тогда еще священника) Илариона (40-е гг. XI в.) правители Владимир и Ярослав Мудрый названы «каганами» («великий каган нашей земли» – Владимир), причем в самом возвышенном, прославляющем их деяния значении. Вместе с ними прославлялась и Русская земля – «она же ведома и слышима всеми четырьмя концами земли»¹⁹⁷, поэтому не случайно «Слово» оценивается в настоящее время как «своего рода гимн российской государственности». Тем самым практически категория «публицистичность» в его характеристике отступает на второй план.

Как показали новейшие филологические и исторические исследования, круг источников, упоминавших о кагане русов, очень велик: от восточных – сочинений арабских и персидских авторов – до западных, начиная с Бертинских анналов 839 г. С полным основанием ученые полагают, что с половины IX в. правитель русов в международном общении носил самый значимый в регионе титул «каган», «дававший его обладателю международное признание. Поэтому в принятии правителями русов этого восточного титула следует видеть не столько следствие хазарского влияния, сколько формальную самоидентификацию, предопределенную внешними обстоятельствами»¹⁹⁸.

Титул «каган» используется в 80-х гг. XII в. по отношению к князю Олегу Святославичу, о чем сообщается в «Слове о полку Игореве». По-видимому, в течение XII в. «каган» окончательно заменяется «князем». Позднее «цивилизованный мир» и вовсе пренебрежительно воспринимал термин «каган». Известно изречение, сохранившееся в рукописи XIV в.: «Каган зверообразный скифский»¹⁹⁹.

Соотносится ли с титулом «каган» в свете нового подхода к определению его значимости в период образования Древнерусского государства какой-либо особый символ? Можно предположить, что символ, как и сам титул, является отражением существовавших в то время знаковых систем, которым соответствовали представления о символах в тамгообразном воплощении.

¹⁹² Там же. Р. 164, 183.

¹⁹³ Мушмов Н. Монетите и печатите на българските царе. София, С. 97–98, 103–105.

¹⁹⁴ Дончева-Петкова Л. Знаци върху археологически паметници от средновековна България VII–X век. София, 1980.

¹⁹⁵ Львов А. С. Лексика «Повести Временных лет». М., С. 200–См. об этом также: Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., С. 269.

¹⁹⁶ Артамонов М. И. История хазар. Л., С. 366.

¹⁹⁷ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, С. 91–92.

¹⁹⁸ См. очень аргументированную, содержащую обширную библиографию вопроса, статью: Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., В. 10.

¹⁹⁹ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893 (Переизд.: М., 1958). Т. С. 1171.

Тамги тюркского характера, в том числе хазарские, в настоящее время усиленно изучаются отечественными и зарубежными (в частности, болгарскими) археологами²⁰⁰, причем авторы выявляют значительное сходство в начертаниях знаков, нанесенных на идентичные предметы из южнорусских и болгарских земель.

Поскольку русские правители до конца XI в. именовались «каганами», помещение двузубца и трезубца, составляющих основу тамгообразных знаков (знаков собственности) Хазарии, как знака власти (и собственности) прежде всего на княжеские монеты – атрибуты власти кажется вполне естественным. Давать какое-либо толкование двузубцу, трезубцу в лучшем случае бесперспективно. Как курьез рассматривали разные версии расшифровки оборотной стороны первых русских монет авторы многотомного труда о средневековых монетах – в отношении трезубца, как писали они, сменяют друг друга предположения: от норманнской шапки до схематического голубя – Святого Духа²⁰¹.

Тамгообразные знаки исчезают из государственной атрибутики Руси приблизительно тогда же, когда и титул русского правителя «каган»; во всяком случае, к началу XIII в. система отпавших в знаках Рюриковичей сходит на нет²⁰², что означает охлаждение князей к этим знакам.

Характер титула русских правителей и анализ изображений на их первых знаках власти позволяет более внимательно оценить утверждающуюся в современной историографии концепцию Русского каганата, существовавшего, скорее всего, в Днепровско-Донском регионе²⁰³ в IX в.

Нельзя не сказать несколько слов и о произведениях искусства, возвеличивающих верховную власть правителей Руси. В Древнерусском государстве, так же как и во многих странах, входящих в византийский культурный регион, можно отметить черты так называемого императорского искусства, в основе которого лежит официально-портретное изображение правителя (помещение его изображения в определенном месте, в привычном виде или в предписанной позе, в одеждах и с регалиями, свойственными его положению)²⁰⁴. А. Грабар отмечал, что в греческих, славянских, румынских и кавказских государствах, управлявшихся подражавшими василевсам властителями, официальное искусство монархов вдохновлялось константинопольскими образцами. В Византии пропаганда образа императора как носителя власти прошла несколько этапов: в более ранний период – триумфатора, со второй половины IX в. благодаря влиянию церковного искусства главной задачей стало показать василевса перед Богом (сюжеты: коронация императора Иисусом Христом, сцены моления императора и т. д.; на монетах с этого времени наблюдается нивелирование портретности). В древнерусском искусстве имеются подобные сюжеты, например изображение князя Ярослава Владимировича, преподносящего модель церкви Иисусу Христу, на Нередицкой фреске XII в.

К символам власти Грабар относит изображение не только фигуры императора, но и членов его семьи. С подобными изобразительными сюжетами нас также знакомит древнерусское искусство: это изображение семьи Ярослава Мудрого на фреске Софийского собора в Киеве, Святослав Ярославич с семьей – в «Изборнике Святослава» и др.

²⁰⁰ Например: *Флерова В. Е.* Граффити Хазарии. М., 1997; *Дончева-Петкова Л.* Указ. соч.

²⁰¹ *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., Вып. С. 83.

²⁰² *Engel A., Serrure R.* Op. cit. P. 892.

²⁰³ *Седов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. М., С. 56.

²⁰⁴ *Грабар Андре.* Император в византийском искусстве. М., С. 25.

**Рис. 1. Изображение великого князя Московского
Василия I Дмитриевича и его супруги Софьи Витовтовны
на Большом саккосе митрополита Фотия (нач. XV в.)**

Традиция аналогичных изображений с заложенной в них глубокой идеей государственности утверждается и в СевероВосточной Руси: это изображение Великого князя Василия I Дмитриевича с супругой Софьей Витовтовной на Большом саккосе митрополита Фотия (начало XV в.) «по соседству» с византийским императором и его супругой, изображение Великого князя Ивана III Васильевича с семьей на шитой пелене 1498 г., на иконе «Богоматерь Боголюбская» начала XVI в. и т. д.

Рис. 2. Сербский царь Душан и царица Елена. Фреска XIV в.

Прерывистый характер русской истории, а также малочисленность дошедших до нас художественных памятников не дают возможности нарисовать полную картину развития и использования носителями власти в Русском государстве атрибутов этой власти. Тем не менее сравнительный анализ комплекса вещественных и письменных источников, параллелизм истолкования памятников материальной культуры Руси и соседних стран позволяют выделить основные вехи этого процесса в соответствии с государственными теориями власти. Среди них – идея преемственности власти московских великих князей – через владимирских – от киевских и, как результат, исключительность патронирования московских князей теми святыми, которые покровительствовали князьям-воинам Древнерусского государства, чем, в частности, можно объяснить пристрастие московских князей к Георгию-Змееборцу (здесь, правда, надо учитывать и политическую ситуацию); идея преемственности великодержавной власти от византийских императоров²⁰⁵, в результате с начала XIV в. легенда об императорских регалиях использовалась в Северо-Восточной Руси, а «дары» принимали соответствующую форму регалий, передаваясь по наследству потомками

---

²⁰⁵ См. об этом: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. С. 16–19.

Ивана Калиты²⁰⁶; теория знатного происхождения русских государей от императора Августа, которая начала складываться в Московском государстве в конце XV в. и «породила» иную государственную символику и эмблемы (как известно, Иван III Васильевич хотел «во всем равняться – в титулах и в формулах грамот, и во внешности булл – цесарю и королю римскому»). Последующие государи продолжали изменять властную атрибутику, приближая ее к общеевропейской. Уже Иван Грозный, венчавшийся на царство «по византийскому образцу», осознавал реальность бытия и в споре со шведским королем о титуле гневно восклицал: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся»²⁰⁷. Действительно, он создал ряд государственных печатей по образцу европейских. Но это предмет дальнейшего разговора.

---

²⁰⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., С. 8, 16, 36, 57, 59, 61, 197.

²⁰⁷ Сборник Русского исторического общества. СПб., Т. С. 213, 238.

II. Эволюция государственного герба России

Становление восковой печати в Северо-Восточной Руси²⁰⁸

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении русских печатей²⁰⁹, многие вопросы отечественной сфрагистики остаются невыясненными. Проблематичным, в частности, является становление восковой печати на Руси – время появления, цель употребления, ее связь с правовыми понятиями общества, типология, иконография и пр.

Развитие института печати в Древней Руси на протяжении первых почти пяти веков его существования отражено в отечественной историографии. Определены первоисточки этого института, выделен архаический «довизантийский» тип печати, какой является булла князя Святослава Игоревича (ум. в 972 г.)²¹⁰, разграничены этапы бытования в Древней Руси того или иного типа буллы, сформулирован тезис о функциональной сущности русской буллы²¹¹. В целом для Руси в течение ряда столетий характерно использование вислой металлической печати по византийскому обычаю.

В течение XIV–XV вв. в дипломатической практике русских княжеств, а затем и общерусского государства удостоверительную функцию начинает выполнять восковая печать²¹².

Следует подчеркнуть, что переход от металлических печатей к восковым предполагает не только перемену материала печати, но также утверждение нового (по сравнению с прежним) изображения – как правило, светского (за исключением печатей лиц духовного звания) круговой легенды определенного содержания, варьирования способа опечатывания документа, скрепляемого вислой или прикладной печатью, и т. п. Процесс утверждения восковой печати в дипломатической практике Руси происходил постепенно, имел региональные особенности. Выяснение всех аспектов этого процесса – задача будущих исследований. В настоящей статье внимание сосредоточено на выявлении факторов, способствовавших усвоению восковых печатей в дипломатической практике Северо-Восточной Руси – регионе, где впоследствии возникла печать единого Русского государства.

---

²⁰⁸ Опубл.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 128–137.

²⁰⁹ См. об этом: Соболева Н. А. Развитие отечественной сфрагистики // Вопросы истории. № 2.

²¹⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. X–XV вв. М., Т. I. С. 40.

²¹¹ Там же. С. 157.

²¹² Восковые печати представляют собой следующий по времени этап развития русской сфрагистики после металлических печатей, однако не исключается сосуществование тех и других. Находки перстней-печатей, особенно на юге России, могут свидетельствовать об употреблении наряду с буллами прикладных восковых печатей. Об этом говорят и находки металлических, деревянных, костяных печатей-матриц в древнерусских городах (Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., С. 186–188; Милонов Н. П. Тверская печать XV в. // СА. Вып. VIII. С. 299; Полубояринова М. Д. Костяная печать из Серенска // КСИА. М., Вып. С. 95–97 (в данной работе отмечены случаи находок металлических и костяных матриц XIII–XV вв. в Москве, Новгороде, Смоленске и других древнерусских городах); Седова М. В. Печать из Суздаля // СА. № С. 278–280).

Рис. 1. Восковые печати-оттиски русских князей XIV–XV вв.

Хронологический рубеж замены свинцовых булл восковыми печатями в литературе намечался лишь приблизительно²¹³. Более четко определил границу перехода от металлических печатей к восковым Н. П. Лихачев. По его мнению, византийская традиция с ее преобладанием металлических булл удерживает свое влияние на Руси до конца XIV в. Далее в отечественной сфрагистике преобладали различные виды восковых печатей – вислых и прикладных. С конца XV в., как считал Лихачев, господствует западноевропейский характер в изображениях и стиле печатей²¹⁴. Разграничивая этапы развития отечественной сфра-

---

²¹³ См., например: *Орешиников А. В.* Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. М., Т. III. Вып. С. 150.

²¹⁴ *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., Вып. С. Тем не менее Лихачев допускает, что начало западноевропейского влияния на сфрагистическое изображение наблюдается уже с конца XIII – начала XIV в. (Там же. С. 22–23, 30–31, 48, 51, 68–69; Л., Вып. С. 31).

гистики, Лихачев исходил из общеизвестного положения, что западноевропейская сфрагистика, не отвергая металлических булл, в основе своей имела воско-мастичные печати.

Картина преемственности нарисована Лихачевым только в общих чертах. Если детальнее рассматривать этот процесс, то необходимо проследить, по каким каналам осуществлялась данная преемственность. Многие исследователи печатей считали посредником между Западной Европой и Русью Литву²¹⁵. Подобную возможность проникновения на Русь западноевропейских влияний отрицать нельзя. Простое сравнение печатей Великого князя Василия Дмитриевича, привешенных ко второй и третьей духовным грамотам²¹⁶, и печатей Витовта последних десятилетий его правления²¹⁷ позволяет установить их тождественность. Печать Василия Дмитриевича, сохранившаяся при его третьей духовной грамоте (1423), оттиснута в восковой чаше (ковчежке), что характерно не только для печатей Витовта, но и является особенностью западноевропейской средневековой сфрагистики. Можно привести и другие примеры, говорящие о посредничестве Великого княжества Литовского в становлении на Руси нового способа скрепления документа – одновременное использование литовскими князьями печатей с латинскими и русскими легендами, адекватность художественных образов и мотивов русских, литовских, польских и других западноевропейских печатей XIV–XV вв. На эти моменты обращали в свое время внимание исследователи русских печатей А. Б. Лакиер, А. В. Орешников, Н. П. Лихачев. Однако это был не единственный путь проникновения новых традиций в отечественную сфрагистику. В середине XIV в.²¹⁸ (а по мнению некоторых ученых, даже в начале XIV в.²¹⁹) наблюдается восстановление связей Руси с Балканскими странами, прерванных монголо-татарским нашествием. Связи Руси указанного времени с южнославянскими странами и Византией нашли отражение в языке, литературе, искусстве²²⁰. Прослеживаются они и по линии идейно-политических воздействий²²¹. Однако не все аспекты взаимодействия стран, включенных в это «умственное движение», изучены с достаточной полнотой. Например, лишь намечены элементы сходства в делопроизводстве Руси, южных славян и Византии²²². Между тем специальное дипломатическое исследование, как считал М. Н. Тихомиров, во многом способствовало бы выяснению этого вопроса. А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что формы некоторых русских актов, в частности духовных грамот, складывались под византийским влиянием²²³.

По единодушному мнению исследователей, взаимодействие Руси со странами юго-востока Европы наиболее заметно ощущается в области письменности. В местах общения русских, греков и южных славян (а такими центрами являлись Константинополь, монастыри Афона, возможно, монастыри Сербии и Болгарии) русские могли ознакомиться не только с литературными, но и с делопроизводственными памятниками, с дипломатическими нормами. Согласно традиционной точке зрения дипломатическая практика южнославянских

²¹⁵ Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., С. 117–118, 125–127; Koehne B. de. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. В., Р. 6–7; Лихачев Н. П. Указ. соч. Вып. С. 237, 257.

²¹⁶ ДДГ. М.; Л., № 21, 22; Рисунки печатей см.: СГГД. М., Ч. № 41, 42.

²¹⁷ Semkowicz W. Sfragistyka Witolda // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków, XIII. S. 84–85; Vossberg F. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Berlin, Taf. 22.

²¹⁸ Лихачев Д. С. Литература времени национального подъема // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV в. М., С. 5.

²¹⁹ Мошин В. О периодизации русско-югославянских литературных связей X–XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., Т. XIX. С. 100.

²²⁰ См. об этом: Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947; Он же. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

²²¹ Хорошкевич А. Л. Русско-славянские связи конца XV – начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // VII Международный съезд славистов. Варшава, С. 416–421.

²²² Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа... С. 176–177.

²²³ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Петроград, С. 124–125.

стран и Византии была идентичной²²⁴. Между тем, по данным современных исследований, это положение не является безусловным. Византия оказала бесспорное воздействие на дипломатику южнославянских стран. Речь идет прежде всего о публичном акте. Наиболее распространенным среди них является хрисовул. Именно хрисовулы служили моделью в канцеляриях суверенов Болгарии и Сербии. Но другие типы византийских актов не оказали заметного влияния на дипломатику этих стран²²⁵. Общность с Византией сказывается и в использовании обычая металлической печати – золотой, позолоченной, свинцовой²²⁶. Однако исследователи отмечали (по крайней мере в отношении Сербии), что металлических печатей здесь много меньше, нежели восковых²²⁷. Восковые византийские печати не сохранились²²⁸. Но они существовали для скрепления распоряжений императоров – простагм, обеспечивая их сохранность и секретность²²⁹. Печати оттискивались при помощи императорского перстня. Тот же прием «закрытия» документа (он складывался особым способом) переняла сербская канцелярия и использовала прикладные печати в течение XIII–XV вв., когда в Западной Европе они были редки²³⁰. Иконография византийских восковых печатей не ясна. В отношении же перстневых печатей сербских правителей известно, во-первых, что в XIII–XV вв. они многочисленны; во-вторых, что они употреблялись наряду с хрисовулами и восковыми печатями другого типа²³¹; в-третьих, в качестве печатей использовались геммы с изображением льва, орла, различных монограмм вместо герба; в-четвертых, перстневая печать считалась «малой» печатью, большой же – большая вислая двусторонняя печать²³².

Хотя всесторонне осветить сходство и различие византийской и южнославянской дипломатики позволит лишь специальное сравнительное источниковедческое исследование, уже сейчас ученые подчеркивают, что наряду с утверждением византийских норм и правил в дипломатике южных славян заметно и отступление от них. Последнее сказывается, например, в отличающейся от византийской формальной стороне грамот (пожалований) на славянском языке, которые обнаруживают целый ряд характерных особенностей. Так, санкция в византийских хрисовулах перестает встречаться с XIII в., в сербских же и болгарских хрисовулах XIV в. духовная санкция употребляется очень часто²³³; подпись красными чернилами в славянских актах существует, с той разницей, однако, что она не является автогра-

²²⁴ Dölger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, S. 268–269; *Idem*. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, S. 319; *Idem*. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei // XII Congrès international des études byzantines. Belgrade-Ochride, S. 101–102.

²²⁵ Lascaris M. Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavo-roumaine // Byzantinoslavica. Praha, T. III. P. 503.

²²⁶ До недавнего времени считалось, что среди сербских печатей нет ни одной свинцовой (*Ивић А.* Стари српски печати и грбови. Нови Сад, С. 11), однако сейчас известия о них опубликованы (*Mošin V.* Les sceaux de Stephan Nemanja // Actes du VI Congrès international d'études byzantines. Paris, T. II. P. 303–306; *Andelić P.* Srednjovjekovni pečati iz Bosne i Hercegovine. Sarajevo, S. 55–58).

²²⁷ *Ивић А.* Op. cit. С. 11.

²²⁸ Dölger F. Byzantinische Diplomatik. Ettal, S. 47; Dölger F. Karayannopulos J. Byzantinische Urkundenlehre. München, S. 45; Dölger F. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 98; Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. Basel, Vol. S. 5.

²²⁹ Яковенко П. А. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на о-ве Хиосе. Юрьев, С. 65, 107; Dölger F. Byzantinische Diplomatik. S. 47; Dölger F. Karayannopulos I. Op. cit. S. 44–45.

²³⁰ Čremošnik G. Studije za srednjovjekovnu diplomatiku i sigilografiju južnih slovena. Sarajevo, S. 82.

²³¹ См. об этом: Станојевић С. Студије о српској дипломатици // Глас српске краљевске академије. Београд, С. XXXII; *Ивић А.* Op. cit. Tabl. I–XVII.

²³² Станојевић С. Op. cit. С. 14, 17, 23–24; см. также: *Ивић А.* Op. cit. С. 13, 16; *Јуречек К.* Историја Срба. Београд, Св. 3-я. С. 32; Čremošnik G. Op. cit. S. Тожество печати и перстня в сербской сфрагистике подтверждается круговой надписью на печати короля Вукашина, оттиснутой на зеленом воске и датируемой 1370 г.: «Благоверна крале Вљкашина пръстенъ» (*Ивић А.* Op. cit. Tabl. IV № 22).

²³³ Мошин В. А. К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии // Юбилейный сборник Русского археологического общества в королевстве Югославия. Белград, С. 6.

фом, как было принято в Византии; болгарские цари, сербские короли не подписывали акты собственноручно²³⁴. Замечены и другие отличия актов на славянском языке. В частности, они касаются печатей, где наряду с византийской традицией прослеживается очень сильное западноевропейское влияние, что выражается как в широком использовании в качестве материала воска, так и в характере изобразительного типа²³⁵.

Светская символика занимает прочное место в оформлении печатей и монет Болгарии. Некоторые болгарские цари в конце XIII – начале XIV в. чеканят монеты с изображением двуглавого орла, царя на коне. На болгарских монетах XIV в. можно видеть и льва с высунутым языком, идущего на задних лапах. Данные эмблемы типичны для монет и печатей Западной Европы. В Византии они, как правило, в этом качестве не употреблялись²³⁶. Золотые буллы болгарских царей наряду с византийским обычаем расположения надписей используют и круговую легенду – на западноевропейский манер²³⁷.

Более, чем в Болгарии, западноевропейские традиции сказываются на сербских печатях. В Сербии с начала XIII в. появилась восковая булла, которая в XV в. почти полностью заменила золотые буллы даже в документах, квалифицированных в тексте грамот как хрисовулы²³⁸. Примером могут служить грамоты «на сербском наречии», выданные русскому монастырю на Афоне в XIV–XV вв. сербскими королями и деспотами. При некоторых из них сохранились печати «все из темного воску и привесные на шелковых разного цвета шнурах»²³⁹.

Широкое применение восковых печатей в Сербии обусловлено в первую очередь, по-видимому, распространением в делопроизводстве такого материала для письма, как бумага. Сербская канцелярия была первой из канцелярий южнобалканских стран, где бумага начала использоваться наряду с пергаменом для важных актов²⁴⁰. Это произошло в начале XIV в. В остальных южнославянских канцеляриях бумага никогда «не достигла ранга» пергамента²⁴¹. Характерным для Сербии является использование в качестве внешнего оформления верховной власти тронных, конных печатей, бытующих в западноевропейской сфрагистике. Изображению короля, сидящего на троне или верхом на коне, в рыцарской одежде, обычно сопутствует круговая легенда на славянском или латинском языке²⁴².

Наряду с такими западноевропейскими приемами, как использование печати отца (предшественника) или своей же, но более раннего периода правления, употребление античных гемм вместо герба на печатях не только частными лицами, но и правителями, помещение на печатях латинской легенды или ее перевода²⁴³, исследователи подмечают и отличительные особенности сербской сфрагистики: в ней отсутствует стройная схема как в развитии отдельных типов печатей, так и в их употреблении в качестве правовой категории, какую можно наблюдать в некоторых государствах Западной Европы этого времени²⁴⁴, совершенно

²³⁴ *Lascaris M.* Op. cit. P. 505.

²³⁵ *Јуречек К.* Op. cit. C. V, 32; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. S. 322, 334.

²³⁶ *Герасимов Т.* Антични и средновековни монети в България. София, С. 129–135; *Мушмов Н.* Монетит# и печатит# на Българскит# царе. София, С. 61, 76–77, 86–87, 94–96, 99, 102–103, 134, 144 – Мушмов считает, что в конце XIV в. сюжет всадника у болгарских царей заимствовали византийские императоры; что же касается двуглавого орла, то он, по мнению автора, явился примером для русского великого князя Ивана III.

²³⁷ *Мушмов Н.* Op. cit. C. 144–145, 162; *Gerasimov Th.* Sceaux bulgares en or de XIII et XIV siècles // *Byzantino-slavica*. Prague, T. XXI. № P. 66.

²³⁸ *Lascaris M.* Op. cit. P. 505.

²³⁹ Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, С. 412.

²⁴⁰ *Čremošnik G.* Op. cit. S. 37.

²⁴¹ *Ibid.* S. 38; *Lascaris M.* Op. cit. P. 506.

²⁴² *Ивић А.* Op. cit. C. 14-Табл. I–XVII; *Andelić P.* Op. cit. S. 9–10.

²⁴³ *Јуречек К.* Op. cit. C. 15–32; *Ивић А.* Op. cit. C. 16; *Čremošnik G.* Op. cit. S. 61.

²⁴⁴ *Ивић А.* Op. cit. C. 17.

не используется контрпечать, и если речь идет о двусторонней печати, то размер оттисков с обеих сторон одинаков²⁴⁵, прослеживается явная тенденция к использованию односторонних вислых восковых печатей²⁴⁶.

К числу западноевропейских влияний, по-видимому, следует отнести использование в Сербии в качестве государственной эмблемы двуглавого орла, о чем говорит изображение последнего на печатях правителей конца XIV-начала XV в.²⁴⁷ Есть предположение, что эмблема двуглавого орла получила геральдическое значение в начале XV в. при деспоте Стефане Лазаревиче²⁴⁸. Традиция связала двуглавого орла с Неманичами, и эта эмблема вошла в историю как символ сербской государственности²⁴⁹. Хотелось бы подчеркнуть, что эта традиция не прослеживается в Византийской империи²⁵⁰. Что касается императорских печатей, то после завоевания крестоносцами Константинополя и основания Латинской империи они приобрели сугубо западноевропейский вид: скачущий на коне рыцарь, сидящий на троне император, круговая легенда²⁵¹. Реставрация империи (1261) повлекла возврат к обычному византийскому типу печати. Однако в конце существования империи в Византии появляются красно-восковые, а также оттиснутые через бумагу печати, что рассматривается как подражание Западной Европе²⁵².

Печати Северо-Восточной Руси в той мере, в какой они известны к настоящему времени, позволяют сделать ряд наблюдений, свидетельствующих об усвоении отечественной сфрагистикой византийских и южнославянских традиций. Скрепление княжеского документа металлическими печатями (золотыми, свинцовыми) для Северо-Восточной Руси XIV в. оставалось традиционным. Однако нельзя не заметить все усиливающейся в XIV в. тенденции к упрочению восковой печати, что связано с употреблением в канцелярской практике Северо-Восточной Руси бумаги. Анализ сохранившихся княжеских печатей XIV–XV вв. показывает преобладание вислых восковых односторонних печатей. Подобный способ скрепления документа характерен для Сербии XIV–XV вв., но не для Византии, где восковые печати так запечатывали документ, что неизбежно ломались при его вскрытии, поэтому они и не сохранились. Характерным является также использование в качестве печатей перстней с геммами, отсутствие контрпечати (хотя иногда оттиски разных перстней формируют лицевую и оборотную стороны вислой восковой печати)²⁵³, использование печати предшественника²⁵⁴ и т. д. С вариантом круговой легенды («ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА»), содержащей титул и имя князя, знакомит нас золотая печать Ивана Калиты при его духовной грамоте 1339 г.²⁵⁵ Круговую легенду несут многие восковые печати XIV–XV вв. В литературе²⁵⁶ уже отмечался факт сходства золотой буллы Стефана Душана 1349 г. (у Ивича – 1350 г.) и аналогичной печати Симеона Гордого, привешенной к его духовной гра-

²⁴⁵ Čremošnik G. Op. cit. S. 49, 63.

²⁴⁶ Ibid. S. 63; Ивић А. Op. cit. Таблицы.

²⁴⁷ Čremošnik G. Op. cit. S. 138–139, 145.

²⁴⁸ Soloviev A. Istorija srpskog grba. Melburn, Эта работа известна нам лишь по рецензии на нее: Grothusen K. D. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. S. 507–512.

²⁴⁹ См., например: Жефаровић Х. Стематографија. Нови Сад, Рисунок герба царства Неманичей представляет собой двуглавого орла под короной, на каждой голове по короне, крылья распахнуты. Стих под рисунком начинается с фразы: «Сербский Орел Римского превзыити...».

²⁵⁰ См. об этом: Соболева Н. А. Символы русской государственности // Вопросы истории. № 6.

²⁵¹ Zacos G., Veglery A. Op. cit. S. 102.

²⁵² Dölger F., Karayannopoulos J. Op. cit. S. 45; Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 316; см. также: Кашианов С. М. Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 год. М., С. 29.

²⁵³ СГГД. Ч. № 33, 41, 44, 86–87.

²⁵⁴ Там же. № 44 и 35; 89 и 87.

²⁵⁵ Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. Табл. 1, № 1.

²⁵⁶ Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа... С. 176–177.

моте 1353 г.²⁵⁷ Вместо греческого «агиос» здесь рядом с фигурой святого имеется надпись: «семен с(вя)ты». На печати царя Стефана Душана²⁵⁸ – «стефане првомучени(к)». Хотя лицевые стороны печатей различны (на печати Стефана Душана – изображение стоящего царя в короне и царском одеянии, а на печати Симеона Гордого – строчная надпись), их сближает легенда, упоминающая в титуле «все земли српске» и «всея Руси».

Рис. 2.1. Золотая булла сербского короля Стефана Душана (лицевая и оборотная стороны)

Рис. 2.2. Позолоченный аргировул Симеона Ивановича Гордого (лицевая и оборотная стороны, прорисовка)

Наблюдаются аналогии в становлении отдельных государственных эмблем. Так, с XIV в. на русских княжеских восковых печатях появляется вооруженный всадник²⁵⁹. Данный сюжет характерен как для сербских конных печатей, так и для аналогичных печатей Западной Европы в целом, где он служил указанием на принадлежность владельца печати к правящему дому. Однако в отечественной сфрагистической практике отсутствуют тронные печати, употреблявшиеся в этот период сербскими королями, что объясняется титулом русских правителей. С XIV в. в Северо-Восточной Руси была известна эмблема двуглавого орла как атрибута власти²⁶⁰. Не исключено, что знакомству способствовали связи с южными славянами, у которых двуглавый орел помещался на монетах и печатях. Однако в качестве

²⁵⁷ Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. Табл. 1, № 3.

²⁵⁸ Ивић А. *Op. cit.* Табл. III, № 15–16.

²⁵⁹ Янин В. Л. Указ. соч. М., Т. II. С. 37.

²⁶⁰ Орешников А. В. Древнейшее русское изображение двуглавого орла // Труды Московского нумизматического общества. М., Т. II. Вып. С. 12–14.

общегосударственного символа двуглавый орел был принят Иваном III лишь в начале или в течение последнего десятилетия XV в.²⁶¹

Отмеченные нами факты параллелизма в практике оформления атрибутов власти сопоставимы с явлениями, характеризующими общее интеллектуальное движение, которое с XIV в. охватило христианский мир юго-востока и востока Европы. На протяжении всего периода вычлениаются этапы большего или меньшего взаимовлияния Руси и Балканских стран. Так, в середине XIV в. Афон вошел в политические границы «царства сербов и греков» Стефана Душана. Известны, как уже отмечалось, грамоты сербских королей и деспотов русскому монастырю на Афоне. Афон же был одним из основных центров культурного и идейного общения Руси и Балканских стран. Вполне вероятно, что в результате подобного общения взаимно усваивались государственные идеи, олицетворяющие их символы и эмблемы, дипломатическая практика, трансформируясь в зависимости от собственных, уже существующих особенностей. Если учесть, например, такие факты, как поддержка сербскими правителями русского монастыря на Афоне вплоть до падения монголо-татарского ига²⁶², извещение Стефаном Душаном Московского великого князя и Русской церкви о провозглашении царства и установлении сербской патриархии²⁶³, знакомство русских читателей с биографиями сербских «кравлей» Неманичей, попытки породниться с сербским правящим домом²⁶⁴, а также стремление московских великих князей и царей предстать в роли хранителей славянского православия и наследников сербского правящего дома²⁶⁵, последующие тесные связи России с Сербией, то отмеченные нами аналогии в сфрагистике Сербии и Северо-Восточной Руси приобретают особое значение²⁶⁶. Они подкрепляют наблюдения и выводы М. Н. Тихомирова о приоритете Сербии (со всеми ее отличными от Византии особенностями) в сложном механизме взаимодействий восточных славян с балканскими народами, известном под названием второго южнославянского влияния²⁶⁷. Последнее, разумеется, не было только внешним явлением, а обуславливалось социально-политическим состоянием Руси и развитием ее государственности.

В русле общих тенденций, влияющих на становление единого Русского государства, протекало и формирование тех или иных его институтов, ранее находившихся в сфере безусловного византийского влияния. В частности, отечественный сфрагистический материал указанного времени в сопоставлении с введенными в научный оборот аналогичными памятниками юго-востока Европы позволяет резюмировать, что в южнославянских государствах и в русских землях византийская традиция в использовании материала для печатей и оформлении типа последних не оставалась доминирующей вплоть до падения Византийской империи. Общность с Византией в использовании обычая металлической печати, общность иконографии постепенно теряют свою обязательность. Новые факторы, в основе которых лежала иная культурно-историческая ориентация, способствовали развитию сфрагистики единого Русского централизованного государства, и в этом процессе существенную роль сыграли связи с южными славянами.

---

²⁶¹ Подробнее об этом см.: *Соболева Н. А.* Указ. соч.

²⁶² Акты русского на св. Афоне монастыря. С. VIII.

²⁶³ *Мошин В.* О периодизации. С. 99.

²⁶⁴ *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 408.

²⁶⁵ *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России... С. 83–93; *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 408–409.

²⁶⁶ Как уже отмечалось, сфрагистика Сербии испытала сильное западноевропейское влияние. Таким образом, на Русь пришла хоть и трансформированная в сербской дипломатической практике, но западноевропейская традиция скрепления документа при помощи восковой печати.

²⁶⁷ *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России... С. 9.

Происхождение печати 1497 года: новые подходы к исследованию²⁶⁸

Печать времени Ивана III Васильевича является уникальным памятником отечественной средневековой сфрагистики. От всех предшествующих княжеских печатей она отличается цветом материала (красновосковая), исключительно высоким качеством изготовления матрицы, посредством которой оттиснуты ее лицевая и оборотная стороны, круговой легендой, содержащей полный титул великого московского князя, сложившийся к 1490 г.²⁶⁹ Главное же отличие – изобразительные компоненты печати. На лицевой стороне помещен всадник в коротком военном доспехе, в боевых перчатках и в развевающемся плаще, поражающий дракона (крылатого змея) копьем в шею. Круговая надпись в ободках из насечек гласит: «Іѡанъ Б(о)жіею мілостію господарь всея Русіі велікіі кн(я)зь». На оборотной стороне печати – двуглавый орел с распростертыми опущенными крыльями и коронами на головах. Его окружает расположенная между двумя ободками надпись: «І велікій кн(я)с. влад. і мос. і нов. і пск. і тве. і уго. і вят. і пер. і бол».

Впервые два столь значимых элемента российской символики представлены совместно; впоследствии они будут объединены в Государственном гербе России.

Печать скрепляла ряд актов начиная с 90-х гг. XV в.²⁷⁰ Однако наиболее ранней из дошедших до наших дней является печать при жалованной меновой и отводной грамоте великого князя Ивана III Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам 1497 г.²⁷¹ Отсюда и ее датировка, принятая в отечественной литературе со времени Н. М. Карамзина, а также употребляемая зарубежными исследователями. Дата 1497 г. условно признана годом возникновения Российского государственного герба, 400-летие которого широко отмечалось в 1897 г.²⁷², а 500-летию посвящались научные конференции и специальные издания²⁷³.

²⁶⁸ Оpubл.: Отечественная история. 2000. № 4. С. 25–43.

²⁶⁹ См.: Лаушкин А. В. К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Серия История. № С. 35.

²⁷⁰ См.: Соболева Н. А. Русские печати. М., С. 157–158.

²⁷¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ.) М.; Л., № С. 341–344; РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. II, № 78.

²⁷² См.: Воронец Е. Н. 1497 год на императорских регалиях. Харьков, 1897; Он же. Четырехсотлетие российского государственного герба // Московские ведомости. № 204; Лопухин Ф. Наш государственный герб. По поводу его 400-летия // Новь. № 20 и т. д.

²⁷³ См., напр.: Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997.

Рис. 1. Печать великого князя Московского Ивана III Васильевича:

а – лицевая сторона, б – оборотная сторона

В последнее время предпринимаются попытки отнести изготовление печати не к 1497 г., а к более раннему времени. В. А. Кучкин, например, считает, что это был 1490 г.²⁷⁴ В основе доказательств лежат наблюдения над изменением титула Ивана III, отразившемся в легенде печати. Несколько уточнив позиции, В. А. Кучкин признает, что титул, помещенный на печати, сложился к 1490 г.²⁷⁵ Он обращается к актам Ревельского архива, опубликованным в конце XIX в. А. Чумиковым²⁷⁶. Один из них, по его мнению, скрепляла вислая красновосковская печать, аналогичная печати 1497 г. В. А. Кучкин датирует этот акт 1492 г. на основании ряда спорных умозаключений, в числе которых ссылка на суеверие русских людей, которые, боясь конца света, якобы «вместо мистической цифры “7000” писали другие»²⁷⁷.

Однако и сам акт имеет весьма сомнительную датировку (не вызывает возражения только обозначение ее издателем: «149... г.»), и не доказано, что речь идет об аналоге печати 1497 г. А. Чумиков отмечает: «Сбоку... красновосковская печать», следовательно, она не обязательно была вислой, но могла быть прикладной, под бумажной кустодией, односторонней, подобной той, что скрепляла грамоту 1516 г. под номером «7» тех же «Актов Ревельского архива» – «красновосковская с бумажной накладкой государственная печать». В таком случае в качестве аналогии можно указать на печать с изображением всадника, поражающего дракона, прикладную, под бумажной кустодией, которую опубликовала Н. А. Казакова при воспроизведении текста верующей грамоты, данной русским послам Дмитрию Ралеву и Митрофану Карачарову, отправленным в Италию в 1499 г.²⁷⁸ Следует отметить, что А. Чумиков четко фиксировал красновосковскую вислую печать с всадником, поражающим дракона, и двуглавым орлом, если она действительно скрепляла грамоту (например, грамоту Ивана IV 1563 г.²⁷⁹).

---

²⁷⁴ Кучкин В. А. Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 г. // Вопросы истории. № 4-С. 36.

²⁷⁵ Полный титул Ивана III (с прибавлением «болгарский») четко зафиксирован в латинской надписи, помещенной на Спасской башне Московского Кремля и свидетельствующей, что в июле 1491 г. миланец Пьетро Антонио Солари построил «сию стрелницу». Текст надписи воспроизведен: Хрептович-Бутенев К. А. Латинская надпись на Спасских воротах и их творец Петр-Антоний Солари // Сб. статей в честь графини П. С. Уваровой. М., С. См. также: Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., С. 180, 187; Дрбоглав Д. А. Камни рассказывают, М., С. 12-Выражаю признательность Б. М. Клоссу, обратившему мое внимание на этот факт.

²⁷⁶ Чумиков А. Неизданные русские акты XV–XVI вв. Ревельского городского архива // ЧОИДР. Кн. Разд. I V. № 5, 6, 7, 10.

²⁷⁷ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 36.

²⁷⁸ Казакова Н. А. Грамота Ивана III папе Александру VI // Археографический ежегодник за 1973 г. С. 26–28.

²⁷⁹ Чумиков А. Указ. соч. № 10.

Рис. 2. Печать Ивана III (прорисовка)

В. А. Кучкин, впрочем, может оказаться прав, как и его предшественники, высказывавшие предположение о более ранней датировке печати в связи с интерпретацией ее символики (Н. П. Лихачев – 1489 г., Г. Алеф – 1489–1490 гг., Н. А. Соболева²⁸⁰). Однако пока не обнаружены аналоги печати при конкретных документах более раннего времени, все подобные датировки являются лишь гипотезами. Печать же при грамоте 1497 г. – реальность. Поэтому в дальнейшем условно будем называть этот сфрагистический памятник печатью 1497 г. К тому же грамота, к которой приложена печать, отличается от предшествующих документов особой удостоверительной статьей: «А к сей грамоте яз, князь великий, и печать свою привесил»; «А митрополит и братаничи мои, князь Федор и князь Иван свои печати привесили» (кроме вислой красновосковой печати грамоту скрепляли еще три вислые черновосковые печати). Многие последующие грамоты Ивана III содержат аналогичную удостоверительную формулу.

Печать при грамоте 1497 г. имеет дефект – отломанный кусок. Однако она абсолютно идентична двум другим сохранившимся печатям Ивана III, привешенным к грамотам, датированным 16 июня 1504 г. и «около 16 июня» 1504 г.²⁸¹ Идентичны не только детали изображений, но и оформление легенд лицевой и оборотной сторон. Поэтому при анализе печати 1497 г. фактически рассматриваются ее аналоги, сохранившиеся при грамотах 1504 г.

Первый отечественный историк В. Н. Татищев считал, что «не бесполезно о гербе государственном от истории вспомнить, понеже оное есть многих обстоятельств доказательством и гражданской истории есть к знанию не безнужное»²⁸². По словам В. Н. Татищева, он представил начальству сочинение о русском гербе, в котором, в частности, написал: «Иоанн Великий, по наследию своея княгини Софии, принцессы греческой, принял за государственный герб орел пластаный, с опущенными крыльями и двумя коронами над главами». Рассуждения В. Н. Татищева о российском гербе нашли отражение в последующих исторических трудах XVIII в.²⁸³; в конце 1780-х гг. архивисты и публикаторы фиксировали печать при грамоте 1497 г.²⁸⁴

²⁸⁰ Лихачев Н. П. История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 15 мая 1915 г.; Alef G. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View // Speculum. V. XLI. № I. P. 15; Соболева Н. А. Русские печати. С. 157.

²⁸¹ ДДГ. № 90, 91; РГАДА. Ф. Отд. I. Рубр. II. № 79; Рубр. IV. № Выражаю признательность И. А. Балакаевой (РГАДА) за предоставленную возможность сравнить все три сохранившиеся экземпляра печати.

²⁸² Татищев В. Н. История Российская. Т. М.; Л., С. 368–369.

²⁸³ Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яко-

О значении печати в истории российской государственности писал Н. М. Карамзин, поддерживавший предположение В. Н. Татищева о принятии Иваном III византийского герба и соединении его на печати с московским: «Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 г.»²⁸⁵. Печать 1497 г. как носительница гербовых эмблем привлекла к себе внимание и других исследователей – И. М. Снегирева, И. П. Сахарова, А. Б. Лакиера и пр.²⁸⁶ Эмблемы печати 1497 г. историки XIX в. рассматривали в контексте общих тенденций, присутствовавших в историографии и соответствовавших официальной доктрине. Это не только великодержавные идеи, возвеличение самобытности и исконности существовавших в России государственных институтов, прежде всего самодержавия, но и абсолютизирование исключительного влияния Византии на общественное развитие в стране, в частности на идеологию и формы русской государственности. Отсюда версия о принятии Иваном III герба из Византии. Утверждение, будто Иван III, женившись на Софье Палеолог, заимствовал византийский герб, поместив его на своей печати, вошло в отечественную и отчасти в зарубежную историческую литературу, во многие справочники и словари, которыми в нашем обществе пользуются до сих пор.

Одним из первых, кто в начале XX в. предложил научно обоснованную альтернативу общепринятому «византийскому следу», был Н. П. Лихачев. Лучшему отечественному специалисту в области русской и византийской сфрагистики казалось неприемлемым существовавшее в литературе мнение о заимствовании великим московским князем государственной печати, а вместе с нею и двуглавого орла из Византии. Он считал, что «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»²⁸⁷. Такой печати в Византийской империи не существовало. Основную причину появления новой печати Н. П. Лихачев видел в установлении контактов Ивана III с императорами Священной Римской империи, которые к этому времени обладали печатью с изображением двуглавого орла. Великий московский князь «хотел во всем равняться – в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл – цесарю и королю римскому»²⁸⁸.

Размышления Н. П. Лихачева о российской печати и эмблемах государственного герба долгое время оставались невостребованными отечественной историографией. Авторы немногочисленных сфрагистических работ советского времени не делали попыток разобратся в российской символике, повторяя тезис об усвоении Москвой византийского герба²⁸⁹. Не поколебали этот тезис и исторические труды, содержащие критику оценок деяний Ивана III как провизантийских²⁹⁰.

влевичем Хилковым в пользу российского юношества и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. М., 1770; Опыт российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующего дому, собранный из разных авторов и манускриптов Ф. Г. Дилтеем. М., 1771.

²⁸⁴ См. об этом: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 24–25.

²⁸⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. Гл. II. Примеч. 98.

²⁸⁶ Подробнее см.: Соболева Н. А. Герб Москвы: к вопросу о происхождении // Отечественная история. № С. 8.

²⁸⁷ Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., С. 43.

²⁸⁸ Он же. История образования российской государственной печати.

²⁸⁹ Коробков Н., Иванов Б. Русские печати // Архивное дело. № 3 (51). С. 39.

²⁹⁰ Известны несколько подобных трудов. В конце XIX в. Ф. Успенский проанализировал истоки идеологической доктрины, сближавшей царскую власть с императорской, и появления в контексте этой доктрины двуглавого орла на Руси. Тогда же П. Пирлинг, описывая предсвадебные действия в Риме, снаряжение в дальний путь Софьи Палеолог, акцентирует внимание на вычурной атрибутике ее эскорта. В начале XX века В. Савва почти целую книгу посвятил опровержению столь любимой историками XIX в. версии об огромном влиянии супруги Ивана III на придворный церемониал и русские великокняжеские обычаи. В начале 1950-х гг. К. В. Базилевич считал недостаточно убедительным мнение об утверждении на Руси двуглавого орла в результате женитьбы Ивана III на византийской принцессе (Успенский Ф. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., С. 23–30; Пирлинг П. Россия и Восток. СПб., С. 73–80; Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Études diplomatiques. Paris, P. 107–185; Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., С. 87).

До середины XX столетия знаменитая печать и ее символика ушли из поля зрения историков русского Средневековья. Одним из первых ввел ее в контекст своего исследования о российском двуглавом орле американский ученый Г. Алеф²⁹¹. В его интерпретации печать 1497 г. явилась существенным компонентом в общей схеме претензий Ивана III на императорский титул. Автор подчеркнул, что изображение на печати русского государя двуглавого орла «свидетельствовало о желании Москвы выразить равенство с западными странами, особенно с императорским домом Габсбургов».

Всплеск интереса к символике печати Ивана III обусловлен в первую очередь достижениями в области сфрагистики, ставшими особенно заметными к началу 1970-х гг., а также начавшейся в это же время разработкой проблем территориальной и государственной геральдики. С выходом в свет работы В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси» появилась научная версия развития сфрагистического типа, благодаря которому с XIII в. на русских печатях вместо прежнего патронального, свойственного византийским и древнерусским образцам изображения появляется светский воин (в короне) с мечом. С конца XIV в., по мысли ученого, фигура всадника с мечом, копьем, соколом на руке представляла собой персонифицированное изображение князя²⁹². Не изменилось смысловое содержание этого образа, превратившегося в эмблему и помещенного на металлических буллах новгородского цикла, относящихся ко времени Ивана III Васильевича (1462–1478), о чем свидетельствуют последние публикации булл В. Л. Яниным и П. Г. Гайдуковым: на лицевой стороне металлической печати весьма примитивно изображен воин (влево) в доспехах, может быть, в шлеме с забралом, колющий извивающегося змея в широко открытую пасть²⁹³.

---

²⁹¹ Alef G. The Adoption... через 20 лет Г. Алеф включил вопрос о появлении на Руси двуглавого орла в контекст большого труда, посвященного происхождению московского самодержавия: *Idem. The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. В. Berlin, 1986.

²⁹² Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., С. 37.

²⁹³ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., С. Табл. 24, № 434а, 436а.

Рис. 3а. Новгородская металлическая булла с изображением всадника, поражающего дракона (лицевая и оборотная стороны)

Двадцать лет назад в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья «Символы русской государственности»²⁹⁴, где автор этих строк на основе исследования сохранившегося комплекса великокняжеских печатей (прежде всего воскомастичных), а также изучения всей доступной в то время отечественной и зарубежной литературы проанализировал смысловое содержание эмблем лицевой и оборотной стороны печати 1497 г. Автор показал, что двуглавый орел не использовался как атрибут власти на печатях великого князя Московского вплоть до конца 80-х – начала 90-х гг. XV в., тем самым подкрепив выводы Н. П. Лихачева и Г. Алефа об утверждении его в таковом качестве после установления контактов с домом Габсбургов. Сопоставив печать 1497 г. с прежними княжескими печатями, существовавшими на Руси, а также с византийскими императорскими печатями, автор пришел к заключению, что исследуемая печать являлась новым специфическим атрибутом власти великого князя Московского.

Рис. 3б. То же. Прорисовка

Концепция возникновения печати не подвергалась серьезной критике, хотя, как отмечалось выше, существуют попытки уточнения ее датировки, а также продолжают поиски истоков «семантического наполнения образа ездоца»²⁹⁵, впрочем, без должного научного рассмотрения эмблем печати.

Думается, что уникальный средневековый памятник, каким является печать 1497 г., еще не раз станет объектом внимания ученых, которые будут находить все новые аспекты ее анализа. В частности, печать до сих пор не изучалась специально как художественное произведение. Преимущественно с этой точки зрения печать будет рассматриваться в данной работе. Однако художественный аспект не может существовать изолированно от вопроса о символике печати, поэтому я возвращусь к трактовке ее изображений, тем более что мне представилась возможность ознакомиться в отечественных и зарубежных книгохранилищах с ранее недоступными трудами западноевропейских ученых по данной тематике, а также более тщательно изучить замечательный сфрагистический памятник и его возможные аналоги.

По поводу интерпретации лицевой стороны печати 1497 г. нет единства мнений. С одной стороны, «отсутствие святости» налицо: всадник вполне светский, без нимба; имеются все основания считать его князем, «ездецом» – воином. В XVI–XVII вв. во всех русских источниках такое изображение называли «человек на коне», «государь на аргамаке», «сам царь с копьём» и т. д.²⁹⁶ Вооруженный всадник часто встречался на русских монетах конца

²⁹⁴ Соболева Н. А. Символы русской государственности // Вопросы истории. № С. 47–59.

²⁹⁵ Юрганов А. Л. Символы Русского государства и средневековое сознание // Вопросы истории. № С. 118.

²⁹⁶ См.: Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855 (Репринт. изд. М., 1990). С. 83–86; Янин В. Л. Указ. соч. С. 36; Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России. М., С. 10–11.

XIV–XV в. Монеты с подобным сюжетом чеканили великие князья Москвы и Твери, а также князья прилегавших к этим городам уделов (в княжествах Городенском, Кашинском, Галицком, Серпуховском, Можайском, Верейском, Дмитровском)²⁹⁷. На монетах около всадника иногда ставились буквы *к* или *кн* – «князь». Таким образом, традиция может быть основой восприятия вооруженного всадника как князя, а позднее – царя. С XVI в. на груди двуглавого орла этот всадник часто изображался в короне; иногда он (как на монетах, так и на печатях) имел портретное сходство с государем²⁹⁸, так что именование его современниками царем и государем выглядит вполне естественным.

Существенно, на наш взгляд, становление (прежде всего в Московском регионе) специфического сюжета: всадник, поражающий копьем дракона. В конце XIV – начале XV в. среди монет московских уделов появляются экземпляры, на которых всадник, держащий в руке копье, поражает им какой-то предмет под ногами коня, голову чудовища с открытой пастью, наконец, змея. Интересен вариант, фиксирующий, вероятно, становление данного изображения: на монетах Василия Дмитриевича (1389–1425) помещен всадник с направленным вниз копьем, под ногами коня – татарский знак «плетенка»²⁹⁹. На печатях этого же князя 1390, 1401–1402 гг. можно увидеть под копытами коня едва различимого змея³⁰⁰.

Возникновение змееборческого сюжета в русских княжествах заметно совпадает со временем, последовавшим за победой Дмитрия Донского на Куликовом поле. Сыновья Дмитрия Ивановича, племянники, внук, правнук, князья, придерживавшиеся «московской ориентации», например Василий Михайлович Кашинский, считали этот сюжет «своим», помещая его на печатях и монетах, а также на бытовых предметах. Иван III широко использует изображение всадника, поражающего дракона, буквально с первых лет правления³⁰¹.

Змееборца, как и прочих вооруженных всадников или сокольников, принято считать светским воином-князем. Однако подобное толкование кажется слишком односторонним. Дело в том, что отечественные литературные памятники не знают рассказов о князьях, уничтожающих змеев-драконов³⁰². А. В. Чернецов предположил, что подобный образ был своеобразным символом борьбы против основного врага русского народа – монголо-татарских завоевателей, отражением злободневной политической ситуации. «Традиционный образ дьявола, дракона прямо ассоциируется в XV в. с татарами»³⁰³. Как бы ни казался всадник, поражающий копьем дракона, светским, вряд ли он был таковым в то время. Его иконография близка к иконографии почитаемого святого в простом композиционном решении (т. е. без царевны, ее родителей и других атрибутов, которые являлись составными частями сложной композиции, соответствовавшей легенде «Чудо Георгия о змие»). Не случайно многие исследователи, изучавшие образ св. Георгия, отмечали, что, встречая композицию с драконом, необходимо прежде всего иметь в виду «Георгиевскую легенду»³⁰⁴. И не случайно иностранцы, посещавшие Россию в XVI–XVII вв., воспринимали московского дракоборца как св. Георгия (Р. Барберини, Д. Принтц фон Бухау, С. Коллинз и др.).

²⁹⁷ См.: Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1996 (репринт).

²⁹⁸ Спасский И. Г. К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. С. 49–53; Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. Т. С. 117–121.

²⁹⁹ Орешников А. В. Русские монеты... № 466–467; Таблица VIII, № 332.

³⁰⁰ Соболева Н. А. Русские печати. Таблицы. № 16; Снегирев И. М. Еще несколько слов о московском гербе // Московские ведомости. № 69.

³⁰¹ Соболева Н. А. Герб Москвы... С. 13.

³⁰² Chernetsov A. Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An Iconographic Study. Oxford, P. 104.

³⁰³ Ibid. P. 50, 102–103.

³⁰⁴ См.: Рыстенко А. Ф. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, С. 471; Смирнов Я. И. Устюжское изваяние святого Георгия московского большого Успенского собора. М., С. 36.

Почитание св. Георгия на Руси, как отмечали исследователи его жития, а также досконально изучившие его иконографию в русской живописи В. Н. Лазарев и М. В. Алпатов³⁰⁵, началось очень рано – в X в. Тогда князья Киевской Руси стали считать его своим покровителем, особенно в военных делах. Постепенно в тесной взаимосвязи с литературным образом (прежде всего – в повести о спасении царевны) произошла трансформация образа Георгия, который в народном сознании превратился в покровителя мирных людей, защитника от зла³⁰⁶. А. И. Кирпичников, А. В. Рыстенко и другие исследователи полагают, что поздние переделки жития святого воина (в частности, славянские) легли в основу русского духовного стиха о Егории Храбром, где святой является устроителем земли Русской.

После победы на Куликовом поле образ популярного святого – защитника христианства – в глазах московских князей мог стать особенно привлекательным, вплоть до заимствования отдельных атрибутов его внешнего облика. Возможно, этим объясняются сюжеты монет и печатей, на которых князь выступает как драконоборец. Следует заметить, что на русских монетах, (их чеканка началась в XIV–XV вв.), изображения святых вообще не допускались³⁰⁷, чего нельзя сказать о печатях князей этого периода³⁰⁸.

Георгий Победоносец не имел отношения к тезоименитству Ивана III, однако это не значит, что великий князь Московский не выделял его особо как покровителя. Вступая в борьбу за объединение русских земель в единое государство, а также за право называться царем, он придавал большое значение формированию своего имиджа³⁰⁹. При этом не последнее место отводилось исключительной роли великого князя Московского в защите чистоты веры, противопоставление его иноверцам и отступникам. Здесь Иван III неизменно находил поддержку Церкви, предписывающей ему «крепко стояти за православное христьянство», «оборонити свое отечество {...} от бесерменства», подобно тому как прадед его Дмитрий Иванович «мужество и храбство показа за Доном {...} над теми же окаанными сыроядци»³¹⁰.

Образ защитника православия как нельзя лучше увязывался с образом Георгия Змееборца. О повышенном интересе Ивана III к этому святому, как писал Г. К. Вагнер, свидетельствуют два факта: он посылает В. Д. Ермолина, известного архитектора и скульптора, в Юрьев-Польской для восстановления обрушившегося Георгиевского собора; призывает Георгия Победоносца помощником «во бранех», собираясь в поход на Новгород³¹¹. Идея покровительства св. Георгия великому князю, а может быть, и Москве (традиция прочно связывала образ Георгия-воина с основателем города Москвы князем Юрием Долгоруким), видится в установке скульптуры Георгия Змееборца на Фроловской башне Московского Кремля и во введении этого святого (вместе с Дмитрием Солунским) в деисусы³¹².

Таким образом, в качестве символа своих многотрудных деяний великий князь Московский мог выбрать для новой печати изображение известного всей Руси святого – Георгия Змееборца. Естественно, в последующие правления фигура борющегося с драконом воина могла интерпретироваться по-другому.

³⁰⁵ Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970; Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. Т. М., 1967.

³⁰⁶ Чудо Георгия о змие // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., С. 521–527, 616.

³⁰⁷ Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. Л., С. 112.

³⁰⁸ Янин В. Л. Указ. соч. С. 167–168; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Указ. соч. С. 169–171.

³⁰⁹ См. об этом: Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy... P. 82–90.

³¹⁰ Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., С. 522–537.

³¹¹ Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV вв. М., С. 223.

³¹² Там же. С. 218–219; Алпатов М. В. Указ. соч. С. 167.

Композиция изображения лицевой стороны печати 1497 г., которое представляет, по нашему мнению, св. Георгия в «Чуде о змие», заставляет искать художественные аналогии. Казалось бы – чего проще?

Иконография этого святого разработана досконально. Обобщающей можно считать работу чешского ученого Й. Мысливца, который в середине 30-х гг. XX столетия опубликовал большой труд об изображении св. Георгия в восточно-христианском искусстве³¹³. Этот многостраничный труд включил практически всю предшествовавшую литературу по данной проблеме. Автор изучил огромное количество иконописных, фресковых, рельефных изображений святого воина по коптским, византийским, русским, сербским, румынским, армянским, грузинским источникам. Наибольший интерес в разных странах, как считает Й. Мысливец, опираясь на выводы своих предшественников-филологов, вызвал подвиг Георгия-воина, убивающего дракона. Образ Драконоборца складывается уже в X в., его Й. Мысливец называет простым, ибо в композиции нет других человеческих фигур. В XI в. изменяется композиция: перед конем возникает женская фигура. В XII в. композиция снова усложняется: в поле зрения появляется башня замка, из окон которой смотрят царь с царицей и придворные. Так складывается другой, сложный иконографический тип Чуда Георгия о змие. Оба они соотносятся с многочисленными текстами легенд. Й. Мысливец приходит к выводу, что в простом типе заложен символический смысл (победа христианства), а сложный появляется в связи с возникновением легенды об освобождении царевны. Св. Георгий изображался также пешим, сидящим или молящимся, но значительно реже. К сожалению, Й. Мысливец не смог привлечь для сравнения западнохристианский иконографический материал, хотя к моменту выхода его труда существовал ряд весьма интересных и фундированных работ, в частности книга О. Таубе об изображении св. Георгия в итальянском искусстве³¹⁴. Достижения в изучении иконографии св. Георгия в Западной Европе отражены в современных искусствоведческих и специальных иконографических энциклопедиях и словарях³¹⁵.

Попытки сравнительного анализа образа Георгия Победоносца в произведениях, относящихся к разным видам искусства, предпринимались еще в XIX в. Например, К. Я. Тромонин, интерпретируя некоторые изображения св. Георгия, известные ему в русском искусстве, привлекал для сопоставления западноевропейскую скульптуру (изваяния Донателло), живопись Джотто и Рафаэля, гравюры Дюрера³¹⁶. А. А. Куник с той же целью обобщил различные типы изображений этого святого воина на русских и иностранных монетах и печатях, крестах, сосудах и других вещественных памятниках³¹⁷.

В. Н. Лазарев и М. В. Алпатов исследовали живописный образ Георгия-воина на широком историографическом фоне³¹⁸. В контексте общих представлений о судьбах иконографических типов св. Георгия В. Н. Лазарев рассматривает развитие образа этого святого на Руси. Он считает, что на русской почве почитание Георгия Победоносца прошло три четко выраженных этапа:

1) период почитания святого как покровителя князей, их ратных подвигов (X–XI вв.);

³¹³ Myslivec J. Svatý Jiří ve východokřesťanském umění // Byzantinoslavika. T. V. Praha, 1933/34.

³¹⁴ Taube O. F. von. Die Darstellung des heiligen Georg in der italienischen Kunst. Halle, 1910.

³¹⁵ Наиболее развернуто в книге: Réau L. Iconographie de l'art chrétien. T. III. Part II. Paris, P. 571–См. также: Reallexikon zur byzantinischen Kunst. B. II. Stuttgart, S. 1056–1060; Lexikon der christlichen Ikonographie. B. Rom; Freiburg; Basel; Wien, S. 376–383.

³¹⁶ Тромонин К. Я. Очерки с лучших произведений живописи, гравирования, ваяния и зодчества с кратким описанием и биографиями художников. Т. М., С. 26, 230, 235.

³¹⁷ Куник А. А. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца. СПб., Приложение О византийских и древнерусских изображениях св. Георгия Победоносца. С. 121–136.

³¹⁸ См. обширную западноевропейскую историографию в указанных выше работах В. Н. Лазарева и М. В. Алпатова.

2) проникновение культа св. Георгия в народную среду и в результате превращение его в эпический образ покровителя земледельцев и скотоводов (XII–XV вв.);

3) изъятие образа из народной среды, придание ему черт исключительности, утонченности, усиление церковно-дидактических тенденций (конец XV–XVI в.).

В иконографии в соответствии с идейным содержанием образа можно, по мнению ученого, фиксировать следующие моменты: стоящий воин с копьем (мечом) и щитом; всадник с копьем, являющимся не разящим оружием, а атрибутом святого в «Чуде о змие» (он пассивен по отношению к дракону, не стремится его убить); наконец, всадник, которого ангелы увенчивают короной, или стоящий святой с многочисленными воинскими атрибутами³¹⁹.

М. В. Алпатов, не исключая иконографической классификации как традиционного метода в изучении образа св. Георгия, делал, однако, акцент на его изобразительном воплощении, которое зависит от художественного стиля эпохи, от индивидуальности художника, от своеобразия его «региональной» школы. «Среди многочисленных русских икон Георгия, – пишет он, – почти не встречается точных повторений. Едва ли не в каждой иконе есть нечто новое».

Эти основополагающие работы, посвященные иконографии св. Георгия в русской живописи, дополняются новыми воззрениями на отдельные детали образа как в иконописи³²⁰, так и в других формах изобразительного искусства³²¹.

В целом исследователи признают его типичные черты: молодой человек с прямым носом, тонкими изящными бровями, выразительными глазами, вьющимися волосами, образующими на голове буклевидную шапку. Конный святой всадник с обязательным нимбом имеет характерные признаки: левая рука его согнута и придерживает поводья, копьем он колет дракона (змея) в пасть, на нем длинное одеяние, почти закрывающее ноги, отчего те кажутся короткими. Эти признаки характерны для конного Георгия на Руси вплоть до XVI–XVII вв. Особенно они устойчивы в новгородской иконописи.

Другой вид искусства, где воплощается образ Георгия Змееборца в XV в., – это скульптура, деревянная и каменная. В настоящее время известны четыре деревянные скульптуры и каменное изваяние, использовавшееся в качестве надвратного иконного образа. Вместе с изображением другого святого воина – Дмитрия Солунского – оно было помещено на Фроловской башне Московского Кремля, о чем сообщалось в летописи под 1464–1466 гг. Создание каменных скульптурных изображений, согласно летописным известиям, связывают с именем архитектора и подрядчика В. Д. Ермолина³²². В настоящее время художественные особенности всех пяти скульптурных изображений изучены³²³. Несмотря на некоторые индивидуальные черты, все пять памятников очень близки. Однотипность их может свидетельствовать о том, что они изготовлены в Москве в одной мастерской, но разными мастерами³²⁴. При этом специалисты усматривают в них руку мастера, «воспитанного евро-

³¹⁹ Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи... С. 80.

³²⁰ Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. М., С. 188–195.

³²¹ Порфиридов Н. Г. Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике // Сообщения Государственного Русского музея. VIII. Л., С. 120–125; Рындина А. В. Историко-художественное значение изразцов Успенского собора в городе Дмитрове // Древнерусское искусство. (5). М., С. 462–472; Вагнер Г. К. Указ. соч. Гл. V; Выголов В. П. Скульптура Георгия на башне Московского Кремля // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. М., С. 5–38; Он же. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., С. 133–169; Сидоренко Г. В. Деревянная скульптура «Святой Георгий на коне» в собрании Государственной Третьяковской галереи // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. М., С. 35–65.

³²² Соболев Н. Н. Русский зодчий XV века Василий Дмитриевич Ермолин // Старая Москва. Вып. М., 1914; см. также указанные работы Г. К. Вагнера, В. П. Выголова, Г. В. Сидоренко.

³²³ См.: Сидоренко Г. В. Указ. соч. См. также: Яхонт О. В. Основные результаты научных исследований и реставрации скульптурной иконы святого Георгия Змееборца 1464 года из Московского Кремля // Государственный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. XII. М., С. 104–119.

³²⁴ Сидоренко Г. В. Указ. соч. С. 43–14.

пейской культурой и практикой», который трактует Георгия как «кавалерный» образ, как воина – покровителя рыцарства. Однако следует заметить, что для подобного толкования конь слишком статичен (его задние ноги не отрываются от земли), да и в целом фигура всадника, в отличие от скачущих рыцарских коней, недостаточно динамична. Более того, скульптуры XV в. несут черты иконописного облика св. Георгия, сохраняя согнутую левую руку, длинное одеяние, укорачивающее ноги, и копьё, разящее змея в пасть.

Вероятно, методически наиболее правильным был бы поиск аналогий образа Георгия, известного по печати 1497 г., среди произведений мелкой пластики, исходя из того, что матрица печати принадлежала к таковым. Это самый распространенный из всех видов изобразительного искусства Руси, ибо вещи, выполненные резьбой или литьем, принадлежали не только Церкви, но и многим частным лицам. К ним относятся нагрудные иконки, амулеты-змеевики, панагии, ковчеги-мощевики и т. д.³²⁵ На этот вид изобразительного искусства также оказывала влияние иконопись, но исследователи считают, что здесь больше отклонений от созданных Церковью канонов, ярче выражается индивидуальный почерк мастера. Играть роль и особенности материала. Образ св. Георгия в виде стоящего воина с копьём и щитом, а также в виде Змееборца широко распространен среди изделий из металла, кости, дерева, камня. Однако при всей специфике (например, конь святого в некоторых изделиях напоминает игрушечного, пряничного конька) сохраняются канонические признаки. В частности, исключается нанесение удара копьём двумя руками в шею (а не в пасть) дракона, присутствует нимб.

Иконопись как вид искусства, безусловно, являлась основополагающей, однако необходимо учитывать, что для русского мастера отступление от канонов было в принципе невозможным³²⁶. По-видимому, не только в иконописи, но и в других видах искусства русский художник до XVI–XVII вв. свято оберегал древнюю традицию в изображении святых.

Самой вероятной группой изделий, где могли бы обнаружиться иконографические аналогии печати 1497 г., являются современные ей монеты. Внутреннее родство печатей и монет, проявляющееся в сходстве изображений, не раз отмечалось в отечественной историографии. К тому же, как указывалось, на русских княжеских монетах святые не изображались, так что светский по виду всадник на печати действительно мог быть похожим на всадника, помещенного на монетах.

К сожалению, типологизация монет Ивана III находится еще в начальной стадии³²⁷. Между тем известно, что после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. новгородский денежный двор продолжал работать, создавая новые монетные типы. В 1480-е гг. в Новгороде выпускали более тяжелые, чем в Москве, монеты с изображением как бы летящего всадника с саблей и круговой легендой «Кн(я)зь велики Иванъ Васильевичъ» на лицевой стороне и строчной надписью «Осподарь всея Руси» на оборотной. Другой тип новгородских монет этого времени: на лицевой стороне – всадник в короне, повернувший голову влево и назад, колющий копьём извивающегося змея (?), – излюбленный новгородский иконописный сюжет; на оборотной – круговая легенда «Осподарь всея Руси», а в центре – надпись арабскими буквами: «Иван». Исследователи считают, что со второй половины 80-х гг. XV в. и до конца правления сына Ивана III Василия III здесь чеканился единственный тип монет – с изображением вооруженного саблей всадника. В Москве в правление Ивана III Васильевича наблюдается смешение типов. К московским монетам 1460-1480-х гг. относится,

³²⁵ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI вв. М., С. 7.

³²⁶ Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., С. 23.

³²⁷ В этом направлении работает В. А. Калинин (Гос. Эрмитаж): Калинин В. А. Новгородский денежный двор в начале 1480-х годов // Сообщения Государственного Эрмитажа. XXXVI. Л., С. 79–83; Он же. Монеты Ивана III с русско-татарскими легендами // Труды Государственного Эрмитажа. XXI. Л., С. 111-Классификацией монет Ивана III занимается аспирант Отдела нумизматики ГИМ В. В. Зайцев, который любезно ознакомил меня с результатами своих научных изысканий.

например, монета с изображением всадника с саблей и круговой надписью «Кн(я)зь велики Иванъ Васильви» на лицевой стороне и маленькой звездочкой в круге с татарской надписью «Это денга московская» – на оборотной. По мнению В. В. Зайцева, 90-ми гг. XV в., датируется «московка», на лицевой стороне которой – всадник с саблей, а на обороте круговая надпись «Осподарь всея Руси» обрамляет голову в короне.

Таким образом, из приведенного нумизматического материала видно, что ни в одном монетном типе не может быть найдена какая-либо аналогия матрице печати 1497 г.

Однако в 70-80-х гг. XV в. в Москве чеканились монеты, надписи на которых выделяли их из общей монетной массы. Лицевую сторону этих монет занимал всадник с саблей и круговой легендой «Кн(я)зь велики Иван Василиевич», а на обороте содержалась строчная надпись, в одном случае – «Орнистотелес», в другом – «Мастер Александро»³²⁸. Принято считать, что эти монеты чеканили итальянские мастера, получившие откуп у Ивана III. К тому же циклу, по-видимому, относится и монета под названием «дозор» с изображением воина европейского вида.

Вопрос об «итальянском следе»³²⁹ в русском денежном деле XV в. поднимался неоднократно. Прежде всего речь шла об авторах двух золотых монет времени Ивана III – «угорском золотом» и «корабельнике». По поводу их авторства и времени изготовления нет единого мнения, однако предположительно «угорский золотой» – подражание венгерскому дукату – чеканил итальянец Якопо³³⁰, а «корабельника» выпустил в Москве, по мнению И. Г. Спасского, также, «скорее всего, итальянец»³³¹.

Многие итальянцы, в том числе монетные мастера, переместились с Крымского полуострова в Москву после захвата Каффы и других итальянских колоний турками в 1475 г.

А. С. Мельникова считает, что каффинским денежникам нетрудно было приспособиться к московскому монетному делу, ибо техника чеканки каффинских и московских монет была одинаковой: и те и другие чеканились из серебряной проволоки, штемпели резались от руки, рисунок и надписи их были весьма примитивными³³². Возможно, что среди обычных денежников был и выдающийся гравер. Но есть и другая версия, которая кажется более правдоподобной.

К концу 80-х гг. XV в. огромное количество художественных ценностей, драгоценных металлов из присоединенных Новгорода и Твери сосредоточивается в Москве, что было одной из причин создания Иваном III в Кремле художественных мастерских³³³. В них трудились русские, а также иностранные мастера, которых Иван III приглашал из разных стран Европы. Известно, что он приказывал найти в Германии «серебряного мастера хитрого, который умел бы большие суды делати да и кубки, да и чеканити бы умел и писати на судех»³³⁴. Еще в конце 70-х гг. в Москве делал сосуды и другие изделия для великого князя мастер Трифон – ювелир из Котора, с далматинского побережья, славянин или грек³³⁵. В 1490 г. в Москву выехал из Рима серебряник Христофор с двумя учениками, тогда же прибыли

³²⁸ Орешиников А. В. Русские монеты... С. 123–124; Спасский И. Г. Русская монетная система. М., С. 97.

³²⁹ Потин В. М. Итальянский след в русском денежном обращении XI–XVII вв. // Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. Тезисы докладов. СПб., С. 22–23.

³³⁰ Он же. Венгерский золотой Ивана III // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., С. 284–286.

³³¹ Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото... С. 118–120; Он же. Московский «корабельник» XV века // Сообщения Государственного Эрмитажа. XLII. Л., С. Иное мнение об авторстве и месте чеканки золотых монет с именем Ивана III высказывал М. А. Львов: Львов М. А. О месте чеканки золотых монет с именем Ивана III // Труды Государственного Эрмитажа. XXI. Л., С. 106–110.

³³² Мельникова А. С. Московия и Италия (русско-итальянские связи в эпоху Средневековья по нумизматическим данным) // Деньги и кредит. № С. 72.

³³³ Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., С. 196–203.

³³⁴ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., Стб. 19.

³³⁵ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., С. 227.

«немчин из Любека» Альберт, Карл с учениками из Милана, грек Петр Райко из Венеции. В том же году вместе с архитектором Пьетро Антонио Солари прибыл его ученик Джан Антонио (Замантонио), которому, по-видимому, принадлежит «денга Заманина», чеканенная в начале XVI в.³³⁶ Известно, что резчиком монетных штемпелей был и сам великий Аристотель Фьораванти, еще в юности, согласно требованиям своей эпохи, приобретший основательные познания в области чеканного дела и, как полагают, получивший от венгерского короля Матияша Корвина разрешение на выпуск золотых и серебряных монет или медали с королевским изображением³³⁷.

Естественно, здесь указаны имена мастеров, имевших отношение к серебряному или монетному делу. Как видим, большинство из них итальянцы, которые снискали в этот период известность в Европе и как прекрасные зодчие, и как медальеры. Проявили ли они себя в этом качестве при дворе Ивана III? Вполне можно допустить, что среди приезжих специалистов были не только искусные серебряных дел мастера, но и собственно гравёры. В этом плане показательно, что много лет спустя именно резчики монетных штампов (матриц) – гравёры – названы «фряжских резных дел мастерами», в отличие от серебряников³³⁸.

Как правило, когда речь идет о приглашенных Иваном III итальянских мастерах, конкретно указываются объекты их архитектурных и строительных деяний в Кремле. Однако в последнее время выявляются все новые художественные памятники, к которым могли приложить руку «итальянские мастера, работавшие на Боровицком холме»³³⁹. Анализ оттиска печати 1497 г., на котором, по нашему предположению, изображался св. Георгий, разящий дракона, позволяет сделать вывод, что матрица для печати была изготовлена иностранным мастером, ибо не были соблюдены православные каноны в изображении святого. Над головой всадника отсутствует нимб, обе руки охватывают копье, которое поражает дракона не в плотку, как в современных русских вариантах «Чуда о змие», а в шею. Драконоборец кажется длинноногим благодаря короткому военному одеянию. По своей стилистике (в изображении подчеркнута мощь человека, его физическая сила, воля, напор), также отличающейся от русской иконописной трактовки, святой всадник более всего напоминает произведения западноевропейского ренессансного искусства, прежде всего итальянского. От готического всадника его отличает открытое лицо, характерное для антропоцентричного итальянского искусства Возрождения³⁴⁰.

Битва Георгия с драконом стала сюжетом многих художественных произведений (живопись, скульптура) европейского Возрождения. Но именно в Италии, как пишет В. Н. Лазарев, в Георгии «наиболее полно воплотился новый гражданский идеал». Сильный, смелый герой «готов отразить любой натиск, любую атаку, готов сложить голову, защищая свою Родину, свой родной город»³⁴¹. Эти слова известный искусствовед написал о произведении основоположника ренессансной скульптуры Донателло (статуя св. Георгия и рельеф «Битва Георгия с драконом» из церкви Ор Сан Микеле во Флоренции). В скульптуре и живописи Италии образ Георгия Драконоборца получил разнообразные воплощения³⁴². Однако

³³⁶ Чупашикина А. Н. Денга «дозор» Ивана III // Государственный Владимиро-Суздальский историко-краеведческий и художественный музей-заповедник. Материалы исследований. Владимир, С. 49–55.

³³⁷ Снегирев В. Л. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., С. 29, 35; Земцов С. М., Глазачев В. Л. Аристотель Фьораванти. М., С. 5, 54–55.

³³⁸ Орешников А. В. Василий Андреев, резчик монетных штампов // Сб. статей в честь графини П. С. Уваровой. М., С. 291–292.

³³⁹ Ухова Т. Е. О характере преломления итальянских орнаментальных образов в русской рукописной практике // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. III. М., С. 154–164.

³⁴⁰ Смирнова И. А. Искусство Италии конца XIII–XV веков. М., С. 61.

³⁴¹ Лазарев В. Н. Начало Раннего Возрождения в итальянском искусстве. М., С. 104.

³⁴² Taube O. F., von. Op. cit. S. 62–99.

в контексте общих принципов искусства Возрождения, которому свойственно вкладывать в художественный образ земное содержание, а не отвлеченную религиозную идею, при изображении Георгия, поражающего дракона, на первый план выдвигается героическая и патриотическая характеристика святого воина. Религиозное содержание отступает настолько, что герой легенды трансформируется в человека, побеждающего в битве врага.

Опыт Италии в изображении битвы св. Георгия с драконом становится притягательным для многих художников из европейских стран, где превалировали готические черты в трактовке святых воинов. Однако наиболее ярким примером итальянского влияния признается воплощение этого сюжета в пластике француза Мишеля Коломба (рубеж XV–XVI вв.)³⁴³.

Поскольку в Италии в эпоху Кватроченто (а именно к этому периоду обращено наше внимание в поисках аналогий художественному образу битвы Георгия с драконом, зафиксированному на печати Ивана III) существовало много художественных школ и направлений, у нас нет, естественно, возможности указать конкретного мастера, его школу. Однако, как полагают исследователи, в этот период изображения св. Георгия были особенно распространены в искусстве Северной Италии³⁴⁴. В нумизматической литературе отмечается, что Георгий Победоносец многократно запечатлен «на монетах средневековых итальянских князей»³⁴⁵. Действительно, *Corpus nummorum italicorum*, крупнейшее нумизматическое издание Италии, предоставляет возможность ознакомиться с центрами, выпускавшими в интересующий нас период монеты с изображением св. Георгия Драконоборца; это Венеция и территория, находившаяся под ее протекторатом, – Феррара, Мантуя, Милан³⁴⁶. В последнем случае заслуживают внимания монеты, выпущенные в конце XV – начале XVI в. в области Ломбардия князьями Тривольцо (Тривульцио) и графами Вигевано, на которых всадник, разящий дракона, особенно близок изображенному на печати 1497 г.³⁴⁷ Показательно, что они происходят из той области Италии, с которой великие князья Московские установили связи еще с середины XV в. В частности, миланские герцоги оказывали помощь и поддержку посольствам Ивана III и состояли с ним в переписке. Именно из Северной Италии (а конкретно из Милана) приехали в Москву итальянские зодчие, проводившие строительные работы на Боровицком холме³⁴⁸: Аристотель Фьораванти, болонец по рождению, трудился в Милане; Пьетро Антонио Солари приехал из Милана в Россию в 1490 г.; последний же, как считают, указал на своего преемника – миланца Алевиза (Алоизио), за которым поехали в Италию русские посланники. Уроженцами Северной Италии, по предположению В. Н. Лазарева, являлись также строители Кремля Марко Фрязин и Антонио Фрязин³⁴⁹.

³⁴³ Ibid. S. 89; *Петрусеви́ч Н.* Искусство Франции XV–XVI веков. Л., С. 134–136; Искусство Возрождения в Нидерландах, Франции и Англии. М., С. 105–106.

³⁴⁴ *Taube O. F., von.* Op. cit. S. 135.

³⁴⁵ *Wörterbuch der Münzkunde* [F. E. von Schrötter]. Berlin; Leipzig, S. 219.

³⁴⁶ *Corpus nummorum italicorum*. V. VI. Veneto. Roma, Tab. XXVI. P. 286, 290–291; V. X. Emilia. Milano, Tab. XXX. № 114; I Gonzaga. Moneta Arta Storia. Milano, P. 211, 213, 245, 288–289.

³⁴⁷ *Corpus nummorum italicorum*. V. I V. Lombardia. Tab. XLIII. № 6, 8.

³⁴⁸ *Хрептович-Бутенев К. А.* Указ. соч. С. 221–222; *Снегирев В. Л.* Указ. соч. С. 105; *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI–XV вв.). М., С. 41–49; *Земцов С. М., Глазыхев В. Л.* Указ. соч. С. 136.

³⁴⁹ *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад. С. 43.

**Рис. 4. Изображение св. Георгия-воина
на итальянских монетах. Кон. XV в.**

Визуальный анализ монетного и медального материала, происходящего из областей Северной Италии (прежде всего из Ломбардии), позволяет отметить по крайней мере одну характерную черту всадника: его правая нога не прямая, как в большинстве конных изображений, а согнута под углом и отведена назад. Подобная деталь свойственна как монетным

изображениям св. Георгия, так и всадникам ренессансных медалей из областей Северной Италии, которые мне удалось увидеть³⁵⁰. Подобный художественный прием при изображении св. Георгия в битве с драконом несколько ранее и более утрировано, чем на монетах и медалях, применил известный североитальянский художник Витале да Болонья³⁵¹.

Исходя из приведенных фактов и из сравнения памятников Северной Италии с художественной интерпретацией св. Георгия на печати 1497 г., с большой долей вероятности можно предположить, что гравер, резавший матрицу для печати Ивана III, происходил, как и его коллеги-зодчие, из Северной Италии. Согласно с летописными известиями, можно назвать Карла из Милана (с учениками) и Джана Антонио, приехавшего с Солари, который оставил надпись на Фроловской башне Кремля³⁵². Однако вряд ли это был Христофор из Рима: там в произведениях искусства и монетного дела не обнаружены художественные признаки, заметные в исследуемой печати.

Косвенным доказательством того, что матрицу печати Ивана III резал иноземец, является не только указанное обозначение гравиров «фряжских резных дел мастерами». По наблюдениям отечественных исследователей западноевропейского прикладного искусства, из-за отрицательного отношения на Руси к западному христианству «Москва не хотела узнавать священные изображения в произведениях Запада»³⁵³. Так, св. Георгий Змееборец никогда не назывался в русских описаниях своим именем. В украшении драгоценных золотых запон-плащей царя Ивана Васильевича он обозначен следующим образом: «плащ золот репьеват с пупышем {...} на нем человек на коне колет змея в главу»; св. Георгий, изображенный на карабине и пистолетах, поднесенных царю в 1630 г. голландским купцом, был описан как «человек на коне белом, на человеке одежда лазорева, колет змею копьем». Впрочем, и другие библейские фигуры на светских западноевропейских изделиях описаны «порусски»: Адам и Ева – «у древа два человека литых наги, женски пол подает мужску полу яблоки»; св. Екатерина с орудиями мучений – «дева в одежде позолочена, возле ее полколеса со спицами»³⁵⁴ и т. д. Не отсюда ли названия «ездец», «человек на коне» при именовании святого на печати 1497 г. в тех же самых российских источниках?

Матрица, посредством которой были сделаны оттиски на грамотах 1497 и 1504 гг., по всей видимости, как и более поздние матрицы для аналогичных печатей, состояла из двух половин, вращавшихся на петлях, причем на одной имелся крючок, который мог закидываться на несколько выступавший край другой половины³⁵⁵. Естественно, вторую половину матрицы резал тот же мастер.

Двуглавый орел печати 1497 г. удостоился пристального внимания западноевропейских ученых еще в XIX в. Возникла дискуссия, в которой выделяются следующие аспекты:

³⁵⁰ Hill G. F., Pollard G. Renaissance Medals at the National Gallery of Art. London, № 156, 203, 205, Благодарю за помощь в работе с нумизматическим материалом сотрудников Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа Е. С. Щукину, В. М. Потина, В. А. Калинина и др.

³⁵¹ Gnudu C. Vitale da Bologna. Milano, 1962; Bologna. La Pinacoteca Nazionale [Cat.]. Bologna, Tab. LXXXVII.

³⁵² Предполагают, что надпись «сочинена и вырезана» самим Солари (Хрептович-Бутенев К. А. Указ. соч. С. 221). Во всяком случае, на итальянское происхождение резчика указывает характерное написание слова *Buolgariae* через «и». Было бы заманчивым предположить, что и матрицу исследуемой печати резал Солари. В таком случае это могло произойти до мая 1493 г., когда он умер. Однако порядок слов в титуле Ивана III надписи на камне и легенды печати не совпадает, к тому же на камне «литеры начерчены грубовато и неодинаково» (Там же. С. 215), в отличие от четко выгравированной легенды печати.

³⁵³ Иванов Д. Д. Германское искусство эпохи Возрождения в быте Древней Руси // Сборник Оружейной палаты. М., С. 90.

³⁵⁴ Там же. С. 91; Маркова Г. А. Об употреблении европейского художественного серебра в Московской Руси XVI века // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. XI. М., С. 262–263.

³⁵⁵ См. об этом: Орешников А. В. Василий Андреев, резчик монетных штампов // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., С. 292.

время появления данной эмблемы в Византии, ее статус в качестве государственного византийского знака, изменение художественной формы, роль и становление гербовой фигуры у славянских народов и т. д. В контексте изучаемого материала наши соотечественники также обращались к истории эмблемы. Большое внимание основной фигуре российского государственного герба уделял Б. В. Кене, не выходя при толковании символа за рамки официальной доктрины³⁵⁶. Н. П. Кондаков считал, что «двуглавый орел имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»³⁵⁷. Изучению этой иконографии он посвятил несколько страниц своего фундаментального труда по истории средневекового искусства.

Итог дискуссии, казалось бы, подвела статья югославского историка А. В. Соловьева³⁵⁸, который проанализировал практически все опубликованные на эту тему работы греческих, немецких, сербских, болгарских, русских историков и искусствоведов. Последней в этом ряду оказалась вышедшая почти одновременно с трудом А. В. Соловьева работа итальянского исследователя Д. Геролы³⁵⁹.

Оба автора вслед за Н. П. Кондаковым пристально изучали иконографические истоки эмблемы, объясняя «двуглавость» птицы религиозными верованиями народов Передней Азии, в частности шумерийцев. А. В. Соловьев категорически отрицает связь этого мифологического существа с одноглавым орлом, широко использовавшимся римлянами в качестве военного знака (при этом он не был гербом Рима, так же как двуглавый орел не был гербом, возникшим при Константине Великом)³⁶⁰. Этот автор очень тщательно исследовал различные византийские памятники, несущие изображение двуглавого орла, заметил натяжки в их датировке и неправильную атрибуцию. Он отметил также своеобразную замену одноглавой птицы на двуглавою путем позднейшей пририсовки ей второй головы (вероятно, это произошло в эпоху Ренессанса, когда сложилась версия о наличии в Византии герба – двуглавого орла). Не отрицал он лишь факта широкого использования в Византии еще в эпоху Комнинов (с XI в.) тканей с рисунком двуглавой птицы, воспринимавшейся как элемент восточного орнамента. А. В. Соловьев особо подчеркивал, что подобное изображение ни в коем случае не следует считать гербом, ибо Византия в то время гербов не знала³⁶¹. Однако он утверждал, что Палеологи, которым удалось объединить всю Морею, ставшую накануне падения Византии ее оплотом, продлившим на какое-то время существование государства, действительно использовали в качестве герба двуглавого орла³⁶². Этот факт, по мнению исследователя, и служит отправным пунктом мифа о гербе Византийской империи в виде двуглавого орла, объясняет превращение его в некий символ национальной греческой идеи, ее бессмертия и надежды на возрождение.

Часть своего труда А. В. Соловьев посвятил вопросу об использовании двуглавого орла в качестве герба у балканских народов. Здесь выводы исследователя не всегда правомерны. Последующие работы югославских историков нарисовали более достоверную картину становления и развития гербов в государствах Балканского полуострова³⁶³.

Вопрос об использовании двуглавого орла средневековыми европейскими монархами и о превращении его в главный имперский знак Священной Римской империи в значитель-

³⁵⁶ Köhne B. Ueber den Doppeladler // Berliner Blätter für Münz-Siegel- und Wappenkunde. Bd. VI. 1871.

³⁵⁷ Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, С. 116.

³⁵⁸ Solovjev A. V. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. VII. Praha, P. 119–164.

³⁵⁹ Gerola G. L'aquila byzantina e l'aquila imperiale a due teste // Felix Ravenna. Fasc. I (XLIII). P. 7–36.

³⁶⁰ Solovjev A. V. Op. cit. P. 126–136.

³⁶¹ Ibid. P. 132.

³⁶² Ibid. P. 135.

³⁶³ См., напр.: Матковски А. Грбовите на Македонија. Скопје, 1970.

ной мере разрешил немецкий исследователь Э. Корнеманн³⁶⁴. Вывод, который сделал Э. Корнеманн, основываясь на наблюдениях немецких исследователей Византии, прежде всего специалиста по дипломатике Ф. Дэльгера, – это категорическое отрицание роли Византии как посредника между Западом и Востоком в передаче в Европу двуглавого орла. По его мнению, двуглавый орел как эмблема появился в Европе в результате крестовых походов и возникновения Латинской империи, соседствуя при этом с одноглавым (римским) орлом. Э. Корнеманн провел тщательное иконографическое исследование эмблемы, показав, что она – продукт фантазии и мифологии и что удвоение человека, животного или их отдельных частей – характерная особенность древнешумерской мифологии и ее образов. Появление же двуглавого орла в искусстве сарацинов и сельджуков Э. Корнеманн объясняет влиянием искусства персидских царств и всего переднеазиатского культурного мира. Здесь двуглавый орел, родившись из символа, выступает в качестве сюжета орнамента, не неся геральдического смысла. Он превратился снова в символ, войдя в гербы многих западноевропейских родов, потомков императора Латинской империи Балдуина I. В Сицилии его в самом начале XIII в. начал изображать на монетах с соответствующим титулом король Фридрих II Штауфен (затем – император Священной Римской империи). В качестве герба империи, как считал Э. Корнеманн, двуглавый орел утвердился в правление императора Сигизмунда I (1368–1437, с 1410 г. – император).

Гипотеза Э. Корнеманна была принята научной общественностью Западной Европы как наиболее фундированная концепция происхождения эмблемы. От нее, в частности, отталкивались ученые, обращавшиеся к истории средневековой Руси. Так, М. Хеллманн полностью повторил вывод Э. Корнеманна: знаком власти византийских императоров двуглавый орел никогда не был. Проследивая становление официальной символики Руси вплоть до XVI в., автор подчеркивает, что Иван IV никаких притязаний на византийское наследство при помощи символов не выражал³⁶⁵. Тщательно исследовавший атрибутику власти Ивана IV Г. Штёкль не сомневался, что двуглавый орел пришел на Русь не из Византии, а с Запада³⁶⁶. Можно назвать ряд публикаций последних лет, в которых в контексте исследования идеи «Москва – Третий Рим» затрагивается и вопрос о двуглавом орле. Авторы не скрывают своего отрицательного отношения к мнению о заимствовании российского государственного герба из Византии³⁶⁷. Однако идея «византийского следа» не уходит из российской историографии, прежде всего из популярной и учебной литературы.

Возможности, предоставленные необыкновенно развитой в послевоенной Европе нумизматикой, и сфрагистические наработки³⁶⁸ позволили противопоставить домыслам научные факты, в результате чего выстроилась схема трансформации восточной эмблемы в герб западноевропейской империи: личный знак императора Фридриха I в виде одноглавого орла складывается в XII в.; в XIII в. источники упоминают о гербе империи, однако это также одноглавый орел; вместе с тем уже в XIII–XIV вв. двуглавый орел получает широкое распространение как фигура дворянских городских и земельных гербов (она не обязательно символизировала империю, а могла быть образована путем соединения в родовых гербах

³⁶⁴ Kornemann E. Adler und Doppeladler im Wappen des alten Reiches // Das Reich. Idee und Gestalt. Festschrift für J. Haller. Stuttgart, S. 45–69.

³⁶⁵ Hellmann M. Moskau und Byzanz // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. H. Wiesbaden, S. 332–338.

³⁶⁶ Stöckl G. Testament und Siegel Ivans I V. Opladen, S. 44–46.

³⁶⁷ Ульянов Н. И. Комплекс Филофея // Вопросы истории. № С. 159–160; Ниче П. «Москва – Третий Рим»? // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зиминой. II. М., С. 204.

³⁶⁸ Neubecker O. Doppeladler // Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte. Stuttgart [1958]. Bd. Lief. S. 158–161; Korn J. E. Adler und Doppeladler. Ein Zeichen im Wandel der Geschichte // Der Herald. Neue Folge. Bd. 5-1965-1968; Hye F.–H. Der Doppeladler als Symbol für Kaiser und Reich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. H. I. Wien; Graz, 1973; Kittel E. Siegel. Braunschweig, 1970.

двух одноглавых орлов). В начале XV в. двуглавый орел становится гербом императоров Священной Римской империи, а гербом королей – одноглавый. В начале XVI в. двуглавый орел утверждается в качестве герба государства – Священной Римской империи.

К сожалению, в многочисленных трудах западноевропейских исследователей не делается акцент на превращении двуглавого орла в гербовую фигуру в связи с формированием в Западной Европе института герба в целом. Не прослеживается, в частности, и становление данного герба у последних деспотов Морей³⁶⁹, а также у правителей и претендентов на власть в Сербии, Болгарии, Албании, Румынии.

Отсутствуют и четкие параметры художественной интерпретации двуглавого орла. Отдельные наблюдения, как представляется, все же можно сделать. Орла, изображенного на оборотной стороне печати Ивана III, а затем украшавшего печати русских самодержцев в XVI – начале XVII в., принято называть палеологовским орлом: подобный орел украшал легендарное кресло-трон, якобы привезенное Софьей Палеолог в Москву. Двуглавый орел имеет характерно опущенные крылья (в отличие от орла XVII и последующих столетий, крылья которого на западноевропейский манер подняты вверх). Действительно, плита с изображением подобного орла имеется на полу в соборе Мистры, деспотии Палеологов, где в 1449 г. был коронован последний византийский император³⁷⁰. Такого же типа орел изображен на шиферной плите из Старой Загоры (Болгария), которую Н. П. Кондаков датировал XI веком³⁷¹. Он нашел в конфигурации изображения на плите из Старой Загоры «исконное восточное происхождение» – с характерными изогнутыми крыльями, верх которых чешуйчатый, а низ перистый. Двуглавый орел из Мистры, правда, имеет на головах «царские» короны, а между шеями – еще одну, большую. Этот тип двуглавого орла в XII–XV вв. встречается на тканях, из которых сшиты одежды церковных иерархов и светских князей Болгарии и Сербии³⁷², в рельефных украшениях храмов Балканских стран³⁷³.

Широко известна миниатюра Евангелия Дмитрия Палеолога³⁷⁴, представляющая собой золотого двуглавого орла с коронами на головах и с увенчивающей обе головы третьей короной с крестом. На грудь орла повешен медальон с монограммой Палеологов. Хотя сам кодекс создан в XII в., большинство помещенных в нем миниатюр – более позднего происхождения. К числу самых поздних (вторая половина XV в.) относится и изображение двуглавого орла. Анализ особенностей поздних миниатюр позволяет сделать вывод, что они принадлежат либо западноевропейскому мастеру, либо греку, учившемуся на Западе; принимали участие в их создании и итальянцы³⁷⁵.

В свете вышесказанного вряд ли стоит выделять какую-то сугубо византийскую форму двуглавого орла. По-видимому, орел с распахнутыми и опущенными крыльями был характерен для многих европейских стран. Во всяком случае, на итальянских монетах XIV в., с его изображением, относящихся, кстати, также к областям Северной Италии, орел имеет отмеченный признак – чешуйчатый верх крыльев, опущенных вниз³⁷⁶. Подобную форму двуглавого орла можно видеть также на медных монетах болгарских правителей XIII–XIV вв., при-

³⁶⁹ Один из известных знатоков государственных эмблем и символов, П. Э. Шрамм, высказывал мнение, что Палеологи лишь приспособлялись к западноевропейскому обычаю пользоваться гербами.

³⁷⁰ Sotiriou M. G. Mistra. Athines, P. 6–7, 8, fig. 3.

³⁷¹ Кондаков Н. П. Указ. соч. С. 115–120, 132.

³⁷² Дероко А. Споменици архитектуре IX–XVIII у Југославије. Београд, С. 74; Millet G. La peinture du moyen âge en Yougoslavie. Fasc. I. Pl. № Paris, 1954; Art byzantin chez les Slaves, Balkans. P. I. Pl. VIII. Paris, 1930.

³⁷³ Дероко А. Монументална и декоративна архитектура у средњовековној Србији. Београд, С. 84, 226, 230.

³⁷⁴ См.: Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры IX–XV вв. в собраниях Советского Союза. М., С. 58.

³⁷⁵ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., С. 251; Лихачева В. Д. Указ. соч. С. 22.

³⁷⁶ Corpus nummorum italicorum. V. IV. Tab. XIV. № 10–11; V. IX. Tab. IX. № 18, 19.

чем головы орлов иногда коронованы, иногда их объединяет общая корона, иногда вместо короны помещена звезда и т. д.³⁷⁷ Показательно, что одноглавый орел в ренессансной Италии (например, декоративный рельеф Дж. Минелли в соборе в Падуе³⁷⁸) сохраняет те же особенности в художественной трактовке крыльев.

Рис. 5. Изображение двуглавого орла на итальянских монетах. Кон. XV в.

В XVI в. двуглавый орел с опущенными крыльями встречается не только на русских печатях. Его можно увидеть, например, в гербе Карла V – императора Священной Римской империи. Между тем уже со времени императора Сигизмунда I изображение двуглавого орла начало постепенно изменять конфигурацию: крылья приподнимаются вверх, клювы хищно раскрыты, над головами – императорская корона³⁷⁹. Подобный тип орла помещался на печатях императоров Священной Римской империи с XVI в. уже регулярно, а в XVII в. он хорошо известен и в России.

Ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на многих деталях художественного воплощения эмблем, помещенных на лицевой и оборотной сторонах печати Ивана III, более тщательно исследовать аналогии. Однако приведенные факты, на наш взгляд, дают возможность со значительной долей уверенности считать, что резчиком печати 1497 г. был гравер из Северной Италии, близко знакомый с графикой подобных эмблем в эпоху Кватроченто.

Как полагал В. Н. Лазарев, обращение Ивана III к итальянским мастерам носило характер продуманного государственного мероприятия. Выбор им североитальянских мастеров, по мнению ученого, также не был случайным. «Эти мастера, – писал он, – занесли на Русь традиции североитальянского Возрождения, которые были умело использованы в целях усиления авторитета Московского великого князя, заложившего основы для русского централизованного государства»³⁸⁰. Вряд ли это суждение следует относить лишь к итальянцам-зодчим.

Итак, печать великого князя Московского, благодаря новой титулатуре, изображению двуглавого орла, применению красного воска, тонкой технике исполнения, стала соответствовать западноевропейским образцам. Она отличается необыкновенно высоким художе-

³⁷⁷ Мушмов Н. Монетит# и печатит# на българскит# царе. София, С. 86–87, 99–103.

³⁷⁸ Аллатов М. В. Художественные проблемы итальянского Возрождения. М., Рис. на с. 223.

³⁷⁹ Gerola G. Op. cit. P. 34–35; Kittel E. Op. cit. S. 215–218.

³⁸⁰ Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад. С. 3, 48–49.

ственным уровнем изготовления матрицы. Однако наиболее характерная черта – подбор эмблем. Они появились на печати, конечно, не случайно, а в связи со складывавшейся новой концепцией власти. Элемент заимствования (двуглавый орел) здесь только кажущийся.

По-видимому, к 90-м гг. XV в. Ивану III и его окружению кажется уже недостаточной отраженная в летописях идея божественного и патримониального (наследственного) происхождения власти русского государя. Формировавшееся самодержавие в конце XV в. стремилось создать властную доктрину, которая соответствовала бы различным параметрам – от традиционности до новых правовых норм единого Русского государства. Не останавливаясь на конкретных задачах, встававших перед московским правительством как в рамках внутренних процессов, так и в области международных отношений, отметим лишь, что в прокламируемых Иваном III властных концепциях не находится места «для прямого унаследования византийской государственной традиции»³⁸¹. Иван III, может быть, не так четко, как его внук, однако публично, устами собственных послов заявил о своем знатном и высоком происхождении³⁸². Официальное оформление тезиса о высоком происхождении русского государя, равенстве его по рождению с западноевропейскими правителями, и прежде всего с императорами Священной Римской империи, повлекло принятие соответствующей эмблемы – двуглавого орла.

Георгий Победоносец как защитник православия и символ великой победы над неверными, по-видимому, был рассчитан на «внутреннее употребление». Впрочем, вооруженный воин типичен и для западноевропейских печатей – княжеских, правда, а не царских. Но Иван III формально и не был царем, иначе лицевая сторона печати, вероятно, была бы иной, подобной императорским печатям (с изображением сидящего на троне правителя).

---

³⁸¹ Об этом: *Назаров В. Д.* У истоков политической идеологии Русского государства в конце XV в. Текст доклада на заседании Центра истории России в Средние века и раннее Новое время. Рукопись.

³⁸² См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. С. 12, 17.

Печать 1497 года – историко-художественный памятник Московской Руси³⁸³

В 1997 г. в России отмечалось 500-летие Государственного герба России – двуглавого орла. По этому поводу вышла в свет богато иллюстрированная книга Г. В. Вилинбахова «Государственный герб России. 500 лет»³⁸⁴. Научные конференции не были столь категоричны в определении памятной даты: они посвящались пятисотлетию первой общегосударственной печати единого Русского государства, наиболее раннему известному памятнику, дающему сведения о русских государственных эмблемах³⁸⁵. Речь идет о двусторонней красновосковой печати, скрепляющей грамоту великого князя Московского Ивана III Васильевича. Грамота сохранилась до нашего времени; по своему характеру она является жалованной меновой и отводной племянникам великого князя – князьям волоцким, датирована июлем 1497 г. («лет(а) семь тысячъ пятаг(о), июл(я)»). К грамоте привешены еще три печати из черного воска: князей волоцких Федора и Ивана Борисовичей и митрополита всея Руси Симона³⁸⁶.

На лицевой стороне красновосковой печати изображен всадник в коротком военном доспехе и развевающемся за спиной плаще, поражающий копьем крылатого змея (дракона) в шею. Круговая легенда содержит титул великого князя Московского: «ІВАНЪ Б(О)ЖІЕЮ МІЛОСТІЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ ВЕЛІКІИ КН(Я)ЗЬ». На оборотной стороне – двуглавый орел с распростертыми крыльями и коронами на головах. В легенде – продолжение титула: «І ВЕЛІКЫИ КН(Я)С. ВЛАД. І МОС. І НОВ. І ПСК. І ТВЕ. І УГО. І ВЯТ. І ПЕР. І БОЛ.».

Первым обратил внимание на эту печать Н. М. Карамзин, увидев в эмблемах печати Государственный герб и написав в начале XIX в.: «Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 г.»³⁸⁷.

Печать привлекла к себе внимание и других историков XIX в. прежде всего как носительница гербовых эмблем, в основном всадника, поражающего дракона, который с XVIII в. именовался Георгием Победоносцем, – московского герба³⁸⁸.

В концептуальном плане историографические пассажи по поводу эмблем печати 1497 г., сводились к рассмотрению их в контексте общих тенденций, присутствующих в исторических трудах почти всего XIX в. и соответствующих официальной доктрине. В числе их были не только возвеличение самобытности и исконности существующих в России государственных институтов (прежде всего самодержавия), великодержавные идеи, но и абсолютизирование исключительного влияния Византии на русское общественное развитие, в частности на идеологию и формы русской государственности. Отсюда – утверждение версии, ставшей к концу XIX в. традиционной, о принятии Иваном III герба из Византии, что послужило одним из оснований для организации в 1897 г. широкой кампании по празднованию 400-летия русского Государственного герба. Версия в виде своеобразного слогана: «Иван III, женившись на Софье (Зое) Палеолог, наследнице последнего византийского императора, заимствовал и византийский герб – двуглавого орла, поместив его на своей печати»

³⁸³ Оpubл.: Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. М., 2002. Вып. 3.

³⁸⁴ Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997.

³⁸⁵ Например: Научная конференция в Российском государственном архиве древних актов, посвященная 500-летию первого использования изображения двуглавого орла как государственного символа России, состоявшаяся 3 ноября 1997 г.

³⁸⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., № С. 341–344.

³⁸⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. Гл. II. Примеч. 98.

³⁸⁸ Подробнее об этом см.: Соболева Н. А. Герб Москвы: к вопросу о происхождении // Отечественная история. № 3.

– вошла в отечественную и отчасти зарубежную историческую литературу, во многие справочники и словари, которыми в нашем обществе пользуются до сих пор. До настоящего времени эта версия бытует на различных информационных уровнях, вплоть до государственных.

Одним из первых, кто в начале XX в. предложил научно обоснованную альтернативу общепринятому «византийскому следу», был Н. П. Лихачев, крупный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, впоследствии известный советский ученый, академик. Ему казалось неприемлемым существующее в литературе мнение о заимствовании великим князем Московским государственной печати, а вместе с нею и двуглавого орла из Византии. Лихачев считал, что таковой в Византийской империи не существовало, поэтому «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»³⁸⁹. Основную причину появления новой печати ученый видел в установлении контактов Ивана III с императорами Священной Римской империи, которые к этому времени обладали печатью с изображением двуглавого орла, а великий князь Московский «хотел во всем равняться – в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл – цесарю и королю римскому»³⁹⁰.

Размышления Н. П. Лихачева о российской печати и эмблемах государственного герба в отечественной историографии долгое время оставались невостребованными. Авторы немногочисленных сфрагистических работ советского времени не делали попытки разобратся в российской государственной символике, повторяя тезис об усвоении Москвой византийского герба³⁹¹. Не поколебали этот тезис и исторические труды, в которых критически оценивались многие «провизантийские» деяния Ивана III³⁹².

До середины XX столетия знаменитая печать и ее символика ушли из поля зрения историков русского Средневековья. Ее историческая значимость не была определена, однако эмблемы печати 1497 г. набирали историографический «вес», привлекая историков византийского, западноевропейского и русского искусства.

Особенное внимание западноевропейские исследователи уделили фигуре двуглавого орла. Эти работы в значительной степени позволяют воссоздать ее эволюцию как специфического знака, в конце концов превратившегося в гербовую фигуру двух крупнейших европейских монархий, рухнувших одновременно, – Российской и Австро-Венгерской.

Со времен Ренессанса в европейской литературе прослеживалась версия о наличии в Византии герба – двуглавого орла, принятого еще якобы Константином Великим³⁹³. В определенной степени эта эмблема интересовала и апологетов русской государственности. Так, Юрий Крижанич, писатель, богослов XVII в., проповедовавший идею «славянского единства», горячо ратовавший за приоритет России в сплочении славян, категорически отвергал даже намек на то, чтобы Русское государство считать Третьим Римом. При таком пиетете к России Крижанич, тем не менее, упрекал русских правителей в некотором пристрастии к иностранной символике в оформлении власти, в том числе к заимствованию двуглавого орла. Характерно, что он относил двуглавого орла не к римским (византийским) эмблемам,

³⁸⁹ Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., С. 1, 43.

³⁹⁰ Лихачев Н. П. История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 15 мая 1915 г.

³⁹¹ Коробков Н., Иванов Б. Русские печати // Архивное дело. № 3/С. 39.

³⁹² Успенский Ф. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., С. 29–30; Пирлинг П. Россия и Восток. СПб., С. 73–80; Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., С. 87.

³⁹³ Об этом: Solovjev A. V. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. Praha, VII. P. 119–164.

а к немецким: царь Иван принял в печать орла двуглавого, знак немецкий, как будто бы не было знака, равноценного по значению немецкому³⁹⁴.

Начиная с середины XIX в. вплоть до середины XX в. дискуссия о двуглавом орле занимала прочное место на страницах различных изданий. В этой дискуссии выделялся ряд аспектов: время появления данной эмблемы в Византии, статус ее в качестве государственного византийского знака, изменение художественной формы, роль в становлении гербовой фигуры у славянских народов и т. д.

В контексте изучаемого материала наши соотечественники также обращались к истории эмблемы: Б. В. Кене, управляющий Гербовым отделением Департамента герольдии Сената, не выходя, впрочем, за рамки официальной доктрины³⁹⁵, а также Н. П. Кондаков, считавший, что вопрос о двухголовой птице в гербах некоторых государств «можно было бы назвать историческим анекдотом и даже не более того», если бы не выяснилось, что «двуглавый орел имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»³⁹⁶.

Рис. 1а. Изображение двуглавого орла на печатях и рельефах Передней и Малой Азии

Итог дискуссии, казалось бы, подвела внушительная статья югославского историка А. В. Соловьева³⁹⁷, который проанализировал практически все вышедшие на данную тему работы греческих, немецких, сербских, болгарских, русских историков и искусствоведов. Последней в этом ряду оказалась статья итальянского исследователя Д. Геролы «Византийский орел и императорский двуглавый орел»³⁹⁸.

³⁹⁴ Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. А. Безсонов. М., Ч. II. С. 184–185.

³⁹⁵ Köhne B. Ueber den Doppeladler // Berliner Blätter für Münz-Siegel- und Wappenkunde. Bd. VI. 1871.

³⁹⁶ Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, С. 116.

³⁹⁷ Solovjev A. V. Op. cit.

³⁹⁸ Gerola G. L'aquila byzantina e l'aquila imperiale a due teste // Felix Ravenna, Fasc. 1 (XLIII). P. 7–36.

Рис. 16. Изображение двуглавого орла на печатях и рельефах Передней и Малой Азии

Рис. 1 в. Изображение двуглавого орла на печатях и рельефах Передней и Малой Азии

Оба автора вслед за Кондаковым уделяют много внимания иконографическим истокам эмблемы, объясняя момент «двуглавости» в изображении этой птицы религиозными верованиями народов Передней Азии, в частности шумерийцев. В этом же качестве ее использовали хетты; во всяком случае, на рельефах, обнаруженных в Малой Азии, двуглавый орел изображался вместе с богами Хеттского царства. Как мифологическое существо и художественный образ, двуглавый орел, в отличие от одноглавого, встречается в древности в основном у народов Передней Азии. Соловьев категорически отрицал связь этой эмблемы с одноглавым орлом, широко использованным римлянами в качестве военного знака, который не был гербом Рима, так же как не был двуглавый орел гербом, возникшим при Константине Великом. Как элемент культурного наследия, перешедшего от древних народов Передней Азии, он был известен в государствах Сасанидов и Сельджуков, где украшал печати, росписи стен, ткани, а также в XII–XIII вв. монеты, таким образом, став хорошо известным исламскому миру Средневековья. В XI в., по мнению Соловьева, двуглавый орел уже известен в Византии. Он писал о широком использовании здесь с эпохи Комнинов тканей с рисунком двуглавой птицы, воспринимавшейся как восточный орнамент. Соловьев особо подчеркивал, что подобное изображение ни в коем случае не следует считать гербом, ибо Византия в это время гербов не знала³⁹⁹. Однако он утверждал, что морейские деспоты Палеологи, которым удалось объединить всю Морею, ставшую накануне падения Византии ее оплотом, продлившим на какое-то время существование государства, использовали двуглавого орла в качестве герба⁴⁰⁰. Этот факт, по мнению Соловьева, может служить отправным пунктом мифа о гербе Византийской империи в виде двуглавого орла и объяснению превращения его в некий символ национальной греческой идеи, ее бессмертия и надежды на возрождение.

---

³⁹⁹ *Solovjev A. V.* Op. cit. P. 132.

⁴⁰⁰ *Ibid.* P. 135.

Рис. 2. Изображение двуглавого орла на византийских тканях. XI в.

В значительной степени заполнил лакуну в вопросе об использовании двуглавого орла средневековыми европейскими монархами и превращении ее в главный знак Священной Римской империи немецкий исследователь Э. Корнеманн⁴⁰¹. Его наблюдения основывались на использовании новейшей археологической и ориенталистской литературы. Предложив более четкую периодизацию бытования двуглавого монстра в культуре шумеров и хеттов, он предпринял исследование и художественного воплощения эмблемы на протяжении столетий, подчеркнув, что, в противоположность одноглавому орлу, двуглавый орел – это продукт фантазии и мифологии и что удвоение человека, животного, их частей является характерной особенностью древнешумерской мифологии и ее изобразительных образов. Корнеманн поддержал мнение тех исследователей, которые полагали, что художественный орнамент на восточных шелковых тканях и коврах, а затем и на византийских дорожных тканях родился из символа. Однако значение этого символа на Востоке не несло геральдического смысла в том плане, как понимали впоследствии герб в Западной Европе и как в настоящее время его понимает геральдическая наука.

---

⁴⁰¹ Kornemann E. Adler und Doppeladler im Wappen des alten Reiches // Das Reich. Idee und Gestalt. Festschrift für J. Haller. Stuttgart, S. 45–69.

Рис. 3. Изображение двуглавого орла на плите из Старой Загоры. Болгария

Рис. 4. Изображение двуглавого орла на болгарской печати. XIV в.

Рис. 5. Изображение двуглавого орла как декоративного элемента «Суздальских дверей». XIII в.

В символ же он превратился снова, войдя в герб многих западноевропейских родов (прежде всего фландрских), а затем став знаком имперской власти в Священной Римской империи, Австро-Венгерской и Российской империях. Главный вывод, который сделал Корнеманн, основываясь на работах немецких исследователей Византии, прежде всего крупнейшего знатока византийской дипломатики Ф. Дэльгера, – это категорическое отрицание роли Византии как посредника между Востоком и Западом в передаче в Европу двуглавого орла. По его мнению, двуглавый орел появился в Европе в результате крестовых походов, возникновения Латинской империи, соседствовал с одноглавым римским орлом, был известен европейцам как символ великих восточных империй, возникших путем объединения земель, брачных союзов и т. д.

В качестве герба империи, как считает Корнеманн, двуглавый орел утвердился в правление Сигизмунда I, короля венгерского и чешского, в результате политической деятельности этого монарха, избранного в 1410 г. императором Священной Римской империи. В своей объединительной деятельности и осуществлении главной жизненной задачи – спасении Европы от турок – он обратился к известному символу восточных империй – двуглавному

орлу, которого ранее уже Фридрих II Штауфен собирался сделать государственным гербом, а Людвиг Баварский, герцог Фламандский, привнес в Германию.

Рис. 6. Изображение двуглавого орла на печати императора Священной Римской империи Сигизмунда I. XV в.

Гипотеза Корнеманна была принята научной общественностью на Западе как наиболее разумная концепция истории мировой эмблемы, становления двуглавого орла в качестве гербового символа императорской власти. От нее, в частности, отталкивались известные ученые, обращавшиеся к истории средневековой Руси: М. Хеллманн⁴⁰², солидаризировавшийся с Корнеманном в том, что двуглавый орел никогда не был знаком власти византийских императоров; Г. Штёкль⁴⁰³, для которого не возникает сомнений, что двуглавый орел пришел в Московию не из Византии, а с Запада, и др. По мнению П. Э. Шрамма, одного из знатоков государственных эмблем и символов, Палеологи лишь приспособились к западноевропейскому обычаю пользоваться гербами. Они ввели герб в виде крестообразно расположенных букв *B*, оттиснутых зеркально, что ассоциировалось для них с ранее используемыми монограммами Иисуса Христа⁴⁰⁴.

За 50 с лишним лет, прошедших со времени публикации труда Корнеманна, появились мелкие и крупные работы западноевропейских авторов, в которых с разных позиций рассматривается вопрос о двуглавом орле: с точки зрения его символики, формирования имперского герба, использования этой эмблемы в странах Европы (Австрии, Румынии, Чехии), в гербах Балканских стран⁴⁰⁵.

---

⁴⁰² *Hellmann M.* Moskau und Byzanz // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. Wiesbaden, Bd. H. S. 332–338.

⁴⁰³ *Stöckl G.* Testament und Siegel Ivans I V. Opladen, S. 44.

⁴⁰⁴ *Schramm P. E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Stuttgart, Bd. S. 897.

⁴⁰⁵ *Schwarzenberg K.* Adler und Drache // *Der Weltherrschaftsgedanke*. Wien; München, 1958; *Korn J. E.* Adler und Doppeladler. Ein Zeichen im Wandel der Geschichte // *Der Herold*. N. F. 1965-Bd. 5/6; *Hye F.–H.* Der Doppeladler als Symbol für

Рис. 7. Изображение Георгия-Змееборца на барельефе Фроловской башни Московского Кремля. XV в.

В наиболее фундированных работах досконально изучено превращение древневосточного символа в западноевропейскую гербовую эмблему. Возможности, предоставленные прежде всего нумизматикой, достигшей в Европе исключительного расцвета в текущее пятидесятилетие, использование печатей различных европейских государств, материал по которым также значительно «наработан» в последнее время, бесспорные успехи геральдики – весь этот комплекс источников в большой степени способствовал разрешению проблемы двуглавого орла. Домыслам противопоставлены научные факты, позволившие выстроить в систему как прежние разрозненные сведения, так и вновь полученные благодаря тщательному анализу письменных и вещественных источников:

- личный знак императора Фридриха I в виде одноглавого орла складывается в XII в.;
- в XIII в. источники упоминают о гербе империи, однако он также обозначен фигурой одноглавого орла;
- с XIII до конца XIV в. двуглавый орел получает широкое распространение как гербовая фигура в дворянских, городских и земельных гербах;
- в начале XV в. гербом императоров Священной Римской империи становится двуглавый орел, а королей – одноглавый;

– в начале XVI в. двуглавый орел утверждается в качестве герба государства – Священной Римской империи.

Столь подробный историографический обзор исследования «мировой эмблемы» – двуглавого орла – предпринят не случайно: идея «византийского следа» в становлении российского государственного герба не уходит из отечественной литературы, вызывая удивление многих исследователей. В свое время на этот факт обратил внимание, в частности, Хеллманн, цитируя учебное пособие Е. И. Каменцовой и Н. В. Устюгова⁴⁰⁶.

Научное представление о другой фигуре печати 1497 г. – поражающем дракона всаднике, который, как показано ниже, воплощал св. Георгия, а не светского воина, – также начало складываться со второй половины XIX в. Она не вызвала столь противоречивых толкований, как фигура двуглавого орла, однако были попытки искать ее истоки в дохристианских изображениях скачущего всадника или приписывать Георгию все изображения святых воинов (как пеших, так и конных). Разрешил многие спорные вопросы, подытожив результаты предшествующих исследований, чешский ученый Й. Мысливец, который в середине 30-х гг. XX столетия опубликовал большую работу об изображении святого Георгия в восточнохристианском искусстве⁴⁰⁷.

Изучив огромное число рельефных, иконописных, фресковых изображений этого святого воина по восточным (коптским), византийским, русским, сербским, румынским, армянским, грузинским источникам, сделав приоритетным конное изображение Георгия, он категорически отверг связь его художественного облика с изображениями этого же типа дохристианского времени, а также с «конными портретами восточноримских и византийских императоров»⁴⁰⁸.

Он приходит к выводу, что сохранившиеся памятники позволяют отнести художественное воплощение образа св. Георгия лишь к началу второго тысячелетия. В Византии это эпоха Комнинов; к XI столетию принадлежат изображения Георгия на Руси и в Грузии.

Мысливец подчеркивает, что с возрастанием почитания св. Георгия и расширением его культа возникли и изобразительные циклы его жития. Естественно, что основой для них явились письменные памятники – канонические и неканонические сборники легенд.

Наибольший интерес в разных странах, как считает Мысливец, опираясь на выводы своих предшественников-филологов, вызывал подвиг Георгия-воина, убивающего дракона. Уже в X в. складывается образ Георгия, который Мысливец называет «простым»: св. Георгий – всадник в воинском одеянии, под ногами его коня – дракон, на которого направлено копьё святого воина. Кроме св. Георгия в композиции нет других человеческих фигур. Мысливец приводит пример того, как в XI в. изменяется композиция: вместе с конным св. Георгием появляется стоящая перед конем женская фигура, которая ведет на поводке дракона. В следующем столетии (ссылка на фреску Старой Ладуги XII в.) композиция усложняется: в поле зрения появляется башня замка, из окон которой смотрят царь с царицей и придворные. Так складывается другой, «сложный» тип «Чуда Георгия о змие».

И «простой», и «сложный» иконографические типы «Чуда св. Георгия о змие» находят отражение в многочисленных текстах легенд, исследованных А. В. Рыстенко⁴⁰⁹.

Аналитически подойдя к изобразительному материалу и сопоставив его с текстологическими характеристиками, почерпнутыми из трудов специалистов, Мысливец сделал ряд интересных выводов. В наиболее ранних изобразительных памятниках представлен «простой» тип Георгия-воина, не имеющий ничего общего с легендой «Чуда о змие», а его образ

⁴⁰⁶ Hellmann M. Op. cit. S. 337.

⁴⁰⁷ Myslivec J. Svatý Jiří ve východokřesťanském umění // Byzantinoslavica. Praha, 1933/T. V. S. 304–371.

⁴⁰⁸ Ibid.

⁴⁰⁹ Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909.

символизирует победу христианства над дьяволом; «сложный» тип борьбы с драконом появляется в связи с возникновением легенды об освобождении царевны, когда легенда обрела литературную форму. На ее основе создавалась новая композиция, существовавшая с некоторыми изменениями и в дальнейшем.

Возникновение легенд о жизни св. Георгия, относящихся ко времени расцвета византийской агиографии (VIII–IX вв.), по мнению Мысливца, способствовало появлению «простого» иконографического типа Георгия-драконоборца, символизирующего в подобной форме победу христианства.

Столь подробное изложение основных выводов Мысливца предпринято здесь не случайно. Во-первых, этот многостраничный труд включил практически всю предшествующую историографию по данной проблеме⁴¹⁰. Здесь не только проанализированы высказывания ученых разных стран и специальностей по поводу возникновения того или иного иконографического воплощения св. Георгия, но и сделаны вполне убедительные наблюдения над взаимодействием литературных и изобразительных памятников, воссоздающих житие и подвиги святого воина. Во-вторых, концепция Мысливца не опровергнута никем из ученых, разрабатывающих аналогичный сюжет, ибо используемые им иконографические материалы настолько всеобъемлющи, что могут быть дополнены лишь фрагментарно.

По-видимому, четко обозначенные тематические рамки исследования не дали возможности Й. Мысливцу привлечь для сравнения западноевропейский иконографический материал, хотя к моменту публикации его исследования в историографии, посвященной художественному образу св. Георгия, значился ряд весьма интересных и фундированных работ, в частности работа Таубе об изображении св. Георгия в итальянском искусстве⁴¹¹.

В этом плане более показательны работы советских искусствоведов В. Н. Лазарева и М. В. Алпатова, вышедшие из печати в послевоенный период и затем переиздававшиеся.

В. Н. Лазарев⁴¹², признавая, что иконография св. Георгия является разработанной областью, тем не менее посчитал возможным внести определенные коррективы в трактовку образа Георгия-воина.

В контексте общих представлений о развитии иконографических типов св. Георгия В. Н. Лазарев рассматривает судьбы образа этого святого на Руси. Он считает, что на русской почве «иконаграфия Георгия прошла через три четко выраженных этапа развития»:

1) период использования образа святого великокняжескими кругами, когда в его иконографии присутствовал «византийский образец» – воин как покровитель князей, их ратных подвигов (XI в.);

2) проникновение образа Георгия в народную среду, о чем свидетельствовали многочисленные сказания о Егории Храбром, бытующие в разных слоях русского общества, и как результат – превращение его в эпический образ, в покровителя земледельцев и скотоводов (XII–XV вв.);

3) с конца XV в. – «изъятие» образа из народной среды, придание ему исключительности, утонченности, усиление в его иконографии церковно-дидактических черт, а в XVI в. – возврат к ранней иконографии воина.

⁴¹⁰ В списке анализируемых им исследований имеются не только «знаковые» труды западноевропейских ученых начала века (К. Krumbacher, J. Strzygowski, J. Aufhauser), но и практически все русские работы, вышедшие к этому времени, где так или иначе затрагивался вопрос об изображении св. Георгия (Н. П. Кондаков, Н. П. Лихачев, Ф. Успенский, Я. Смирнов и др.).

⁴¹¹ Taube O. F., von. Die Darstellung des heiligen Georg in der italienischen Kunst. Halle, 1910.

⁴¹² Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский Временник. М., Т. VI; То же. Допол. и исправл. // Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., Цит. по посл. изданию.

Изменение иконографии св. Георгия на протяжении столетий – стоящий воин с копьем и мечом (щитом); всадник с копьем, являющимся не разящим оружием, а атрибутом святого в «Чуде о змие», которого ангелы увенчивают короной; стоящий воин с многочисленными атрибутами, – по мнению В. Н. Лазарева, свидетельствует, «сколь чутко иконография откликнулась на изменение общественных вкусов», которые, в свою очередь, «объясняются вполне реальными историческими причинами»⁴¹³.

Казалось бы, такое обстоятельное исследование В. Н. Лазарева не оставляет места дальнейшим разработкам указанного сюжета. Тем не менее через несколько лет выходит работа с аналогичной тематикой другого известного искусствоведа – М. В. Алпатова⁴¹⁴. Он демонстрирует несколько отличный от предшественников подход к иконографии св. Георгия. Алпатов, не исключая иконографической классификации как традиционного метода в изучении образа св. Георгия, делает акцент на его изобразительном воплощении, которое зависит в первую очередь от художественного стиля эпохи, а также от индивидуальности художника, от своеобразия его «региональной» школы и т. д.

Оба историка искусства, анализируя воплощение образа св. Георгия в русской живописи, признают его типические традиционные черты: молодой человек с прямым носом, тонкими изящными бровями, выразительными глазами; характерная черта – вьющиеся волосы, образующие на голове буклевидную шапку. Отмечают они и своеобразие в изображении св. Георгия древнерусскими живописцами, выделяя новгородскую школу, особенно в «Чуде о змие» («новгородские иконописцы создавали свою легенду, свой неповторимо своеобразный изобразительный миф»⁴¹⁵). В то же время имеется некоторое расхождение по поводу трактовки этого образа на Московской земле. В. Н. Лазарев считает, что «в московском искусстве XV в. образ Георгия-змееборца сделался популярным... под воздействием новгородского культа этого святого» и в истолкование образа Георгия-драконоубийцы представители других школ, в том числе московской, ничего нового не внесли⁴¹⁶. М. В. Алпатов акцентирует внимание на возникновении в Москве в XV в. нового образа Георгия-воина, близкого к иконостасному изображению, что свидетельствует о возросшем значении этого святого. «Из ранга защитника людей от темной силы он был возведен в ранг их заступника перед троном Всевышнего»⁴¹⁷. Отнесение Георгия к числу святых, помещенных в иконостас, свидетельствовало о его аристократизации и не могло не вызвать усиленного внимания к нему московских князей.

Констатацией данного факта заканчиваются практически обе работы отечественных историков искусства, посвященные образу св. Георгия. В основе их (по крайней мере, той части, где речь идет о русском средневековом искусстве) лежат произведения живописи. Вне поля зрения ученых остались аналогичные по времени произведения мелкой пластики, изображения на монетах и печатях, в частности всадник, поражающий дракона, на печати 1497 г.

Как отмечалось выше, внимание историков печать привлекла только в середине XX века. Американский исследователь Г. Эйлиф включил вопрос о появлении на Руси двуглавого орла в контекст своего труда, посвященного происхождению московского самодержавия⁴¹⁸. Опубликованный за 20 лет до выхода из печати его основного труда экскурс в историю

⁴¹³ Там же. С. 97, 100.

⁴¹⁴ Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., Т. XII; То же // Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. М., Цит. по посл. изд.

⁴¹⁵ Там же. С. 164.

⁴¹⁶ Лазарев В. Н. Указ. соч. С. 98.

⁴¹⁷ Алпатов М. В. Указ. соч. С. 167.

⁴¹⁸ Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B. Berlin, 1986.

претензий Ивана III на императорский титул содержал неординарное объяснение появления двуглавого орла на печати великого князя Московского⁴¹⁹. Г. Эйлиф значительно, по сравнению с другими иностранными исследователями, расширил круг задействованных источников, включив в их число монеты и печати как Ивана III, так и предшественников. Печать 1497 г. в его интерпретации явилась существенным компонентом общей схемы претензий на титул императора. Негативно отнесясь к версии о заимствовании Иваном III двуглавого орла в качестве герба Византийской империи, который ему предоставила женитьба на Зое Палеолог, Эйлиф на основании анализа великокняжеских печатей XV в. пришел к выводу, что печать с двуглавым орлом появилась в Московии в период между 1486 и 1497 гг., а скорее всего – в 1489–1497 гг. По его мнению, ни женитьба на Софье, ни осторожные попытки дипломатическим путем принять императорский титул не вызвали использование в качестве государственных атрибутов двуглавого орла. Только в результате контактов с домом Габсбургов, которые посылали ему грамоты, скрепленные императорской печатью, Иван III принял аналогичный императорский знак в качестве своего отличительного знака. Речь вряд ли могла идти о простом копировании. Эйлиф подчеркивал, что изображение на печати русского государя двуглавого орла свидетельствует о желании «Москвы выразить равенство с западными странами, особенно с императорским домом Габсбургов»⁴²⁰.

Автор данной статьи разделяет точку зрения Н. П. Лихачева, Г. Эйлифа, связывающих появление подобной печати с установлением дипломатических контактов Московской Руси и императоров Священной Римской империи. По сравнению с прежними княжескими печатями, существовавшими на Руси, например, в XIV–XV вв., печать 1497 г. была абсолютно новой по виду (материал, размер, изображение двуглавого орла на одной из сторон, новая форма титула) и по идее.

На последнем моменте следует остановиться особо. Имеются многочисленные свидетельства о стремлении Ивана III поставить себя на один уровень с первым монархом Европы – императором Священной Римской империи⁴²¹. Однако, признавая факт подражания, вряд ли можно согласиться с подобной персонификацией объекта подражания или ставить акцент на знакомстве с западноевропейским делопроизводством. Выбор эмблем для нового атрибута власти, каковым являлась данная печать, не мог быть случайным, заимствованным, еще и потому, что ее появление соотносится с целой серией предпринятых Иваном III шагов, направленных на укрепление его политического престижа как правителя суверенного государства. Г. Эйлиф выстраивает убедительную систему доказательств борьбы Ивана III за признание его императором. Он показывает действия великого князя Московского в этом направлении внутри страны и за ее пределами, причем эти действия начались еще до женитьбы на византийской принцессе (например, выпуск золотых монет – в подражание венгерским дукатам). Сама женитьба, таким образом, вплетается в контекст притязаний на императорский титул, не являясь отправной точкой. Американский ученый пишет, что «с самого начала 1460-х гг. великие князья стремились к признанию их за границей наследниками византийских императоров, и Иван III предпринял более решительный шаг после контакта с Габсбургами»⁴²².

В процессе притязаний на императорский титул должна была складываться концепция власти великого князя Московского, которая и послужила обоснованием появления знаков власти. В связи с этим представляется заслуживающей внимания точка зрения тех ученых, которые считают, что уже в конце XV в. существовало литературное произведение поли-

⁴¹⁹ Idem. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View // *Speculum*. V. № 1.

⁴²⁰ Ibid. S. 12.

⁴²¹ Подробнее об этом см.: Соболева Н. А. Символы русской государственности // *Вопросы истории*. № 6.

⁴²² Alef G. The Origins of Muscovite. P. 89.

тического характера, обосновывающее родство русских князей с римскими императорами, начиная от Августа.

Теория происхождения русских государей от императора Августа, как известно, оформилась в XVI в. Применительно к знаку власти она выражена в словах Ивана IV, который возражал шведскому королю Юхану III в ответ на замечания последнего о печати русского государя: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся»⁴²³.

---

⁴²³ Сборник Русского исторического общества. СПб., Т. С. 213, 238.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.